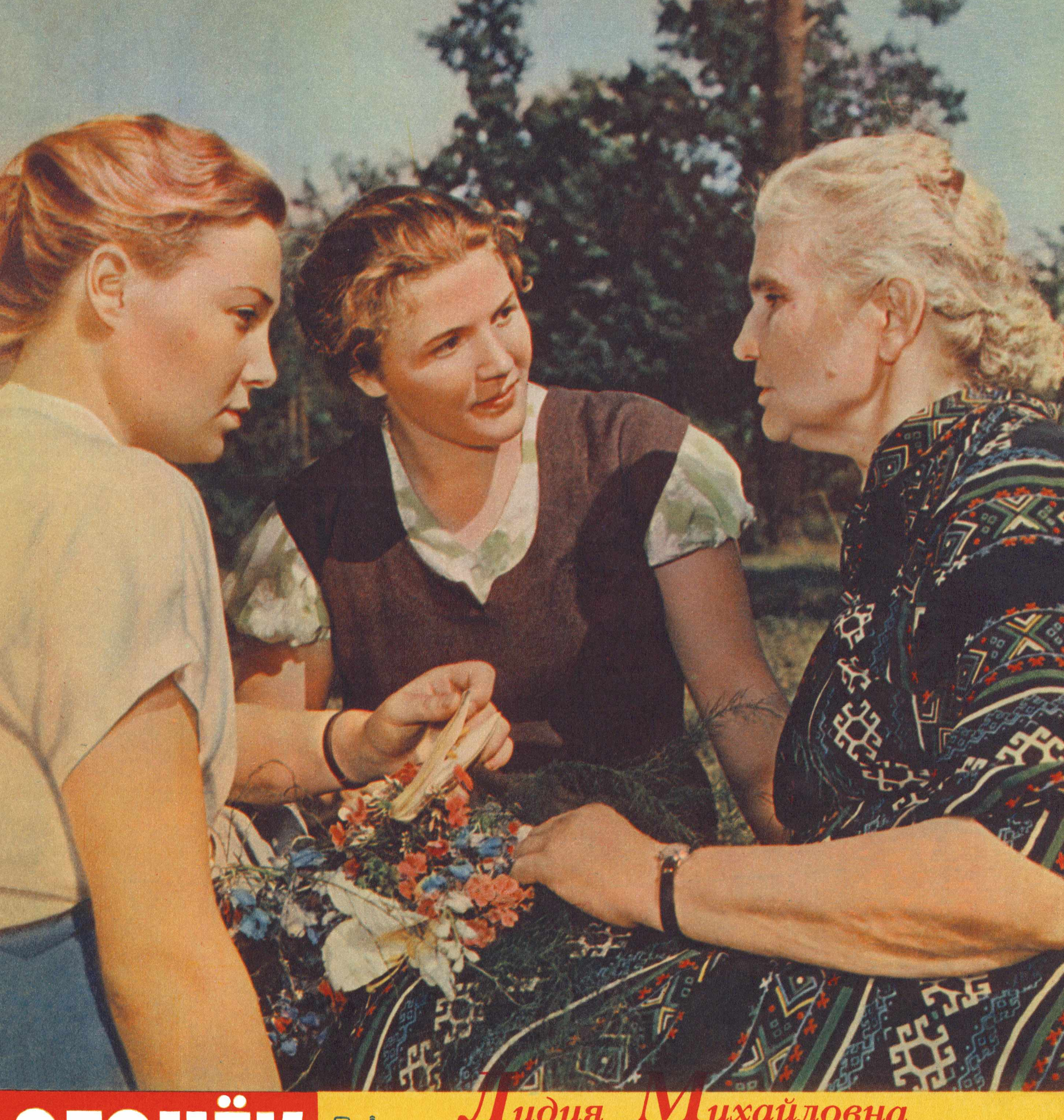

ОГОНЁК

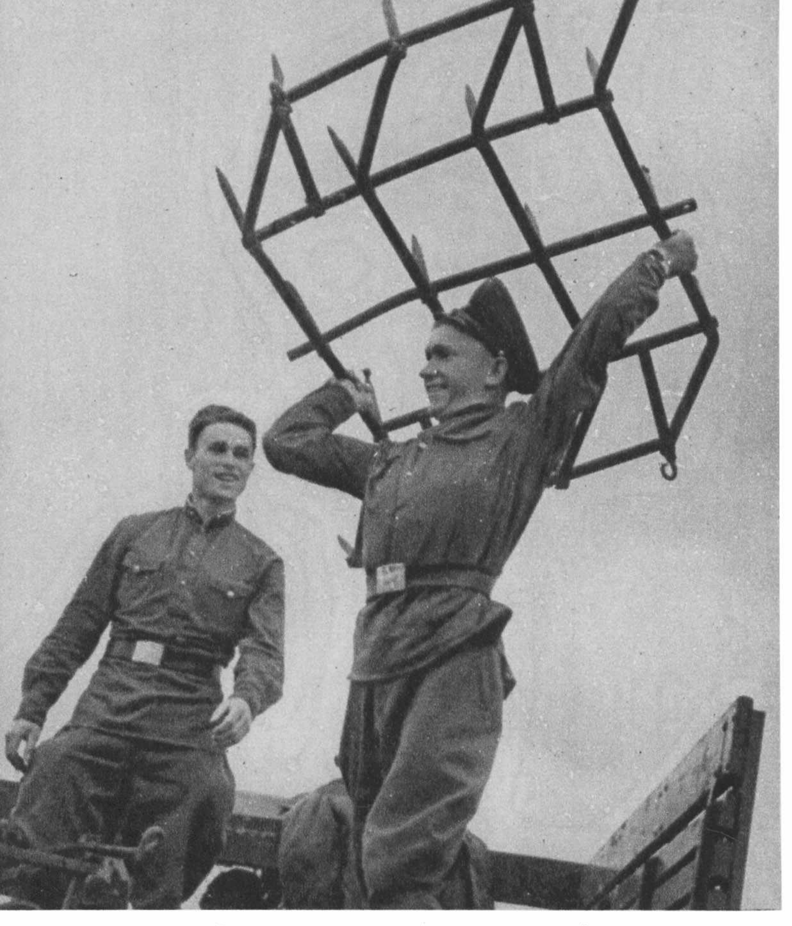
№ 34 АВГУСТ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Лидия Михайловна

ПОКОРИСЬ, ТАЙГА!

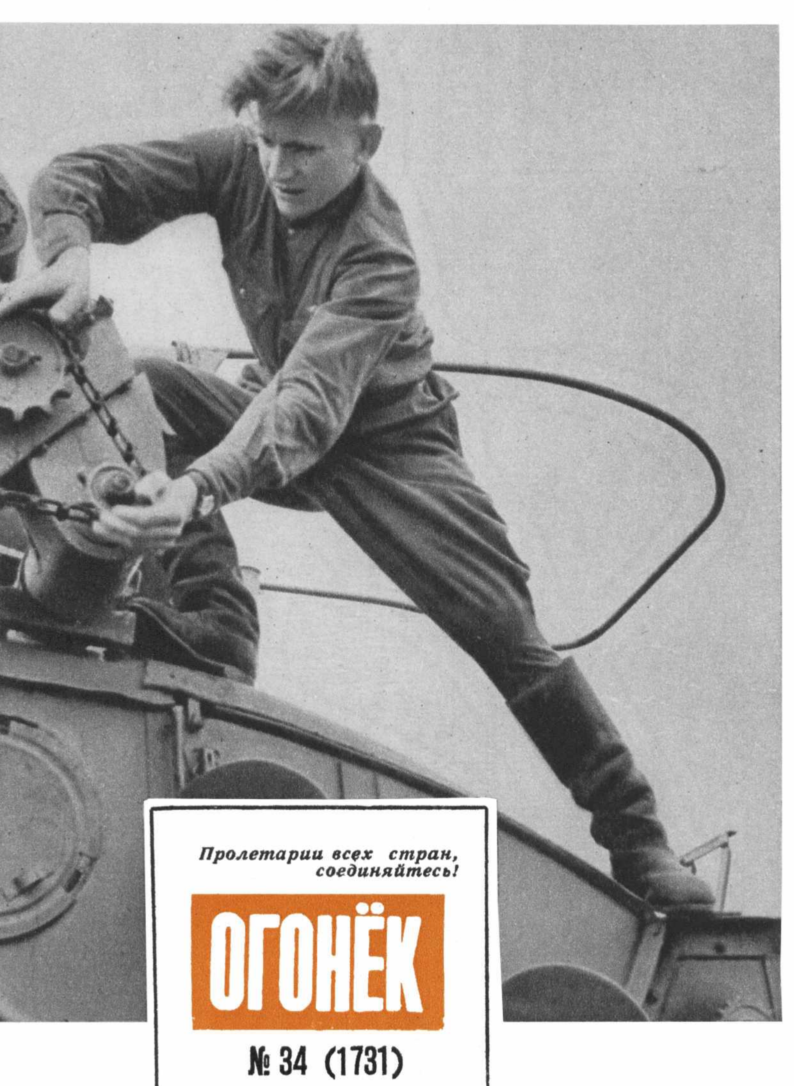
Там, где возвращаются улыбки

Записки иллюзиониста

Вот какие силачи к нам приехали!

В. Никишин взялся за дело.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 34 (1731)

21 АВГУСТА 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПОЛЕВАЯ ПОЧ

Всем сердцем одобряем решения родной партии

Первому секретарю ЦК КПСС
товарищу Н. С. ХРУЩЕВУ

Дорогой Никита Сергеевич!

С большой просьбой обращаются к Вам воины, коммунисты и комсомольцы, находящиеся на службе в рядах Советской Армии. Наша молодежь горячо откликается на решения Коммунистической партии и Советского правительства, едет на самые ответственные стройки семилетки, на целинные земли. Мы, воины, всем сердцем одобряем решения родной партии и хотим подтвердить это делом.

Мы организовали комсомольскую тракторную бригаду, имеем своего бригадира, помощника, трактористов, комбайнеров, шоферов, других специалистов и хотим после демобилизации коллективно поехать на работу в один из районов целинных земель.

Просим Вас, Никита Сергеевич, направить нашу бригаду на самый трудный участок. Ваше доверие, доверие партии и правительства мы с честью оправдаем.

В. КАРПУХИН, М. РОДИОНОВ, И. ТАТАРЕНКО, А. КУЧУМОВ, Г. САДЫРТИНОВ, П. БОДОГОВСКИЙ, В. ЛЕБЕДЕВ, В. СКРИПКИН, И. ДЕМИН, А. ОРЛОВ, Н. ДУБЫНИН, А. БАРЫНКИН, А. ШЕВЛЯКОВ, В. СЕРГИЕНКО, А. ТЫРЫШКИН, С. ВОЛОШЕНКО, И. ГРОМОВ, А. АГАПОВ, В. БЕЛОГУБ, В. ПАНОВ, М. ПАШНИН, Г. СИДОРЕНКО.

* * *

Дорогие товарищи!

От всей души хочу поддержать ваше патриотическое желание. Сейчас сотни тысяч наших воинов в связи с новым значительным сокращением Вооруженных Сил СССР возвращаются из армии к мирному созидательному труду. У нас всюду — и в Казахстане, и в Сибири, и на Алтае нужны сильные руки и горячие сердца. И очень хорошо, что вы решили после демобилизации организованно, дружным коллективом поехать работать на целинные земли. Я уверен, что на новом месте вы проявите солдатскую смекалку, покажете образцы труда, по-хозяйски обживетесь. Думаю, что вы найдете там и свое большое личное счастье.

Ваш почин наверняка послужит хорошим примером для других воинов, которые демобилизуются из армии.

Желаю вам успехов.

Н. ХРУЩЕВ

30 апреля 1960 года.

Фотоочерк Риммы ЛИХАЧ.

Как их ждали в совхозе «Рентабельный», Акмолинской области! Сколько было разговоров: «Какие ребята?», «Понравится ли им у нас?»

Несколько месяцев назад двадцать два солдата послали письмо Н. С. Хрущеву. Писали, что создают свою бригаду, что хотят поехать в новый совхоз в Казахстан.

Никита Сергеевич поддержал их патриотический почин и пожелал большого личного счастья.

И вот солдаты приехали. Но уже не двадцать два, а семьдесят. Встречали их не как гостей, Гость побудет и уедет, а эти приехали после демобилизации домой — жить! Значит, не гости, а свои, родные.

Парни всем понравились. Мальчишки до сих пор ходят за солдатами по пятам, отобрали у них все значки, пилотки и погоны и в конце концов совсем «сели на шею».

Совхоз еще молодой, ему всего пять лет. Ох, как нужны здесь люди! Но не залетные — приехали, посмотрели: тяжеловато — и айда дальше! А солдаты — народ крепкий, ребята дружные. Этих ничем не запугаешь. Много работы? Так это даже хорошо!

А дел действительно хоть отбавляй. В совхозе уже построены три плотины, теперь от главной нужно вести водопровод, нужна школа и еще многое. Я слышала, как В. Карпухин, боевой солдатский бригадир, сказал:

— Мы тут, ребята, с вами такой клуб отгрохаем! Со спортзалом!

Клуб наверняка будет. Но это потом. Не привык солдат сидеть без дела. Два дня побыли друзья на центральной усадьбе — и к себе в бригаду, в поле. Скоро уборка. Надо будет убрать 5 140 гектаров пшеницы. Двадцать пять тракторов и 35 комбайнов ждут опытных хозяев.

Первое производственное совещание было коротким. Вопрос один — уборка хлеба.

Четко, быстро, по-военному, распределили технику. И вот уже хлопочут солдаты, каждый у своего трактора.

— Ну что ж, ребята, хозяинуйте! Начинайте строиться. Материал подбросим. Обживайтесь, женитесь и живите себе на здоровье! — говорит директор совхоза А. И. Резников.

— Порядочек, уже обжились,— смеются вчерашние армейцы.

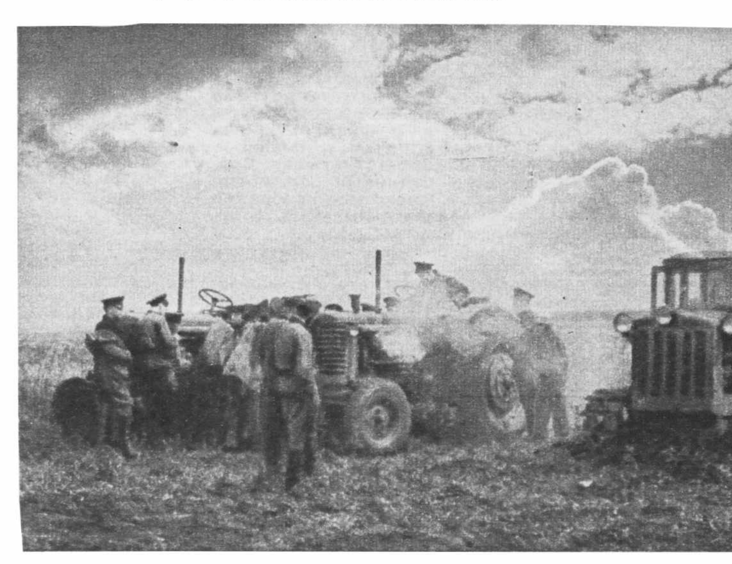
ТА—ЦЕЛИНА

Теркин? Нет, М. Родионов. Там, где он, всегда весело.

Первая сложная «тактическая» задача у В. Карпухина (в центре); слева А. И. Резников.

Перед боем за урожай!

Парней так много холостых..

Интервью «Огонька»

День физкультурника — олимпиада

Август богат спортивными событиями. Советский народ отметил большой праздник — Всесоюзный день физкультурника, а 25 августа в Риме взовьется олимпийское знамя.

Мы попросили Е. И. Валуева, заместителя председателя Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР, ответить на вопросы, связанные с этими двумя спортивными событиями.

1. КАКОВЫ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ВСЕСОЮЗНОГО ДНЯ ФИЗКУЛЬТУРНИКА 1960 ГОДА?

— На этот вопрос можно ответить коротко: семичасовой рабочий день. Этим все сказано. Нынешний год ознаменован бурным ростом спортивных рядов. Ведь у советских трудящихся стало значительно больше свободного времени.

Приток новых сил поставил во весь рост перед нами задачу как можно быстрее строить новые стадионы, площадки, залы, бассейны. Вот вам и вторая примечательная черта Всесоюзного дня физкультурника. А чтобы не быть голословным, вот несколько цифр.

Сейчас у нас в стране свыше 24 миллионов физкультурников, к концу года их будет 29 миллионов, а еще через пять лет мы хотим довести их число до 50 миллионов.

Что же удивительного в том, что именно за последний год по всей стране развернулась огромная физкультурная стройка! Причем в этой стройке принимают активное участие сами спортсмены.

2. РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, О ГЛАВНЫХ ГЕРОЯХ ДНЯ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

— Количество этих героев нам известно: 24 миллиона, так что обо всех не расскажешь. Думается мне, что нам надо идти по другому пути и говорить не об отдельных спортсменах, а о физкультурных коллективах. Впрочем, и коллективов у нас немало—187 тысяч. Среди них есть отличные организации, которые имеют все основания по своим показателям стать спортивными клубами.

В первую очередь мне хотелось бы назвать физкультурный коллектив Ленинградского оптико-механического завода — ГОМЗ. Рядом со спортсменами ГОМЗа по праву занимают место физкультурники ленинградского Кировского завода, «Ростсельмаша», «Уралмаша», Бакинского завода имени лейтенанта Шмидта, рижского ВЭФа и многих других предприятий нашей страны. И не только предприятий! Все больше отличных физкультурных коллективов в колхозной деревне.

3. НЕЛЬЗЯ ЛИ НА НЕСКОЛЬКИХ ПРИМЕРАХ ПОКАЗАТЬ, КАК МАССОВОСТЬ СОВЕТСКОГО СПОРТА ПИТАЕТ ЕГО МАСТЕРСТВО?

— Мы часто прибегаем к этому термину — «массовость». Но что же такое «массовость»? Может быть, нам это станет яснее, если я сообщу читателям «Огонька», что в соревнованиях за год у нас приняло участие 20 миллионов человек. Это значит, что мы почти не имеем «мертвых душ», что у нас спортсмены не условные единицы для статотчета, а действующие лица. Что же удивительного в том, что из такой широкой массы рядовых спортсменов выдвигаются все новые и новые выдающиеся мастера.

Вот Гусман Касанов — казахский юноша, осмотрщик вагонов из Семипалатинска. Он впервые выдвинулся на второй Спартакиаде народов СССР, а теперь Касанов пробегает сто метров за 10,4 секунды. Он включен в состав олимпийской команды.

Вот другой член олимпийской команды, стайер Борис Ефимов, слесарь-наладчик из далекого Ангарска. Рядом с ним мы видим вологодского столяра Николая Соколова, ставшего за последний год одним из сильнейших бегунов мира на дистанции 3 тысячи метров с препятствиями. А что вы слышали о Борисе Смехове? А ведь этот электрик из маленького городка Омутнинска хоть и не стал еще мастером спорта, а уже является кандидатом на поездку в Рим. Он делает большие успехи в марафонском беге.

Больших успехов добился питомец завода имени Лихачева пловец Валентин Кузьмин; быстро выдвигаются в первые ряды гимнаст Виктор Лисицкий, штангист Сергей Лопатин. Все они выросли в низовых физкультурных коллективах, а теперь как равные стоят в строю сильнейших спортсменов мира. Вот как массовость питает мастерство.

4. КАКОВЫ ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИМЕТЫ XVII ОЛИМПИЙСКИХ ИГР?

— Прежде всего следует отметить невиданную массовость этих крупнейших международных соревнований. Они будут рекордными по числу участников. Затем их отличительной чертой является появление большого количества спортсменов стран Азии и Африки. В Риме мы увидим юношей и девушек из Кении, Нигерии, Бирмы. Самые большие делегации пришлют США, Италия, спортсмены ГДР и ФРГ, Англия, Франция и СССР. Советские спортсмены примут участие в 19 видах программы.

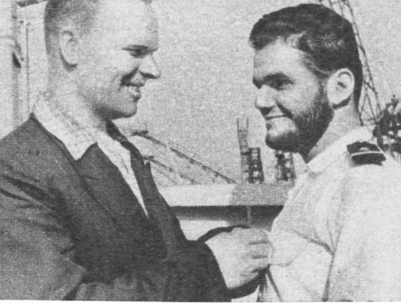
На двух предыдущих Олимпиадах внимание всех было приковано к борьбе за первенство двух команд — СССР и США. Если на XV Олимпийских играх в Хельсинки мы разделили с американцами первое и второе места в неофициальном командном зачете, то на XVI Олимпиаде в Мельбурне обогнали команду США.

Впереди новые спортивные встречи, новая борьба, на сей раз в Риме!

13 августа вся Советская страна отмечала Всесоюзный день физкультурника. На многочисленных стадионах состоялись спортивные праздники и выступления. В Москве, на Центральном стадионе имени В. И. Ленина, олимпийская команда перед отлетом в Рим прощалась с москвичами.

Фото А. Бочинина.

ТЕПЛО ВСТРЕТИЛИ КУБИНСКИХ МОРЯКОВ портовики Ленинграда.

Знатный крановщик порта И. В. Кузнецов, которому недавно присвоено звание Героя Социалистического Труда, дарит на память значок судовому медику Алвору Туру.

Фото Н. Пилюцкого.

ЯПОНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА ОТКРЫЛАСЬ В МОСКВЕ. Представлено пятнадцать тысяч экспонатов.

На снимке: осмотр экспонатов. В центре А. И. Микоян и министр внешней торговли и промышленности Японии М. Исии.

Фото Г. Санько.

950-ЛЕТИЕ РОДНОГО ГОРОДА

На площади Труда.

Молодеет, хорошеет древний русский город на Волге. 75 тысяч квадратных метров нового жилья получили горожане от строителей — тысячи семей справляют новоселье в праздничные дни.

«СЕРЕЖА» ПОБ

Работа начиналась с трудностей. Повесть Веры Пановой «Сережа» сценарием не становилась. Один опытный и способный литератор уже потерпел неудачу. В сценарных отделах начали поговаривать о «некинематографичности» литературной манеры Пановой: в повести нет сюжета. И потом, как это снимать фильм с точки зрения пятилетнего ребенка?

Но Георгий Данелия и Игорь Таланкин проявили упорство. Они стали писать сценарий сами.

На «Мосфильме» к молодым режиссерам относились хорошо. Они были воспитанниками режиссерских курсов при студии, занимались там успешно. Созданные ими первые учебные короткометражки нравились. Оба подавали надежды... И все же сейчас их упорство с этой «некинематографической» повестью многих тревожило. Не идут ли они к неудаче?

Панова одобрила сценарий, тут бы и взять им опытного оператора хотя бы, так нет,— сговорились с дипломником Института кинематографии А. Ниточкиным.

Из множества белоголовых, белобрысых мальчуганов, претендовавших на роль Сережи, выбрали черноволосого Борю Бархатова и перекрасили его в блондина. Спорными казались и другие решения. Режиссеры заявили, что ни за что не станут прибегать к озвучиванию реплик Сережи с помощью актрис-травести, как поступают многие «мастера работы с детьми». Они будут работать с юным актером и записывать его собственный голос, несмотря на весьма нечеткую дикцию.

И вот «Сережа» на экране. За кадрами слышится ровный голос рассказчика, исполненный юмора и доброты, серьезности и человечности. Ведь речь пойдет о большом человеческом сердце, бьющемся в груди у маленького человека.

Сережа бежит за старшими мальчишками. Они не хотят его брать с собой. И он, полный отчаяния и надежды, решимости и нетерпения, стараясь заинтересовать их собой, кричит: "А у меня есть сердце, оно бьется..."

Многозначительность этой первой фразы фильма даже настораживает: не будет ли фильм дидактичен, наполнен поучительными афоризмами? Но нет, искренность, с которой запыхавшийся мальчонка выкрикивает поразившую его новость о сердце, становится основной интонацией фильма.

«Дядя, вы дурак?» — спрашивает Сережа ржущего пошляка, сунувшего ему пустую обертку вместо конфеты. Он спрашивает, а не утверждает. Спрашивает не дерзко, даже не обиженно, а как бы жалея глупого шутника, как бы размышляя о причинах существования подобных «дядей». В размышлениях, в переживаниях, в душевных движениях Сережи — обаяние, свежесть и сила фильма.

Боря Бархатов играет удивительно, великолепно. Он именно играет в Сережу, как мог бы играть в пожарного, в летчика, в пирата. Молодые режиссеры с тонким искусством и умом использовали спо-

ИЗ ВЛАДИВОСТОКА В ПРИБАЛТИКУ — таков маршрут этих мотоциклистов. На днях их приветствовали москвичи на Центральном стадионе имени В. И. Ленина.

Спортсменами пройдены уже многие тысячи километров. И ни одной аварии, ни одной поломки.

Фото С. Преображенского (ТАСС).

ИСПОЛНЕННЫЙ ДРАМАТИЗМА, страстный в своем публицистическом звучании фильм «Белая кровь» создан коллективом киностудии «Дефа» Германской Демократической Республики. Кинокартина рассказывает об испытаниях атомного оружия, о страшной угрозе, которая висит над человечеством.

На снимке: кадр из фильма.

ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ КИНО на московском стадионе «Динамо» произошел неожиданный эпизод. Понесла лошадь, впряженная в качалку, в которой ехала Марина Ладынина — героиня фильма «Кубанские казаки». Каждую секунду могла случиться беда. Попытки остановить галопом несущуюся лошадь ни к чему не привели. Но вот из публики выбежал парень и бросился к лошади, все увеличивавшей скорость бега. Через мгновение он оказался под копытами, чудом вывернувшись из-под колеса качалки. А лошадь продолжала нестись. Стадион ахнул и замер. Парень поднялся с гаревой дорожки, снял башмаки и, перейдя через зеленое поле стадиона, снова бросился к лошади. Бешеная скачка была остановлена.

Через тридцать минут черный лимузин, в котором стояли, обнявшись, Марина Ладынина и ее спаситель, маляр московского завода имени Первого Мая Сергей Романенко, совершил круг почета. Зрители стоя приветствовали героя.

Фото А. Бочинина.

ПРАЗДНУЮТ ЖИТЕЛИ ЯРОСЛАВЛЯ

На набережной реки Которосль рядом со старинными колокольнями растут этажи новых домов.

Фото М. Савина.

Сегодня мы снова печатаем карту Африки, на которой в эти дни появились новые независимые государства. В августе этого года провозгласили независимость Дагомея, Нигер, Верхняя Вольта, Берег Слоновой Кости, Чад, Центрально-африканская Республика, бывшее французское Конго, Габон. Скоро станут суверенными и другие африканские колонии. К концу 1960 года около трех четвертей населения Африки сбросят цепи колониального рабства. То, что происходит сейчас на Черном континенте, подтверждает слова Н. С. Хрущева, сказанные им в сентябре 1959 года на заседании Генеральной Ассамблеи ООН: «Рушатся и основательно рушатся последние бастионы изжившей себя колониальной системы, и это является одним из знаменательных факторов нашего времени».

ЕЖДАЕТ

собность ребенка к перевоплощению в воображаемый образ, они сумели увлечь мальчика этой игрой. А подчас Боре и не нужно было играть в Сережу, достаточно было быть самим собой. В брызжущих весельем, истинно комических сценах, когда «весь двор», вся компания разнокалиберных мальчишек и девчонок самозабвенно катается на новом Сережином велосипеде, катается до полного разрушения злосчастного этого велосипеда, все дети предельно естественны, они живут этой озорной забавой.

Правда в показе психологии и чувств ребенка — первая победа фильма. А вторая, еще большая его победа — это правда в показе советского ребенка, ибо Сережа — это именно советский мальчик.

Это утверждение может показаться надуманным и даже смешным. Разве при иной, буржуазной или феодальной системе не могло случиться, что маленький мальчик сначала дичился, а потом полюбил своего отчима? Разве не мог там найтись умный, добрый и любящий отчим? Конечно, мог! Но общечеловеческая и вневременная коллизия отчима и пасынка конкретизирована в повести и в фильме «Сережа» на советском, именно, обязательно, непременно советском материале, на раскрытии именно, непременно советских характеров. Это достигнуто точностью и конкретностью деталей поведения людей, их образа мышления. Ведь перелом во взаимоотношениях между Коростелевым и Сережей происходит не при покупке велосипеда и не при неумелых, мужских попытках Коростелева приласкать мальчика, а при посещении Сережей совхоза, где он видит Коростелева работающим, действующим и проникается уважением к нему.

Эти сцены в совхозе поставлены очень скромно. Коростелев не совершает трудовых подвигов. Но в повседневной жизни, в прозаических столкновениях с разными людьми он ведет себя как добрый, спокойный, мудрый советский человек, движимый социалистическим отношением к людям, к делу. Сергей Бондарчук играет эти сцены очень просто и точно. Он деловит, озабочен, он забывает о пристальном взгляде ребенка, об устремленных на него ищущих, узнающих, познающих глазах. Но зритель смотрит на него вместе с Сережей и ощущает, как в сознании ребенка рождается доверие к этому взрослому, рождается трудом этого взрослого — социалистическим трудом.

В фильме есть, конечно, и упущения и слабые сцены. Главное упущение — образ матери. Ирине Скобцевой почти нечего играть. И актриса не находит ясной и мотивированной линии поведения.

Но эти слабости искупаются блеском побочной линии — приезд к тихой соседке знаменитого брата-моряка. В. Меркурьев играет мелкого человека в романтической капитанской форме так весело, зло и точно, что просто досадно становится, когда он уходит с экрана. Несмотря на кажущуюся несвязанность этой линии с основной, Сережиной, понимаешь, какое большое смысловое значение она имеет. Нечуткое, поверхностное, глупое и стандартное отношение капитана к своему баловному племяннику оттеняет глубокую человечность отношения Коростелева к Сереже.

Оператор А. Ниточкин создал на экране светлый, лирический образ нашей повседневности.

Фильм понравился и на «Мосфильме» и на просмотре в Доме кино. Дебют был признан удачным. Фильм послали на XII Международный карловарский фестиваль.

Этот фестиваль — весьма серьезное соревнование. «Бои» идут не на пляже и не туалетами звезд, как в Канне и Венеции, а на «вольной трибуне», в свободной, многолюдной и часто ожесточенной дискуссии, где сталкиваются не только вкусы, но и мировоззрения. Прославленные мастера — итальянец Роберто Росселини, немец Вольфганг Штаудте, англичанин Лоуренс Оливье представили на конкурс зрелые, умные произведения. Но не с ними хочется сравнить «Сережу».

Одна из могущественнейших кинематографий мира — французская — тоже прислала в Карловы Вары первый фильм молодого режиссера. «В воскресенье не хорონят» Мишеля Драша—талантливый фильм одаренного художника. В нем есть гневный протест против бесчеловечности буржуазных нравов. Но в нем есть и пессимизм, прискорбное неверие в человека.

Мишель Драш мастерски воспроизвел в своем фильме и сцены распутства, и жуткие сцены убийства, и тонкие психологические нюансы допроса, и мрачный эпизод повешенья. Что ж мог противопоставить «Сережа» этим сильнодействующим эффектам? Детские слезы по сломанному велосипеду? Хозяйственные хлопоты директора совхоза?..

А победил «Сережа»! Международное жюри, состоящее из представителей двадцати стран — режиссеров, художников, критиков, искусствоведов,— единогласно присудило «Сереже» высшую премию фестиваля.

«Сережа» победил добротой. Он победил простотой и правдивостью. Верой в человека. Любовью к справедливости. И той ясной, спокойной уверенностью в будущем, которая сильнее любых «вечных проблем» и «проклятых вопросов».

Р. ЮРЕНЕВ

Сережа — Боря Бархатов, Коростелев — С. Бондарчук.

Симпатичные девицы мобилизованы на проведение избирательной кампании. Различие в том, что за Кеннеди агитируют более одетые...

Предвыборный «кэч»

А. СЕРБИН

...Бац!

Удар прямо в солнечное сплетение.

— Ооу-у! — вопит получивший удар и, в свою очередь, норовит укусить противника за ухо. Два тела сливаются в клубок, слышатся рычание, сопение, вой, глухие звуки увесистых оплеух.

Это американская борьба «кэч», в которой нет правил. Описание ее вполне подходит для того, чтобы представить себе, что происходит в США на арене предвыборной борьбы за пост президента.

На самих выборах, которые состоятся 8 ноября, у американца не будет выбора: платформы кандидатов в американские президенты напоминают две горошины из одного стручка. Ища различия между кандидатами, американский избиратель обнаружит в печати разве что следующее: кандидат республиканской партии Ричард Никсон, по свидетельству его мамаши, раскрывая свежую газету, прежде всего читает спортивные страницы, в то время как кандидат демократической партии Джон Кеннеди, опять же по сведениям из вполне достоверных источников, предпочитает политические программы телевидения. В остальном склонности и взгляды кандидатов в президенты отмечены почти трогательным единодушием, начиная от гольфа, искусством игры в который наделены оба, и кончая гонкой вооружений, которую оба обещают сохранить на радость военным компаниям. Это единодушие, впрочем, не уменьшает остроты предвыборного «кэча», и американскому избирателю предоставляется полная возможность быть немым свидетелем того, как соперничающие монополистические круги стараются протолкнуть «своего» человека в Белый дом.

«Они точат ножи...» — писала недавно о двух кандидатах в президенты газета «Вашингтон пост энд Таймс геральд». Газета сообщала: «Как участник политического ближнего боя, который редко считается с правилами, вице-президент США Ричард Никсон инстинктивно знает, как нанести удар в вену». Эти «удары в вену» были продуманы еще до того, как съезды демократической и республиканской партий назначили своих кандидатов. Тогда против наиболее вероятного кандидата демократов сорокатрехлетнего Джона Кеннеди сторонниками Никсона был пущен в ход лозунг, который гласил: «Не доверяйте младенцу работу мужчины». Без сомнения, при участии тех, кто планирует избирательную кампанию Никсона по городам и весям Соединенных Штатов, был распространен такой ехидный анекдот:

Джозеф Кеннеди (отец) говорит Джону Кеннеди (сыну, кандидату в президенты): Кем ты хочешь быть, мой сын?

Кеннеди-сын. Я хочу быть президентом.

Кеннеди-отец. Знаю, знаю. А кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

Но, несмотря на свой относительно юный возраст, кандидат демократической партии вовсе не новичок в политике. «Вашингтон пост энд Таймс геральд» свидетельствует: «Кеннеди и его соратники — это профессионалы в самом буквальном смысле слова». На обвинение в молодости Кеннеди ответил сразу двумя ударами: во-первых, на очередное заседание американского сената, где он выступал с речью о внешней политике, кандидат от демократов явился в темном костюме, белой рубашке и галстуке весьма умеренной расцветки. Внешний облик должен был доказать, что Кеннеди отнюдь не младенец, а вполне зрелый государственный муж. Во-вторых, против лозунга республиканцев он выдвинул свой. Пост президента, заявил он, требует «силы, здоровья и отваги молодого человека».

Это был явный выпад против республиканцев и их нынешнего президента Эйзенхауэра, о котором демократы давно говорят как о «больном человеке». Однако выпад затронул не только республиканцев, но и демократа Линдона Джонсона, который сам метил в президентское кресло. Джонсон усмотрел в словах Кеннеди намек на сердечный припадок, который случился с ним в 1955 году. Сторонники Джонсона реагировали моментально: они заявили, что Кеннеди сам... неизлечимо болен почками. Журнал «Тайм», симпатизирующий республиканцам, не преминул информировать публику, что Кеннеди в свое время не взяли в армию, так как у него была повреждена спина во время игры в футбол, и что избранник демократов до сих пор вынужден носить легкий корсет. Тут же журнал с торжеством сообщал, что последнее обследование здоровья Никсона — рентгеновские снимки, электрокардиограмма и измерение кровяного давления — говорит о хорошем состоянии здоровья республиканского кандидата. В печати появились сообщения, что Никсон «сбросил вес» со 175 фунтов до 166 с половиной и благодаря этому находится в «боевой форме»...

Один из главных козырей Никсона в борьбе за пост президента — это сеть клубов, которые носят название «Волонтеры Никсона». Руководит ими нью-йоркский банкир Питер Флейнигэн, намеревающийся создать такие клубы в каждом штате. Чтобы привлечь туда избирателей, по клубам была разослана инструкция, предлагающая давать посетителям бесплатно воду со льдом и печь сдобные печенья в шоколаде по рецепту супруги Никсона госпожи Пэт Никсон.

Демократы явно не додумались завоевывать голоса с помощью воды со льдом. Но зато, как сообщал один английский корреспондент, Кеннеди обладает преимуществом, которого лишен республиканский кандидат. Супруга Кеннеди ждет ребенка, и это обстоятельство, как надеются его сторонники, вызовет симпатии избирателей к кандидату демократической партии.

Нанося друг другу мелкие удары, кандидаты готовятся в дальнейшем ходе избирательной кампании огреть друг друга и коечем покрепче.

Отец Джона Кеннеди — миллионер. Благосклонный папаша отпустил изрядные суммы на поддержку кандидатуры сына. Американские журналы сообщают, что лишь для того, чтобы добиться выдвижения своей кандидатуры съездом демократической партии, Кеннеди уже израсходовал 1 миллион 200 тысяч долларов. Журнал «Ньюсуик» подтвердил, что «сенатор Джон Ф. Кеннеди вложил в свою кампанию до съезда больше времени, таланта и денег, чем кто-либо другой в истории».

Республиканцы утверждают, что им известно, как были истрачены эти деньги. В США распространяются слухи, что министерство юстиции обладает пухлым докладом, состоящим из 105 страниц, посвященным расследованию того, как Кеннеди тратил деньги на первичных выборах в Западной Виргинии. В этих слухах содержится явный намек, что Кеннеди покупал голоса. Говорят даже, что сведения доклада могут послужить основанием «для действий министерства юстиции».

Однако у самих республиканцев не очень сильные позиции для того, чтобы представлять своего собственного кандидата «честным малым». Еще в 1952 году Никсону пришлось публично, по телевидению, выкручиваться, чтобы снять с себя обвинение в том, что он незаконным образом израсходовал 16 тысяч долларов на свою избирательную кампанию. В руках у демократов, как сообщил недавно журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», имеется 14 дел, говорящих о связях правительственных чиновников с монополиями. Во всех этих делах замешаны республиканцы...

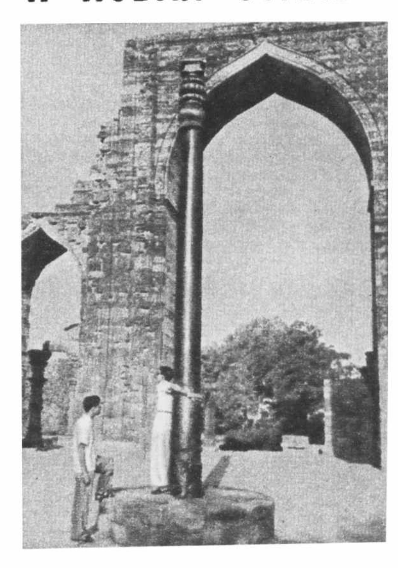
Шум боев, развертывающихся вокруг поста президента, назойливо лезет в уши избирателей, но не увеличивает их симпатий к кандидатам. Недавно журнал «Ньюсуик» разоткровенничался: «Факт, от которого не уйдешь: миллионы американских избирателей далеко не уверены в том, что вице-президент Никсон или сенатор Кеннеди действительно созрели для президентского поста».

Но самих кандидатов это соображение не останавливает. Предвыборный «кэч» не утихает, он только еще набирает силу.

...а за Никсона — менее.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ СТАЛЬ

У «железной колонны».

В пригороде Дели, где высится старинная башня Кутб Минар, стоит знаменитая «железная колонна». Более 15 столетий прошло с тех пор, как индийские мастера металла выковали эту колонну высотой в 8 метров, диаметром 400 миллиметров и весом 12 тонн. Во всех других странах такие изделия из металла научились делать не более сотни лет назад. Нас, советских инженеров, восхищает мастерство древних умельцев, создавших колонну. Влажный и теплый индийский климат в несколько лет заставляет ржаветь любую металлическую конструкцию. Индийская «железная колонна» стоит полторы тысячи лет, и на ней нет даже малейших следов ржавчины. Ученые нашли, что изготовлена она из химически чистого железа, обладающего высокими антикоррозийными свойствами.

Существует в Индии поверье: у того, кто станет спиной к «железной колонне» и сведет за ней руки, заветное желание обязательно исполнится.

В наши дни «железная колонна» — только памятник далекого прошлого. Независимая Индия льет сегодня свою собственную промышленную сталь. Это плод совместных трудов советских людей и индийцев. Они вместе построили Бхилайский металлургический гигант на равнине штата Мадхья Прадеш. Там окрепли наша дружба и доверие, и они тоже не подвержены коррозии времени.

Дружат отцы — дружат и дети. Эти две девочки (на снимке внизу) едва ли еще много узнали об окружающем их мире, но светлое чувство дружбы наполняет их детскую жизнь радостью. Их отцы трудятся на строительстве одной из крупнейших электростанций Индии — Нейвели.

Строительство этой электростанции в штате Мадрас, на крайнем юге страны, идет полным ходом. Сегодня это второй по величине после Бхилайского завода промышленный объект. Электростанция сооружается по советскому проекту, с помощью советских инженеров.

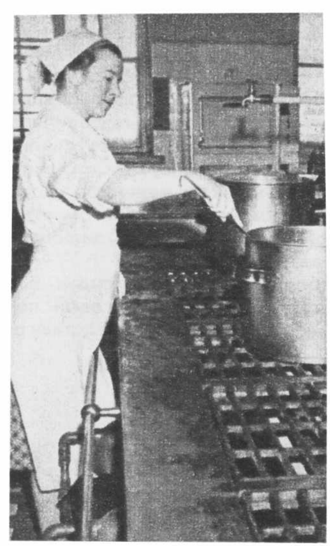
Я недавно побывал на этом строительстве и там еще раз почувствовал всю силу и весомость дружбы обоих народов.

Инженер Н. ГАЛОЧКИН

Обед приготовлен на холодной плите

Плита холодная, а суп кипит...

Фото Н. Козловского.

Без многих вещей можно обойтись на кухне, а вот без огня, без плиты не сваришь борщ, не пожаришь картошку. Стоит повар у пышущей жаром плиты, «колдует», готовит вкусные блюда, а по лицу его льется градом пот. Температура тут летом не ниже каракумской — шестьдесят градусов.

«Если бы умерить жару!» — мечтают повара. И что же, мечта эта, оказывается, вполне осуществима.

Загляните в рабочую столовую киевского завода «Ленинская кузница». Недавно здесь на кухне установили еще одну плиту. Внешне она мало чем отличается от соседних. Но при внимательном осмотре замечаем, что хотя бурлит бульон, но нигде не видно огня. Дотрагиваемся рукой до плиты — она прохладная.

— Да, плита эта необычная,— объясняют повара. — Тут вместо пламени инфракрасные лучи.

Конструкцию новой плиты разработали специалисты Украинского научно-исследовательского института торговли и общественного питания вместе с работниками Института использования газа Академии наук УССР.

В плите нет обычной чугунной жарочной поверхности. Вместо нее двенадцать секций с ажурными решетками. Под каждой расположена грелка с керамической насадкой. Она-то и излучает инфракрасные лучи во время сгорания газа, подведенного к горелкам. Инфракрасные лучи идут прямо вверх, под дно посуды. Вот почему сама плита не нагревается и в столовой ее справедливо называют холодной, — возле нее удобно работать поварам.

Есть и другие преимущества у этой плиты. Расход топлива сокращается в 5—6 раз. Газ сгорает полностью, без чада.

Оригинально устроено зажигание плиты. Над горелками непрерывно проскакивает электрическая искра. Достаточно повернуть регулятор подачи газа — и начинается инфракрасное излучение.

На такой холодной плите вода закипает втрое быстрее, чем на горячей.

Появлению чудесной новинки кулинары обязаны не только ученым. Плиту изготовили и смонтировали мастера завода «Ленинская кузница».

Н. ВАРВАРЦЕВ,
М. ДЕРЕЗА

Чжан К-чи на подаренном ему автомобиле.

ЧЖАН К-ЧИ — «КРЕСТНИК» УКРАИНСКОГО АНСАМБЛЯ

В китайском городе Чжанчжоу живет маленький мальчик с необычным в этих краях именем — Чжан К-чи. История этого редкого имени заслуживает, чтобы о ней рассказать подробно.

...На концерты Государственного ансамбля танцев УССР, который с большим успехом гастролировал в Китае в 1956 году, чета Чжан Пин и Чжан Хен-тай приобрела билеты за месяц до начала гастролей. Но случилось так, что в день концерта Чжан Пин отвезли в больницу, там она родила сына.

Вскоре художественный руководитель ансамбля Павел Павлович Вирский получил письмо, в котором Чжан Пин и Чжан Хен-тай сообщали о своем намерении назвать сына именем ансамбля «в честь нерушимой дружбы между народами СССР и Китая и в честь пребывания ансамбля в городе Чжанчжоу».

Артисты вначале растерялись: с подобною просьбою им пришлось встретиться впервые. Но когда они пришли в гостеприимный дом молодых родителей, то поняли, что в этом желании кроется трогательная любовь простых китайских людей к их брату и соседу — советскому народу.

Началась торжественная церемония по старинному китайскому обычаю. Каждый из 80 артистов ансамбля съел по миске лапши и по четыре яйца, выкрашенных в красный цвет, чтобы ребенок вырос здоровым и жил много лет.

Мальчика назвали тогда Чжан К-чи (Чжан — фамилия отца, «К» — звук в слове «Украина» и «чи» — глагол, означает «танцевать»). Много было сказано в этот день сердечных слов по-русски, по-украински, по-китайски. И все решили тогда: Чжан К-чи будет счастливым человеком, у него много друзей и среди них целый советский ансамбль, каждый из участников которого считает себя с этого дня родственником новорожденного.

С тех пор артисты украинского ансамбля стали ежегодно отмечать 11 августа — день рождения Чжан К-чи. Когда мальчику исполнилось два года, они отправили из Киева в Чжанчжоу шелковую сорочку с вышивкой в национальном украинском стиле и шаровары. Вскоре пришло письмо из Китая. Родители благодарили за подарок и сообщали, что Чжан К-чи в новом костюме обязательно будет разучивать украинский гопак. В следующем письме артисты нашли фотографию старательно приседающего Чжан К-чи в украинском костюме.

Затем у малыша Чжан К-чи появился новый подарок — советские игрушки: автомобиль и железная дорога. Чжан Пин и Чжан Хен-тай считают своим долгом подробно сообщать украинским друзьям о том, как растет и развивается их сын, какими новыми словами обогащается его речь.

«Недавно,— пишут родители малыша,— китайская газета «Чжанчжоу жибао» поместила на своих страницах фотографию и статью под названием «Маленький К-чи растет в атмосфере дружбы».

Когда сын подрастет, мы обязательно вместе с ним побываем в Советском Союзе, в вашем прекрасном Киеве».

А. СТРИЖЕВСКИЙ

«ТАНЦУЮЩИЙ ЛЕС»

Жители центральной полосы России с детства привыкли видеть березы стройными, красивыми. Но не всегда и не везде березкам удается вырасти такими.

Вот, например, как обезобразила природа эту березовую рощу на берегу озера Боровое в Северном Казахстане.

Сугробы снега и ветры заставили березки еще в раннем детстве горбиться и извиваться в борьбе за жизнь.

Курортники назвали эту рощу «танцующим лесом». Под таким названием она и известна в Боровом.

С. ЧИСТОКЛЕТОВ

Фото автора.

Дача путешествует

Кто не мечтает в летнюю пору всей семьей выехать на лоно природы, провести месяц-другой где-нибудь в сосновом бору или березовой роще, на берегу озера или у реки!

Но у вас нет своей дачи. Как же тогда? Снять комнатушку в деревне? Это не всегда удобно. Вот если бы взять дачу напрокат...

Да, это возможно. Такие дачи уже появились в столице Белоруссии Минске. Это красивые, комфортабельные вагончики на автомобильном ходу.

При небольших размерах вагончик вместителен, он рассчитан на семью из пяти человек: двух взрослых и трех детей. Внутри мягкая мебель для сна, двухконфорочная газовая плита с запасом газа на месяц, умывальник с раковиной, баком для воды и зеркалом, стол с лампой и источником электроэнергии. Тут же отделение для одежды, место для белья и посуды. Широкие окна пропускают много света, открывая хороший обзор местности. Имеется и прекрасная вентиляция. Металлическая обшивка снаружи и утепленные фанерные стены внутри всегда защитят дачников от дождя, ветра и холода.

Вес вагончика — 700 килограммов. Из города в дачный район его легко буксируют «Победа», «Волга» и газик-вездеход «ГАЗ-69». Если избранное вначале место стоянки не понравится или быстро надоест отдыхающим, можно в любое время перебраться в более удобный и живописный уголок.

Первые дачи-вагончики созданы группой рабочих 11-й автобазы Минска под руководством инженера В. В. Хмельницкого. Наряду с пятиместными дачами они изготовили и вагончик для семьи в три человека. Когда недавно вагончики-дачи проезжали по улицам и площадям Минска, они вызывали единодушное восхищение минчан.

По решению правительства Белоруссии организуется массовое производство дач на колесах. Прокат начнется уже весной будущего года.

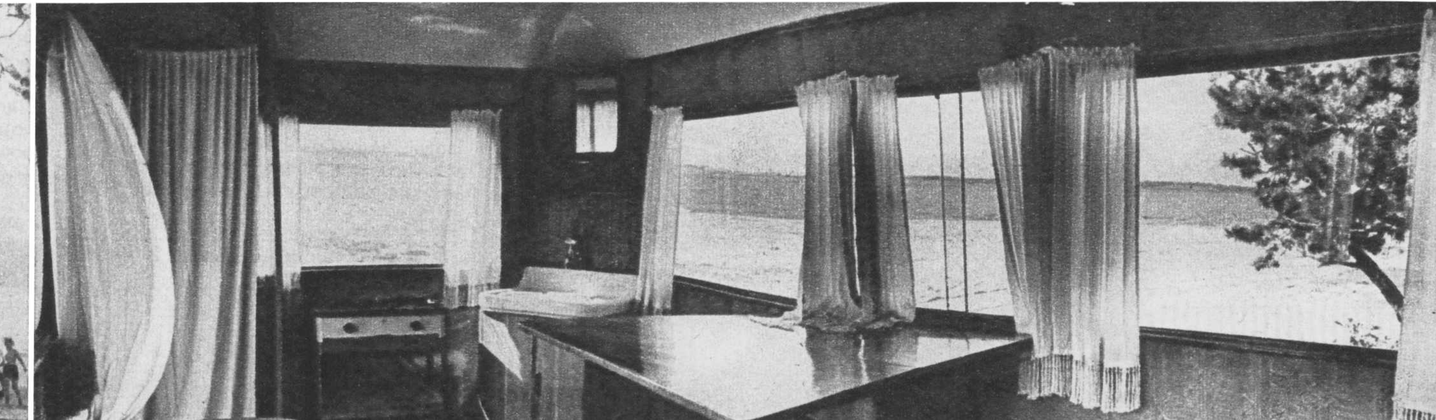
В. БОРУШКО

Дача въезжает в лес.

Уютно... Не правда ли?

Фото В. Кузьмина.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ открылась в Москве в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.

На снимке: товарищи Л. И. Брежнев и А. И. Микоян осматривают выставку. Пояснения дает советник венгерского посольства в Москве Ш. Грейнер.

Фото Е. Умнова.

БУХТАРМИНСКАЯ ГЭС НА ИРТЫШЕ вступила в строй на месяц раньше срока. Первый силовой агрегат дал промышленный ток. За плотиной высотой около ста метров в горах Алтая раскинулось новое водохранилище. В нем будет накоплено 53 миллиарда кубометров воды.

На снимке: вид Бухтарминской ГЭС с нижнего бьефа.

Фото А Горячева.

ВОЗДУШНЫЙ ШПИОН ПЕРЕД СОВЕТСКИМ СУДОМ

Москва. Колонный зал Дома союзов. Открытое судебное заседание военной коллегии Верховного суда СССР по уголовному делу американского разведчика Пауэрса Фрэнсиса Гарри. На снимке: защитник М. И. Гринев и обвиняемый Ф. Г. Пауэрс.

Фото ТАСС.

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Фото Р. Лихач.

Возвращ

Как лучше понять художника: прочитать о нем пухлые тома или посмотреть его картины?

Вера Ивановна Соколова не имеет прямого отношения к искусству: она врач, избравший редкую и трудную область медицины — сложное челюстно-лицевое протезирование. Материалом для ее творчества служат не краски, не глина или мрамор, а человеческое тело с мышцами и нервами. И тем не менее рассказ о ней хочется начать с показа результатов ее труда.

Вот наугад выхваченные из длинной череды две судьбы, две врачебные победы.

Девушка из далекого города

Дверь отворилась, и медицинская сестра громко позвала:

— Грайворонская! [1].

Больные, сидевшие в приемной Центрального института травматологии и ортопедии, вопросительно переглянулись, но никто не отозвался. Сестра поискала кого-то глазами и повторила:

— Грайворонская, ваша очередь...

Высокая, стройная женщина с карими смеющимися глазами и шапкой золотистых непокорных волос вздрогнула от неожиданности.

— Извините, иду. В окно загляделась...

Она приветливо рассмеялась, блеснув ровными, крепкими зубами, и направилась в кабинет. Больные вновь переглянулись, теперь уже с нескрываемым удивлением: что могло привести сюда эту молодую, пышущую здоровьем красавицу?

Если бы стены кабинета были прозрачными, сидящие в приемной стали бы свидетелями необычной сцены.

Едва переступив порог, Грайворонская бросилась к Соколовой, долго жала ей руку, затем опустилась в кресло и откинула голову. Вера Ивановна старательно направила рефлектор, внимательно оглядела упругие десны, ряд ровных, жемчужно-матовых зубов и удовлетворенно закивала.

— Очень хорошо. И здесь... И тут хорошо! Теперь посмотрим еще изнутри...

Вера Ивановна сделала уверенное движение руками и осторожно положила на металлический подносик... половину верхней челюсти больной. Как сразу изменилось лицо Грайворонской!

...Пять лет назад Грайворонскую привез врач из Института онкологии. Зло, неумолимо обошлась судьба с этой молодой, цветущей девушкой. Раковая опухоль уже поразила значительную часть нёба и грозила захватить лежащие рядом здоровые ткани.

— Придется удалить всю левую половину верхней челюсти,— говорил онколог.— Вот отсюда и до самого крайнего зуба.

Вера Ивановна сняла гипсовые модели с обеих челюстей и отпустила больную. Оставшись одна, она внимательно осматривала слепки ровных, красивых девичьих зубов. Потом вооружилась скальпелем и медленно, осторожно произвела на этом неживом материале задуманную онкологом операцию. Какое глубокое, зияющее получается отверстие!

Соколова задумчиво сидит перед изуродованной гипсовой челюстью и старается представить себе будущий протез и лицо Грайворонской уже после операции. Вот сидит она, запрокинув голову в этом кресле... Вера Ивановна, кажется, явственно видит не только ее израненный рот, ее побледневшее лицо, грустные глаза, но, пожалуй, всю ее дальнейшую жизнь.

Соколова знает, что все надежды девушки отныне связаны с нею, с ее терпением, мастерством. Смеет ли врач не оправдать этих надежд?

Вера Ивановна счастлива, что благодаря ее инициативе и настойчивости теперь налажена тесная связь с Институтом онкологии и челюстные протезы изготовляются задолго до операции. Как это важно для больных! Раньше многие из них попадали сюда спустя долгое время после удаления злокачественной опухоли. Тугие, неподатливые рубцы успевали стянуть, деформировать рот, лицо становилось неузнаваемым. Что мог в этих условиях сделать протезист?

Сейчас все изменилось. Грайворонская еще только дожидается операции, а Соколова вместе с техником Зинаидой Николаевной Самородовой уже создают для нее рабочий протез. Хирург наденет его больной сразу — на операционном столе. Протез не позволит рубцам деформировать челюсти, исказить черты лица.

Линия искусственных зубов ясна Соколовой: ее диктует здоровая нижняя челюсть. Но как заранее предугадать форму будущего нёба? Кто знает, насколько глубоко проросла опухоль!

Много будет затрачено терпеливого труда, проявлено высокого, редкого мастерства, чтобы исправить то, что так злостно исковеркала болезнь. У Грайворонской пришлось удалить значительную часть пораженного раком нёба, и образовался ход в носовую полость. Его надо было герметически закрыть, чтобы больная сохранила голос, могла есть, смеяться, дышать. Но легко сказать, закрыть! Попробуйте только представить

[1] Все фамилии пациентов в этом очерке изменены.

себе трудности, стоявшие перед Соколовой! Ведь для герметичности протез должен идеально точно повторять все складки, все мельчайшие рубцы нёба и в то же время не травмировать его, не отставать, не мешать многообразным и сложным движениям рта. Ювелирная точность — что она по сравнению с этой!

Казалось бы, невозможное, однако, свершилось! Грайворонская вернулась домой, вышла замуж, окончила институт, родила сына. Никто из окружающих, из самых близких до сих пор не подозревает о случившемся. Лишь раз в год Грайворонская приезжает к своему врачу на осмотр.

Вот и сегодня очередная встреча.

— Протез не жмет? Отеков не замечали? — деловито осведомляется Вера Ивановна.— Откройте-ка рот пошире, вот так. Сообщение с носовой полостью заметно сузилось, воспаления нет. Что ж, отлично!..

Через несколько минут из кабинета выходит улыбающаяся красивая женщина, она что-то говорит на прощание врачу своим приятным, звонким голосом...

В сотый раз Соколова в одном месте наращивает на волосок воск, в другом легким прикосновением инструмента спиливает скорее угадываемый, чем различимый глазом бугорок. Повторная примерка. Стало лучше звучать «с», но еще скрипит «ц» — и опять настойчивые, терпеливые поиски...

Недавно профессор пришел на очередной прием грустный, озабоченный.

— Кажется, быть несчастью: разболелись оба зуба...

Вера Ивановна знала, что́ это значит. Внимательнейший осмотр, серия рентгеновских снимков подтвердили опасения: надо было срочно удалить последние опорные зубы на верхней челюсти. К чему теперь крепить протез? Ему больше не на чем держаться, он должен неминуемо упасть. Но он не падает. Идеально отполированная и столь же идеально подогнанная пластинка из легчайшей пластмассы словно «прилипает» к нёбу.

...Как и прежде, профессор Кораблев читает лекции, работает в лаборатории.

ЕННАЯ УЛЫБКА

Профессор

Большая аудитория одного из технических вузов страны переполнена. Впервые после долгой болезни любимый студентами профессор, заведующий кафедрой Иван Георгиевич Кораблев читает лекцию. Едва он показался, в аудитории раздались дружные аплодисменты. Профессор благодарно улыбается и движениями рук призывает к тишине.

...Иван Георгиевич говорит громко, отчетливо, неторопливо. Опытный преподаватель умело пользуется ораторскими приемами.

Кто это пустил слух, будто у Кораблева рак не то горла, не то нёба и что он обречен на немоту? Чепуха! Вон какой голосище!

А загляни кто-нибудь из студентов двумя месяцами раньше в Теплый переулок, где находится Центральный институт травматологии и ортопедии... Ох, и удивился бы!

В зубоврачебном кресле перед Верой Ивановной Соколовой сидел Кораблев и силился что-то сказать — это были невнятные звуки. Профессор перенес тяжелую операцию: у него удалили 11 верхних зубов и более половины нёба. Огромное отверстие соединило рот с носовой полостью.

— Повторяйте за мной,— говорит Соколова больному: — «Ищу сыр, рожь заколосилась, экономия»... Повторяйте: «Рожь заколосилась, ищу... ищу... заколосилась...».— Она вновь и вновь чутко прислушивается к каждому звуку, вопросительно поглядывает на второго врача, Софью Григорьевну Гадон: мол, видите, я была права, протез негерметичен, воздух проходит, пожалуй, вот здесь.

Путь к мастерству

Хирурги говорят: сделать «операцию Вредена» или «Гритти — Шимановского». Самих этих ученых давно нет в живых, но их имена вошли в золотой фонд науки, стали достоянием истории. На долю других врачей и ученых выпала куда более скромная роль: они тоже создают оригинальные аппараты, разрабатывают схемы новых операций, но таких, которые нужны не для тысяч, а именно для этого больного.

Почти сорок лет своей врачебной практики Вера Ивановна Соколова отдала вот такой работе. Она является автором нескольких оригинальных, умных конструкций ортопедических аппаратов, оказавших неоценимую пользу многим десяткам раненых.

В годы Отечественной войны в Теплом переулке был госпиталь. Сюда попадали солдаты и офицеры с самыми сложными челюстно-лицевыми травмами. Было тяжко видеть эти лица, вернее, остатки лиц. И глаза грустные.

Все военные годы Вера Ивановна работала в этом госпитале. Вечерами, вконец уставшая, она собирала остатки сил, чтобы допоздна биться над усовершенствованием какой-нибудь детали протеза.

В специальных руководствах описаны были десятки аппаратов и протезов — для верхней и для нижней челюсти, несъемных и съемных, жестких и шарнирных, на пружинах и на шариках. Но война ежедневно и ежечасно рушила устоявшиеся догмы. Жизнь нередко вынуждала рядовых практических врачей отвергать конструкции, признанные высокими авторитетами.

Соколова тоже мучительно переживала несовершенства своей науки, когда в госпитальной палате у койки раненого убеждалась: сложнейшая операция по поводу перелома нижней челюсти опять сводится на нет из-за плохой фиксации отломков.

Как быть? Ждать, пока ученые создадут новые иммобилизующие аппараты? Но что сказать сегодня сержанту, лежащему на койке у окна, или русоволосому майору из третьей палаты?

И Соколова сама стала конструктором. Предложенные ею фиксирующие аппараты трех видов выгодно отличались простотой и надежностью, не требовали для своего крепления применения цемента, были разборными и съемными.

Самым животрепещущим, неотложным был тогда вопрос о материалах: из чего делать протезы, особенно сложные? Каучук явно отжил свой век, а что могло его заменить?

Группа научных работников института З. В. Копп, И. И. Ревзин, В. А. Марский и другие решили создать то, что требовалось для помощи раненым. Были испробованы сотни, тысячи соединений. Наконец поиски завершились блестящим успехом — появились новые пластические массы. Они быстро и окончательно вытеснили из зубопротезной практики все другие материалы. Страна отметила этот труд Сталинской премией.

Одна за другой появились новые пластмассы — твердые, как сталь, и мягкие, точно воск, хрупкие и упругие, гладкие и ноздреватые, как губка, появились новые виды клея. Вера Ивановна Соколова и Софья Григорьевна Гадон были верными советчиками и консультантами искателей.

Сколько их, больных, побывало с тех пор в кабинете Соколовой!.. Вера Ивановна показывает альбом своих пациентов.

Вот Сергеев — тракторист с целины, его здесь избавили от расщелины нёба и врожденной «волчьей пасти». Маляр Варя Котярова — хорошенькая, быстроглазая. Просто не верится, что рядом ее же фотография: перекошенная болезнью маска! У работницы Аграфены Ермаковой по неизвестным причинам стали атрофироваться, западать мышцы всей правой половины лица. Искусно выполненный протез ликвидировал асимметрию — и снова на нас смотрит миловидная девушка.

Не раз и после окончания войны доводилось Соколовой браться за циркуль и чертежную линейку. Она заметила, например, что так называемые капповые протезы — их применяют при удалении части нижней челюсти — страдают крупными недочетами: нередко нарушают нормальный прикус, вызывают воспаления слизистой оболочки десен и т. д. Вера Ивановна создала разборный протез новой, оригинальной конструкции.

В. И. Соколова.

Теперь врач может, не вынимая всего протеза, изъять любую деталь, заменить ее другой. После операции иногда приходится неоднократно подгонять ортопедический аппарат. Разборность и съемность значительно облегчают эту задачу.

Прошли долгие годы, прежде чем нашлось время для того, чтобы переворошить старые записи, проанализировать и обобщить богатейший опыт. В 1956 году Вера Ивановна защитила кандидатскую диссертацию.

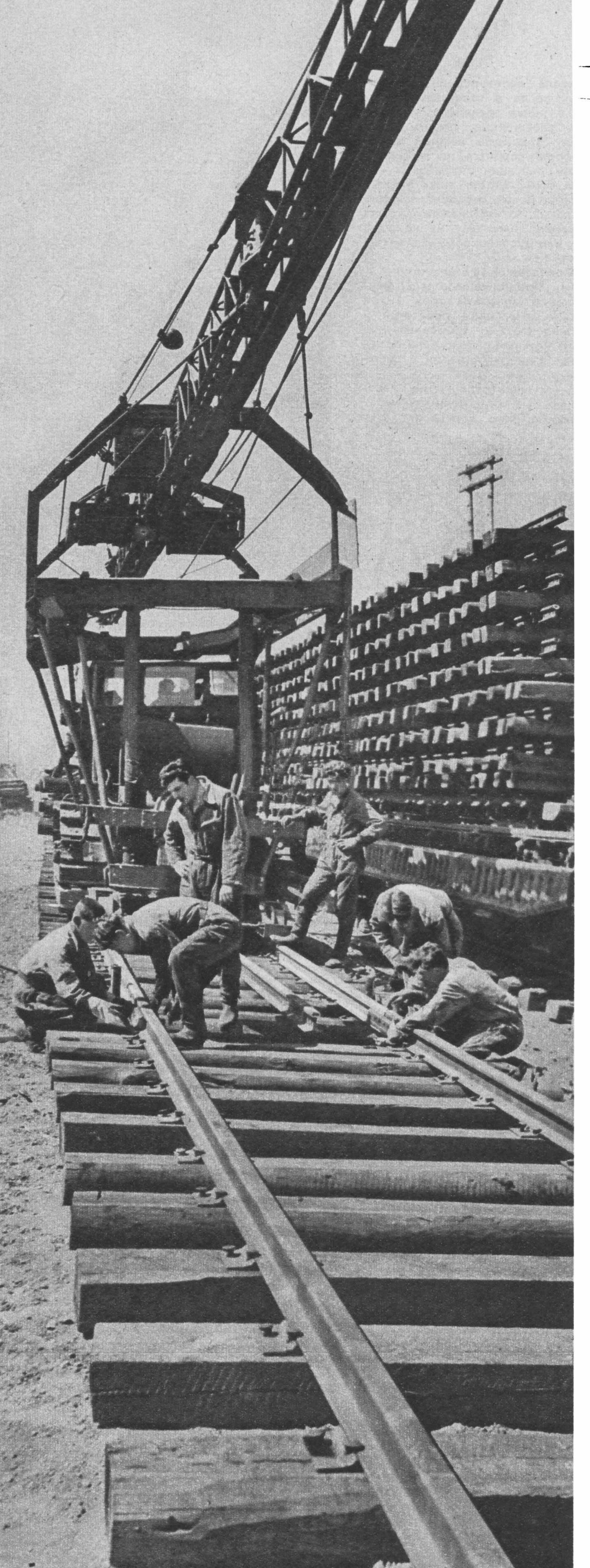
Мы беседуем о Соколовой с директором института — действительным членом Академии медицинских наук Николаем Николаевичем Приоровым.

— Что, по вашему мнению, самое ценное в этом замечательном враче?

— Самое ценное? — переспрашивает Николай Николаевич.— Соколова — специалист очень высокой квалификации, это бесспорно. Ее филигранное мастерство удивительно. Но все же самое главное в ней — Человек.

...Больной всегда идет к врачу не только со своей болезнью, но и с открытой, часто израненной душой. Всего минуту назад люди не были знакомы, и вот они говорят о вещах, которые порой не поведаешь ни матери, ни другу. Как же важно встретить в кабинете не только знающего специалиста, но прежде всего отзывчивого, чуткого человека, с первого момента занятого тобой, а не своими какими-то далекими мыслями!

Актер должен уметь быстро перевоплощаться, входить в новую роль. Упаси боже врача уподобиться актеру — больного не обманешь! Здесь нужно не перевоплощаться, а оставаться самим собой, потому что входишь не в роль, а в человеческую судьбу. Счастье для больного, если в его жизнь входит такой врач, как Вера Ивановна Соколова!

→

Автор проекта таежной железнодорожной магистрали Ивдель — Нарыкары Григорий Дмитриевич Якимченко.

В глубь вековой тайги уходят разведчики новой трассы. Прорубленная ими узкая просека показывает направление будущей магистрали. Скоро и сюда придут строители, загудят автопилы, расчищая дорогу для стальных путей. Этот снимок сделан на 142-м километре будущей железной дороги.

ВРУБАЯСЬ В ТАЙГУ

А. ГРИГОРЬЕВ **Фото М. САВИНА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Человек заблудился в тайге. Чуть отклонился от тропки и... пропал. Несколько дней искали его товарищи. Самолеты и вертолеты с воздуха «прочесывали» зеленую чащобу. Лишь на четвертые сутки «МИ-4» обнаружил пропавшего, и летчик Константин Петрович Потапов, заставив вертолет низко повиснуть над таежным болотом, с трудом втащил ослабевшего от голода человека в кабину.

База изыскательской партии, где недавно случилось это «ЧП»,— конечный пункт нашего воздушного путешествия.

С воздуха тайга чем-то напоминает море: такое же зеленоватое и бесконечное, с темно-синими островами болот. Но вот появилась уходящая к горизонту широкая просека с нитками железнодорожного полотна, а рядом — узкая лента лежневки, по которой двигались колонны машин. Под нами трасса новой железной дороги, которую по проекту инженера Григория Дмитриевича Якимченко строители прокладывают в тайге. Взяв начало от города на Северном Урале — Ивдели, она потянется через вековую тайгу, прорежет ее на сотни километров и выйдет к маленькому ханты-мансийскому поселку Нарыкары, к берегу Оби.

Дорога нужна, нужна, как воздух. Ведь здесь богатейшие запасы отличного строевого леса, открыты месторождения нефти близ Шаима и Мулымьи, а возле Березова—месторождение газа. Новая, Урало-Сибирская железнодорожная магистраль преобразит этот до недавних пор пустынный таежный край.

Под нами медленно проплывают палаточные городки изыскателей. Мелькнула узкая лента реки, свежим тесом сверкнул новый поселок. Это Пелым — 93-й километр трассы, самый отдаленный участок стройки. Из вертолета выгружаются мешки с продовольствием, почта... Пелым — будущая железнодорожная станция, но пока добраться сюда можно только вертолетом.

Трудятся здесь не только строители, но и разведчики лесных массивов. Человек в густом черном накомарнике, инженер Сергей Антонович Чеботаренок, начальник Пелымской партии, ввел нас в курс дела. Изыскатели, определяя территорию будущего Пелымского леспромхоза, трассируют дороги, подъездные пути, намечают площадки под будущий городок лесорубов.

— Все бы ничего,— говорит Чеботаренок,— да вот лесной гость, мишка, повадился. Вчера палатку разорвал, да комары-мучители до крови заедают. Словом, таежные будни.

От Пелыма до Вершины по реке надо добираться несколько часов. На вертолете мы совершили туда семиминутный прыжок. Деревня Вершина — единственный населенный пункт на всем протяжении строящейся трассы. С высоты по пальцам можно пересчитать дворы. Их оказалось ровно десять. И живет тут сорок шесть человек, в основном манси — охотники и рыболовы. По местным преданиям, когда-то здесь было становище Ивана Кольца, славного сподвижника Ермака.

На вертолетной площадке нас встретил Сергей Александрович Лебедев, работник Уральского управления гидрометслужбы. Он монтировал тут первую на Урале автоматическую радиометеорологическую станцию (АРМС). Каждые шесть часов автоматический наблюдатель погоды будет передавать данные о направлении и скорости ветра, температуре и давлении воздуха, количестве осадков, солнечном излучении...

Познакомились мы здесь и со старым охотником Алексеем Семеновичем Гусельниковым, председателем колхоза «Северный рыбак».

— Как живем? — переспрашивает он.— Веселей стало. Ведь до нашего райцентра недели две по

Все дальше на север идут стальные пути.

воде плыть. Восемьсот километров—не шутка! За полгода редкий человек к нам заглядывал. А теперь, пожалуй, что ни день — гости... Даже вертолет за рыбой для строителей прилетает.

...Палаточный городок 132-го километра раскинулся среди топких болот. Здешняя экспедиция уже закончила сбор материалов для составления рабочих чертежей, и сегодня лагерь доживает последний день. Скоро сюда придут строители. А сейчас «полон рот хлопот» и у начальника партии Георгия Евгеньевича Краснодембского и у старшего инженера Михаила Прохоровича Богданова... Новый лагерь, куда они будут перебираться, недалеко — всего двенадцать километров. Но переброска идет с помощью вертолета: иначе по таежному бездорожью и болотам она затянется на целую неделю. В вертолет грузят палатки, инструменты, продовольствие... Особенно усердно трудится на погрузке высокий парень в берете. Это рабочий Артур Лыков, тот самый, что четыре дня плутал в тайге и наделал столько переполоха на всей стройке.

— Смотри, Лыков, не потеряйся! — то и дело бросает кто-нибудь в его адрес излюбленную здесь шутку.

Когда едешь по тряской лежневке, деревянной автомобильной дороге, проложенной в топи таежных болот, понимаешь, как много сил и упорства нужно, чтобы здесь строить. На десятки километров нет даже клочка сухой земли. Шагнет человек за границу лежневки — и сразу провалится. Только специальным болотным машинам под силу продвигаться и работать в таких условиях. А районы вечной мерзлоты? Они все чаще теперь встречаются на трассе стройки. И нередко бывает, что даже на полуметровой глубине машины натыкаются на плотный слой льда, который не берет никакой ковш.

Видишь все это и невольно вспоминаешь услышанные на стройке имена ее героев: прославленного бригадира коммуниста Евгения Чечебу, в головном отряде пробивавшего трассу новой автомобильной дороги, экскаваторщиков Усачевых, юного мастера мехколонны Тамару Пивень...

С Николаем Павловичем Усачевым мы повстречались в карьере 58-го километра. Ему уже пятьдесят три года, из них тридцать четыре он трудится на экскаваторах различных типов. Сейчас, пожалуй, на стройке нет машины с большей производительностью, чем усачевский «ковровец» — три нормы в смену. Только один человек наступает ему на пятки — Иван Николаевич Усачев, его сын. «Воспитал на свою голову!» — улыбнулся Усачев-старший.

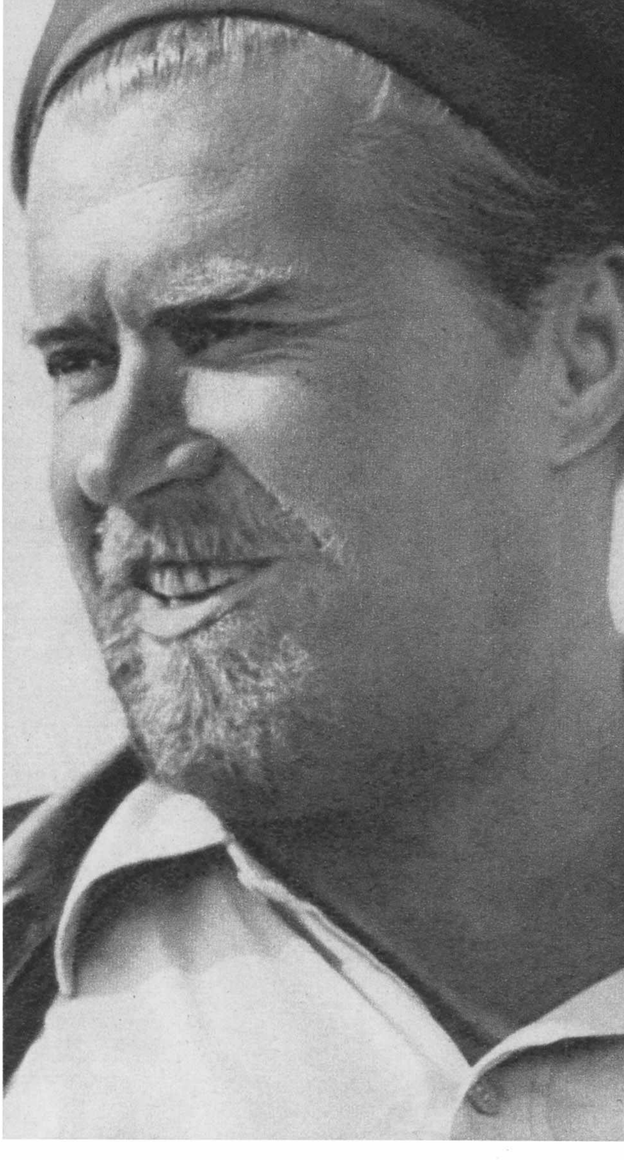
...Чем ближе Ивдель, тем оживленнее на трассе. Уже на десятки километров протянулась подготовленная для железнодорожного полотна насыпь. А вот путеукладчик. Медленно кладет он впереди себя звенья рельсов. С каждым днем стальные пути уходят все дальше на север. В этом году они достигнут 93-го километра трассы, протянутся до Пелыма...

←

В механизированной колонне № 55. Мастер Тамара Пивень дает задание шоферу Владимиру Тимофееву.

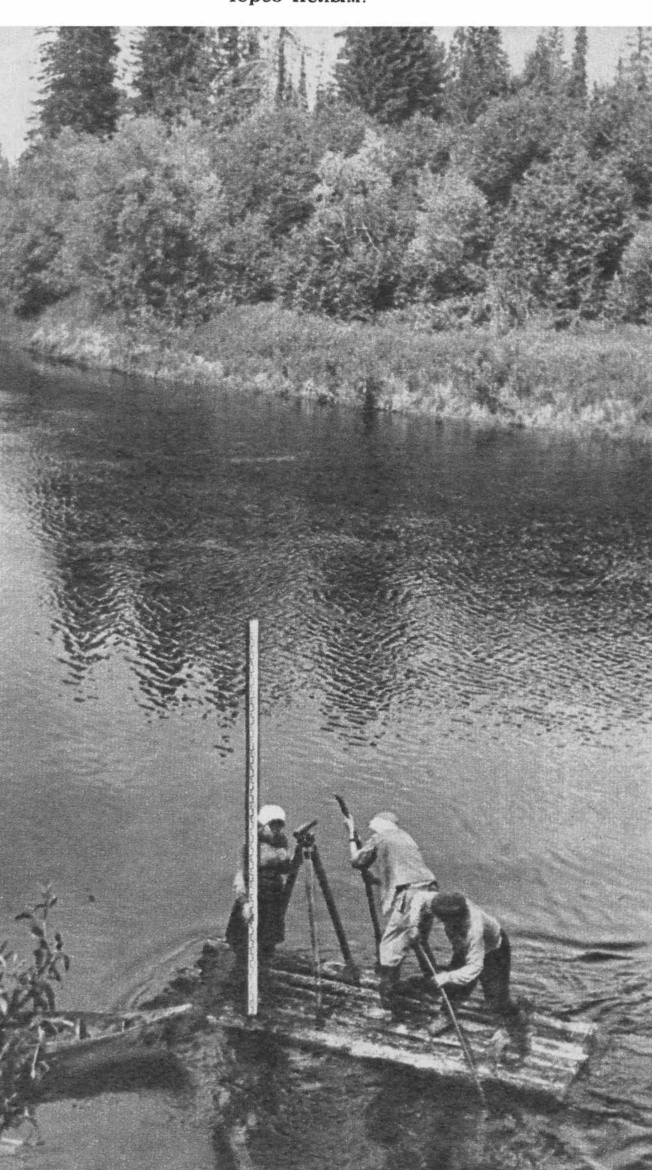
Изыскатели высаживаются на новом участке.

Старший инженер М. П. Богданов.

Через Пелым.

Дымит кухня.

Так пахал мой отец...

Сорок л

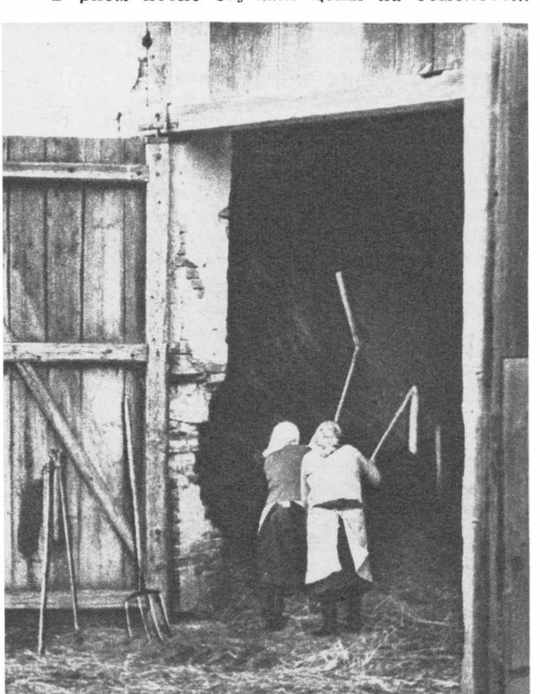
«Лоскутное одеяло» крестьянских полей.

Все — вручную!

В ритм песне стучали цепы на обмолоте...

Карел ГАЕК,
фотокорреспондент чехословацкого журнала «Свет в образех»

Скоро исполнится 40 лет с того дня, как у меня появился первый фотоаппарат и я сделал свой первый снимок. Аппарат был 9 × 12 и заряжался пластинками. Чтоб купить его, я долго копил деньги. Жили мы в деревне. Семья была большая — восемь детей,— а пластинки стоили дорого. Среди первых моих «произведений» была фотография отца — он стоит во дворе и отбивает косу. В те времена у нас в Южной Чехии не знали не то что комбайна, но даже жатки. Помню, какой переполох вызвало у нас появление первых сеялок, да и то конных...

Пахота, уборка и другие полевые работы — все делалось вручную. Жатва продолжалась бесконечно долго; хлеб свозили в гумна, и лишь зимой начинался обмолот. Тяжелый это был труд. И чтоб дело спорилось, в ритм четырех цепов вплетали песню. Я не любил вязать снопы: сухая солома раздирала руки в кровь...

Я перебираю старые фотоснимки — не те, конечно, которые делал в детские годы, а более поздние,— и меня оторопь берет: каким же адским был труд крестьянина на клочке земли!

Вот уже четыре десятилетия прошло с тех пор, как я уехал из дому. Большую часть жизни я провел в Праге. Работал кузнецом и слесарем на заводе, несколько лет был вагоновожатым, кондуктором. И, наконец, бросил якорь в газете. Редакция сама пригласила меня: моя первая фотография — отец отбивает косу — каким-то образом очутилась в ту пору на обложке журнала «Пестры тыден» и получила премию.

Я стал городским человеком, но долгие годы приезжал домой, в деревню, помогать во время уборки. Довольно широко известны мои фотопортреты, работы в других жанрах. Но и по сию пору я люблю снимать деревню, новую деревню, которую создала народная власть.

Нет больше «лоскутного одеяла» бесконечных мелких крестьянских наделов. Гигантские массивы кооперативных и госхозных полей пришли им на смену. Крестьянин в белом халате у штурвала машины сменил прежнего земледельца, не знавшего ничего другого, кроме косы, лопаты, вил. Тракторы, комбайны — зерноуборочные, свеклоуборочные, картофелеуборочные...

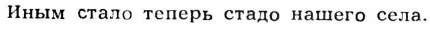
В деревне, которую я знал в детстве, центром всей жизни были церковь и сельский кабачок. В чехословацкой деревне наших дней — клубы, ясли, кинотеатры, общественные столовые, спортивные залы.

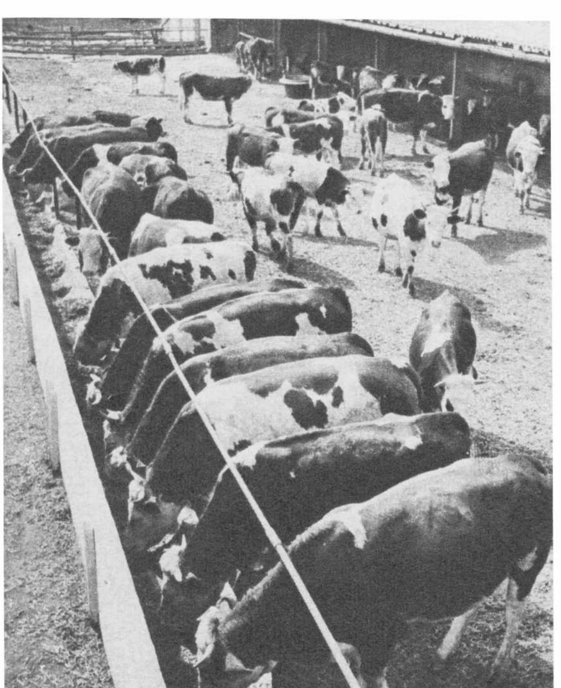
У меня, проработавшего с фотоаппаратом сорок лет, напрашивается сравнение. Вчера — пластинки, штатив, черная тряпка на голове... Сегодня — автоматика, тончайшая чувствительность, мощная светосила.

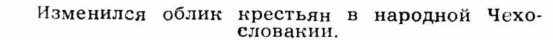
Так и во всей нашей жизни. Она меняется на глазах, становится все радостнее для человека. И я буду следить за этими переменами, пока рука и глаз будут в состоянии наводить фотообъектив на все то прекрасное, что принес людям социализм.

е т

Легче дается крестьянину хлеб, добытый машинами.

Иным стало теперь стадо нашего села.

Изменился облик крестьян в народной Чехословакии.

Все это для них, для нашего будущего.

Итало КАЛЬВИНО

Рассказ

КУРИЦА В ЦЕХЕ

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Адальберто служил в охране одного большого завода, и у него была курица. Начальник охраны разрешил ему держать ее на заводском дворе. Адальберто давно уже хотелось завести хороший курятник, и для начала он купил эту курицу, за которую ручались, что она хорошая несушка и существо настолько спокойное, что не станет тревожить своим кудахтаньем строгую производственную обстановку.

Адальберто не на что было пожаловаться: курица давала ему по яйцу в день, и если б не чуть слышное «квох-квох», которое она издавала время от времени, то ее легко можно было бы счесть за немую.

Разрешение, которое было дано Адальберто, предусматривало, по правде говоря, что курица будет содержаться в клетке. Но земля на заводском дворе сравнительно недавно подпала под власть техники и была богата поэтому не только ржавыми винтами, но и дождевыми червями. И курица с молчаливого согласия начальства свободно гуляла по двору и даже заходила в цеха. Держалась она при этом всегда очень сдержанно и тактично. Рабочие привыкли к ней и про себя завидовали ее свободе и независимости.

Однажды старый токарь Пьетро заметил, что браковщик Томмазо, его приятель и ровесник, приходит на работу с карманами, полными кукурузы. Верный своему крестьянскому происхождению, Томмазо по-хозяйски оценил производительные возможности домашней птицы, появившейся в цехе, и, сочетая эту свою оценку с заветным желанием возместить убытки от налогов, которые ему приходилось платить в свое время, он и предпринял осторожный маневр с кукурузой. Он надеялся приручить курицу Адальберто и заставить ее нести яйца в железном ящике из-под стружек, стоявшем около его рабочего места.

Всякий раз, когда Пьетро раскрывал какую-нибудь очередную хитрость своего приятеля, ему было очень не по себе. Главным образом потому, что он никогда не умел предугадать ее. И он изо всех сил старался не отстать от приятеля.

Ну, а с тех пор, как стало ясно, что им с Томмазо придется породниться (сыну Пьетро взбрело в голову жениться на дочери Томмазо), друзья стали ссориться особенно часто. Поэтому теперь Пьетро тоже запасся кукурузой, приготовил железный ящик из-под стружек и тоже стал приручать курицу.

В этом состязании, которое велось не столько ради яиц, сколько ради морального превосходства, главными участниками были скорее Пьетро и Томмазо, чем сам Адальберто. Адальберто, бедняга, стоял целыми днями в проходной завода, обыскивал рабочих и ничего не знал об этом.

Пьетро работал в самом углу цеха, за перегородкой, в так называемом «маленьком салоне», который был, по существу, отдельным помещением со стеклянной дверью, ведущей прямо во двор.

Еще несколько лет назад здесь стояло всего два станка и вместе с Пьетро работал еще один рабочий. Но он потом заболел и попал в больницу — у него обнаружили грыжу. Пьетро пришлось тогда временно поработать на двух станках, и он научился точно рассчитывать свои движения — опускал рычаг на одном станке и бежал снимать готовую деталь на другом. Напарнику его сделали операцию, но, когда он вернулся из больницы, его послали в другую бригаду. А Пьетро так и продолжал работать на двух станках.

Больше того, чтобы он не подумал, будто это произошло случайно или по чьему-либо недосмотру, к нему прислали человека с хронометром, который измерил темп его работы и заявил, что между операциями на двух станках у Пьетро остается еще несколько свободных секунд. После этого Пьетро поставили третий станок. А потом, когда на заводе пересматривалось положение о сдельной работе, Пьетро, чтобы отработать какие-то переплаченные ему деньги, пришлось взять еще один станок.

За плечами у Пьетро было уже добрых шестьдесят лет, но он должен был теперь приноровиться и работать в четыре раза быстрее. А так как заработок его при этом оставался прежним, то и в жизни его не произошло с тех пор никаких особых изменений, если не считать, правда, что появились приступы астмы и появилась необычайная способность моментально засыпать где бы то ни было, как только он опускался на стул.

Но все же он был еще крепким и бодрым стариком, ему все казалось, что в жизни вот-вот должны произойти какие-то большие события.

Восемь часов в день сновал Пьетро между своими четырьмя станками, непрерывно повторяя одни и те же привычные движения, и он научился под конец избегать малейшего лишнего жеста и умело согласовывать ритм работы со своим астматическим дыханием.

Взгляд Пьетро тоже всегда следовал по одному и тому же неизменному, как движение небесных светил, пути. Ведь каждый станок требовал от него особого внимания, иначе он или останавливался, или где-нибудь заедало, а это немедленно сказывалось на заработке.

По утрам всего лишь через каких-нибудь полчаса работы Пьетро уже чувствовал усталость. Разнообразный заводской шум сливался в его ушах в какое-то монотонное гудение, на фоне которого отчетливо выделялся лишь ритмичный шум его станков. Подгоняемый равномерными толчками этого ритма, Пьетро продолжал работать почти машинально и переставал лишь тогда, когда улавливал наконец тихий скрип ремней трансмиссии, которая замедляла ход и останавливалась либо потому, что где-то заело, либо потому, что наступил наконец перерыв. И этот тихий звук был для Пьетро столь же радостным, сколь желанным бывает для потерпевшего кораблекрушение силуэт далекого берега.

Но таково уж свойство человеческой мысли — она может оставаться свободной даже в таких условиях. И действительно, мысли Пьетро постоянно плели свой узор, по мере того как он переходил от станка к станку, и текли непрерывно, как паутина, которую плетет паук. И в этом сложном рисунке шагов, машинальных жестов, взглядов, порой просто бессознательных движений Пьетро ощущал вдруг, что отлично владеет собой, что он спокоен, как бывает спокоен какой-нибудь деревенский дед, выползший поздно утром в виноградную беседку, чтобы погреться на солнышке, посвистеть собаке, понаблюдать за внуками, лазающими по деревьям, посмотреть, как день за днем зреют плоды смоковницы.

Конечно, это умение мыслить в подобных условиях приходит далеко не сразу. Оно достигается лишь благодаря длительной тренировке и особым приемам. Достаточно, например, уметь остановить ход мыслей как раз в тот момент, когда нужно закрепить деталь в станке, и продолжить его лишь тогда, когда можно уже только придерживать обтачиваемую деталь. И уж, конечно, тут следовало использовать то время, которое тратится на переход от станка к станку. Известно ведь, что лучше всего думается во время ходьбы. И это очень верно, даже когда речь идет всего о двух шагах. Раз и два, но сколько мыслей может пронестись в голове за этот небольшой отрезок пути!

Счастливая старость, думалось Пьетро,— это сплошные воскресенья, когда целые дни можно проводить на площади у репродуктора, где собирается народ и ведутся всякие разговоры,— занятие под стать скорее его безработному сыну. А потом теплым летним вечерком можно отправиться со стайкой внуков-рыболовов на берег реки. Можно, наконец, поспорить с Томмазо о велосипедных гонках или о правительственном кризисе, и уж на этот раз поспорить так, чтобы выбить из него это глупое упрямство... И, думая обо всем этом, нужно следить за ремнем трансмиссии. Чтобы он не соскочил с колеса, как всегда в одном и том же месте.

«Если в апре... (поднять рычаг!)... ле мой сын женится на дочери этого дуралея (теперь закрепить деталь в станке)... мы освободим большую комнату... (сделать два шага)... тогда молодые смогут подольше оставаться в постели в воскресенье, и из окна им будут видны горы... (а теперь опустить вон тот рычаг!)... А мы со старухой устроимся в маленькой комнатке... (положить на место эти детали)... и если нам из окна будет виден газгольдер, а не горы, то это небольшая беда...»

И тут, словно мысль о газгольдере вернула его к повседневной действительности, Пьетро перешел к рассуждениям совсем другого рода. Впрочем, настроить его воинственно могла и какая-нибудь небольшая неполадка в работе.

«Если прокатный цех организует движение по вопросу о сдельной работе, мы можем... (осторожно, легла косо!)... присоединиться... (осторожно!)... с тре... требованием... (эх, черт возьми, неудачно!)... о переводе категории наших спе... ци... аль... но... стей...»

Так движение станков обусловливало и вместе с тем регулировало работу мысли, которая становилась среди этих механизмов гибкой и изворотливой. Как приспосабливалось к тяжелым доспехам ловкое мускулистое тело средневекового рыцаря, который умудрялся освобождать затекавшие руки и плечи, потянуться, разогнуть поясницу, потереться зудящей лопаткой о железную спину панциря, точно так же изворачивалась и изгибалась мысль Пьетро в тисках нервного напряжения, непрерывного ритма и усталости.

Но в любой темнице всегда находится хоть крохотная отдушина. Так и здесь, стоило определенным образом организовать свои движения, как оказывалось, что даже при этой суровой системе, предусматривающей максимальное использование рабочего времени, находятся все-таки несколько свободных секунд для чудесного отдыха, когда можно те же три шага сделать просто так, ради собственного удовольствия, когда можно просто побездельничать или даже спеть что-нибудь: «Траля-ля...» Ну, а уж если не докучает мастер или его нет поблизости, то можно даже успеть между двумя операциями переброситься словечком с приятелем.

Вот каким образом Пьетро удавалось урывать время на курицу. Он подзывал ее: «Цып, цып, цып...» — и, глядя на нее, невольно сравнивал свою беготню от станка к станку с ее спокойными движениями. Он стал приручать курицу, угощая ее кукурузой, которую сыпал около железного ящика из-под стружек. Он очень хотел, чтобы курица несла яйца ему, а не Адальберто или Томмазо.

Но курицу не устраивали железные гнезда, которые ей предлагали Пьетро и Томмазо, и она сносила свое яйцо рано утром в клетке Адальберто задолго до того, как начинала свою прогулку по цехам.

А у Пьетро и Томмазо появилась тем временем привычка брать курицу на руки и проверять, снесла ли она яйцо или нет. Курица была совсем ручной, как кошка, и спокойно давала им трогать себя. Но каждый раз оказывалось, что яйцо уже снесено.

Нужно сказать, что вот уже несколько дней Пьетро работал не один у своих четырех станков. Нет, он по-прежнему один сновал между ними. Но ему сказали, что некоторые детали нуждаются в дополнительной обработке, поставили рядом небольшой станок и посадили за него рабочего с напильником. Рабочий брал время от времени у Пьетро горсть готовых деталей и спокойно поскабливал их — вжик-вжик... вжик-вжик... У него уходило на это не больше десяти минут. Пьетро он не помогал, напротив, даже мешал, потому что вечно попадался на дороге, и было совершенно очевидно, что посажен он сюда с совсем другой и весьма определенной целью.

Рабочего этого хорошо знали на заводе, у него было даже прозвище Вонючий Джованнино. Это был худышка с большой копной курчавых, очень черных волос и такой курносый, что вместе с носом у него задиралась даже верхняя губа. Никто не знал, откуда его выкопали. Известно было только, для чего его взяли на завод: в его обязанности входило следить за уборными. Но на самом деле он должен был сидеть там целыми днями, слушать разговоры рабочих и доносить о них. Что интересного можно было услышать в уборной, так и осталось непонятным. Правда, на заводе нигде нельзя было перебросится парой слов без того, чтобы кого-нибудь тотчас же не уволили. А однажды действительно был случай, когда двое рабочих не то из

заводской комиссии, не то из какой-то другой профсоюзной организации вздумали както переговорить в уборной через стенку кабин, делая вид, будто сидят там по нужде... Нельзя сказать, что заводская уборная — это вполне безопасное место: в кабинах либо вообще нет дверей, либо они такие низкие, что человека видно по грудь, чтобы никто не вздумал курить там, к тому же сюда то и дело заглядывают охранники — посмотреть, не задерживается ли кто-нибудь слишком долго, не вздумал ли кто-нибудь отдохнуть... Но при всем этом уборная была все-таки самым спокойным местом. И все же тех двоих обвинили в том, что они занимались политикой в рабочее время, и уволили. На них кто-то донес. Это было несомненно. И действительно, вскоре выяснилось, что это сделал Вонючий Джованнино, как стали называть его с тех пор. Он целыми днями сидел запершись в какой-нибудь кабине, и без конца слушал, как спускают воду, как кто-то кашляет и сморкается. А на улице была весна, и он, наверное, мечтал о горных потоках и чистом воздухе...

С тех пор никто больше не разговаривал в уборной, и Вонючего Джованнино убрали оттуда за ненадобностью. Заводское начальство, вечно терзаемое всякими страхами и опасениями, перебрасывало его теперь из одной бригады в другую с секретным заданием — шпионить за рабочими. И с тех пор, где бы Джованнино ни появлялся, рабочие молча отворачивались от него и даже не смотрели на ту ненужную работу, которую он старался сделать как можно лучше.

А теперь Джованнино надо было следить за этим одиноким, глухим и старым рабочим. Что он мог высмотреть здесь? И Джованнино ломал себе голову в надежде напасть хоть на какой-нибудь след, найти хоть какую-нибудь улику или заметить хоть что-нибудь подозрительное. Ведь это был очень удачный момент, чтобы выслужиться: на заводе было очень неспокойно, рабочие волновались, и дирекция была напугана до смерти.

Джованнино уже давно вынашивал одну идею. Дело в том, что каждый день примерно в одно и то же время в цех, где работал Пьетро, входила курица, и токарь каждый раз брал ее на руки. Он приманивал ее к себе кукурузой, и когда она подходила, поднимал ее и щупал. Что бы это могло значить? Может быть, через курицу передаются из цеха в цех какие-нибудь записки? Джованнино уже не сомневался в этом. Ведь стоило только посмотреть, как Пьетро щупал курицу! Так человек мог действовать только тогда, когда он хотел спрятать или найти что-нибудь в перьях.

И вот однажды, когда Пьетро, пощупав курицу, опустил ее на пол, Вонючий Джованнино решил последовать за ней. Курица прошла по двору, забралась на груду каких-то стальных конструкций, лежавших посередине двора (Джованнино последовал за ней, с трудом удерживая равновесие), вошла в лежавшую неподалеку широкую канализационную трубу (и Джованнино опять отправился за ней, на этот раз на четвереньках), затем погуляла немного по двору и, наконец, вошла в другой цех.

А в этом цехе тоже был старик, который, казалось, всегда ждал появления курицы, и, как только она появлялась, он оставлял молоток и отвертку и шел ей навстречу. Курица и с ним, видимо, была в дружеских отношениях: она позволяла поднимать себя за лапы и — здесь повторялось то же! — щупать себя. Теперь Джованнино больше не сомневался в том, что напал на какой-то важный след.

«Записка,— подумал он,— вот таким образом передается каждый день от Пьетро к этому старику. Завтра, как только Пьетро отпустит курицу, я велю задержать ее и обыскать».

На другой день Пьетро, как обычно, ничего не подозревая, пощупал курицу и, когда опустил ее на землю, увидел, что Джованнино бросил вдруг свой напильник и куда-то умчался.

По тревожному сигналу Джованнино служба охраны организовала засаду. Курицу схватили во дворе в то время, когда она мирно клевала что-то среди валявшихся в пыли болтов. Ее препроводили в контору и представили начальнику охраны.

Адальберто еще ничего не знал о случившемся. Не исключена была и его причастность к этому делу, поэтому операция была проведена втайне от него. Но затем и его вызвали в контору. Когда он вошел и увидел на письменном столе начальника свою курицу, придерживаемую двумя охранниками, у него чуть слезы не выступили на глазах.

— Что она сделала? Что случилось? Я ведь все время держал ее в клетке! — воскликнул он, решив, что ему ставят в вину то, что он пустил ее гулять по двору.

Но обвинение было куда более серьезным, и он сразу же понял это. Начальник охраны засыпал его вопросами. Это был отставной полицейский сержант, он сохранил свои профессиональные манеры и в отношении к своим штатским подчиненным, которые, впрочем, тоже были раньше полицейскими.

Во время допроса Адальберто уже не думал ни о своей нежной любви к курице, ни о будущем шумном курятнике. Он слишком боялся скомпрометировать себя и теперь оправдывался, что выпустил курицу из клетки. Но когда его спросили вдруг об отношениях курицы с профсоюзами, он уже не рискнул как-либо объяснять ее поведение и стал усердно отнекиваться:

— Я ничего не знаю! Я здесь ни при чем!

Теперь его заботило только, чтоб с него сняли всякую ответственность за курицу.

В благонамеренность Адальберто поверили. Но его самого терзали угрызения совести, и комок подступал к горлу, когда он смотрел на свою курицу.

Начальник охраны приказал обыскать курицу. Охранники принялись за дело, но один из них вскоре отказался, уверяя, что его тошнит, а другому курица так исклевала руки, что он отошел от нее, посасывая кровоточащие пальцы. Вскоре нашлись все же люди, сведущие в таких делах и обрадовавшиеся случаю проявить свое усердие. Но никаких записок, противоречащих интересам завода, так и не было обнаружено. Начальник охраны, знаток всякого рода военных хитростей, приказал поискать еще под крыльями. Он вспомнил, должно быть, что у почтовых голубей именно там прячут письма. Курицу обыскали со всех сторон, насыпали на письменный стол кучу перьев, пуха и всякого мусора, но так ничего и не нашли. И тем не менее было признано, что курица слишком подозрительна и коварна, чтоб можно было поверить в ее невиновность, и что поэтому она должна быть осуждена.

На унылом заводском дворе двое людей в черной форме держали курицу за лапы, а третий сворачивал ей шею. И бедная птица, которая от излишней скромности никогда не отваживалась испустить даже радостное кудахтанье, теперь издала долгий пронзительный крик, скорбный и последний.

Адальберто закрыл лицо руками. Его заветная мечта о шумном курятнике была убита в самом зародыше. Вот так всегда любая система угнетения непременно оборачивается и против того, кто ей служит.

Хозяин завода, озабоченный тем, что предстояло принимать делегацию рабочих, протестовавших против увольнений, услышал в своем кабинете предсмертный крик курицы, и он показался ему плохим предзнаменованием.

Перевела с итальянского И. Константинова.

Дорогая редакция, прошу это письмо переслать Росарио Гарсиа де Паис.

Дорогая сеньора!

Я прочла в журнале Ваше письмо к матери наших героев Зои и Шуры. Это письмо («Огонек» № 29, «Как это было на Кубе») прочли все советские люди. В Вашем горе слова утешения не принесут облегчения, и я не буду их говорить. Просто я глубоко уважаю Вас и сочувствую Вам, а вместе с Вами и всем матерям Кубы.

Мы с волнением следим за событиями в Вашей мужественной маленькой стране. И мы искренне хотим Вам счастья.

Дорогая, милая сеньора, Вы замечательная женщина! Вы воспитали трех сыновей и двоих отдали революции. Ими можно гордиться. И я горжусь ими, как своими братьями.

Многие, очень многие женщины захотят Вас увидеть, познакомиться. Приезжайте в Советский Союз, дорогая мама Франка и Хосуэ.

Американский империализм всем навязывает войну, чтобы везде были несчастные матери. Но этого не будет! Пусть будут прокляты те, кто отнял у Вас сыновей! Пусть будут прокляты! Не отчаивайтесь! У Вас есть сын Аугусто. Я верю: Вы увидите с ним счастливую Кубу совсем скоро.

Разрешите поцеловать Вас.

С уважением Тамара НАЗАРЕНКО, фельдшер.

г. Ижевск, ул. Пушкинская, 194/а, кв. 39.

* * *

Уважаемый товарищ Смирнов!

Описываемый Вами случай с одним из русских солдат бывшей царской армии не легенда, а быль («Огонек» № 31, «Бессменный часовой»).

Служа в пограничных войсках примерно в 1924—1925 годах (на бывшей границе с Польшей), я узнал от польских солдат-пограничников, а позже прочитал в газете или журнале, издававшихся тогда у нас в Советском Союзе, о человеке, который много лет прожил в невольном плену, отрезанный от мира и всего живого.

Отступая, русские войска взорвали крепость Перемышль со всеми фортами и складами.

Спустя много лет, а именно в 1924 году, поляки приступили к раскопкам развалин крепости. Когда они добрались до одного из подземных интендантских складов, то извлекли оттуда какое-то «чудовище», обросшее с головы до ног волосами, с длинющей бородой и усами. Я хорошо и сейчас помню эту фотографию при корреспонденции.

Этим «чудовищем» был, как указывалось в заметке, солдат царской армии родом из бывшей Рязанской губернии.

Мое мнение и мой Вам совет, дорогой товарищ Смирнов, в данном случае такие.

Чтобы уточнить эту, как Вы и написали, «пока еще легенду», Вам необходимо побывать лично в городе Перемышле. Там могут еще быть свидетели, которые хорошо помнят этот случай.

Е. А. ИЛЬИН

Москва.

* * *

В № 28 «Огонька» я прочел статью В. Белецкой «Возвращение в жизнь» — о перспективах развития техники протезирования — и решил написать свое мнение по этому вопросу.

Как же обстоит дело в жизни? Внедряются ли достижения науки в производство? Я знаю о протезных предприятиях других городов лишь понаслышке, поэтому не берусь писать о них, но вот на примере Харьковского завода протезных изделий, постоянным клиентом которого являюсь, могу сделать вывод, что не внедряются. А если и да, то столь незначительно, что этого инвалиды на себе почти не чувствуют.

Должен быть поставлен вопрос перехода на пластические массы, так как сегодня в протезах еще используются только дерево, кожа, железо и совсем недавно — дюралюминий. Протезы у нас неуклюжие, отдельные их детали выступают под одеждой, скрипят и стучат, стесняют движения, негигиеничны и, что особенно плохо, очень тяжелы.

О. Г. СЕРГЕЕВ, депутат горсовета.

Харьков.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«КУДА ДЕВАЛСЯ ГРИБ!»

В № 28 «Огонька» читатели продолжали разговор, начатый очерком Василия Титова, который был опубликован под этим заголовком в № 50 за 1959 год.

Действительно, куда же девался гриб? «Никуда он не девался,— говорили читатели.— Просто Центросоюз и заготовители работают из рук вон плохо».

Письма читателей обсуждались правлением Центросоюза. В принятом постановлении отмечается, что журнал правильно критикует работу Центросоюза и организаций потребкооперации. Намечен ряд мер по улучшению заготовки и закупки грибов и дикорастущих ягод.

Постановление большое, хорошее и нужное. Отрадно, что Центросоюз быстро откликнулся на критику в свой адрес. Но лучшим ответом на письма читателей будут горы грибов и ягод на прилавках магазинов.

Лидия Михайловна

А. СТАРКОВ

Фото Дм. Бальтерманца.

Мои учителя были очень хорошие люди, особенно одна учительница, которую я никогда не забуду,— это Лидия Михайловна...

Н. С. ХРУЩЕВ

Как рассказать о Лидии Михайловне Шевченко?

Не знаю.

Вот вернулся из Калуги, сижу над белым листом бумаги и не знаю, как быть, потому что прошла передо мной долгая, трудная жизнь, которую не уложишь ни в четыреста, ни в семьсот, ни в иное количество строк.

Чему отдать предпочтение? Урокам ее? Но знаете ли вы, сколько уроков дала Лидия Михайловна за пятьдесят четыре года работы? Я спросил ее об этом, и, как человек пунктуальный, она принялась подсчитывать, отбрасывая каникулярное время, воскресенья, «красные числа», и получилось что-то около сорока тысяч. Сорок тысяч уроков! И каждый — это сорокапятиминутная новелла со своим сюжетом, со своей кульминацией и развязкой. Какую выбрать?

А попробуй расскажи об ее учениках. Какому принципу тут следовать? Кого назвать, кого выделить из этой тьмы-тьмущей мальчишек и девчонок, для которых, если б их собрать вдруг всех вместе, и Красной площади бы не хватило?

Что же мне делать? А может, начать просто с того, как ехала она первый раз в Калиновку? Пожалуй...

Вез ее Федька, невидный безбровый мужичонка, слывший в округе конокрадом. Отец позвал его в дом, чтобы расспросить про Калиновку, куда дочку назначили учительшей. Никто в Беляевке не слыхал про ту деревню, не ведал, как туда проехать. А Федька, тот сразу: «Ну как мне, Максимыч, не знать Калиновки! Кони в том краю куда как хороши... Давай подвезу дочку-то!» Отец совал ему деньги — отмахнулся. Коней крал, это было доказано, не раз били его мужики, в тюрьме сидел, а у самого клячонка из худых худая. Еле плелась, ехали с самого рассвета чуть не до заката и никак не могли доехать. Федька был мрачен, молчалив, даже на лошадь не покрикивал. Только раз оживился. Проезжали мимо забора из толстых чугунных прутьев. За ним луг, а по лугу жокеи статных коней под уздцы водят. Слюнки потекли по Федькиным губам: «Гляди-ко! Генеральши Шаухфус конезаводство. Ох, и добрые же лошадки!» Выехали на пригорок, скатились в долину — и тут деревня. «Калиновка... Вон и школа!» Ткнул кнутовищем в сторону стоявшей на краю избенки в два окна. Напротив церквушка, подале — мельница ветряная. На пороге два мельника. До бровей в муке. Вгляделись в возницу, переглянулись, шагнули с порога. Смотрят на Федьку немигаючи, оторопело. Узнали. Видно, бывал тут Федька со своим промыслом, и, может, даже бивали его здешние мужики. Зачем опять пожаловал? «Учителку вам привез,— говорит.— Нашего Максимыча дочка. Молоденькая. Не забижайте». И вдруг как огреет клячу свою кнутом вдоль спины. «И-эх, нехорошая!» И та понеслась в гору, как с горы. Стоят молча мельники, стоит учительница, держит в одной руке сундучок с вещичками, а другой прижимает к груди самое бесценное свое достояние — стопку книг, перевязанных бечевой...

Вот как она приехала в Калиновку.

Деревня, каких миллион в России, такая же, как Беляевка, в которой она родилась, выросла, бегала в трехклассную школу, такая же деревня, как Старшáя, где она, окончив учительскую семинарию в Курске, с год учила ребятишек тоже в трехклассной школе. И тут, в Калиновке, трехклассная. Классов-то три, а комната для них одна. У окошка сидят «первачки», выводящие в тетрадях палочки, посередке — второклассники, вполне уже грамотеи, ну, а у дверей — совсем, можно считать, взрослые — третий класс, в чьем распоряжении уже весь земной шар — старенький глобус, единственное наглядное пособие, которое удалось учительнице выхлопотать в уезде. Между прочим, когда она уезжает по делам в уезд, школа не закрывается, занятия идут, ее заменяет кто-нибудь из старшеклассников — верных ее ассистентов: или Дуня, большеголовая разбитная девочка, мечтающая стать учительшей, или Петюшка, или Никита... Через много-много лет, встретив в газетах имя Хрущева и прочитав, что он родом из Калиновки, Курской губернии, Лидия Михайловна вспомнит, что у нее в школе было несколько Хрущевых, и Никита из третьего класса тоже был Хрущев по фамилии. Сопоставив факты, годы, возраст, она подумает, не был ли Никита Сергеевич ее учеником. Только подумает, никому об этом не скажет, даже дочери. А вдруг не тот...

Ребята приходили на занятия затемно и расходились в темноте, поздним вечером. Им тут нравилось, и они готовы были и вовсе не уходить домой. Да и так получалось вроде интерната: только что не ночевали. Однажды зимой школьный домишко занесло за ночь снегом по самую крышу, лишь труба торчала. Лидии Михайловне, которая жила тут, и сторожу Стефанычу, ночевавшему в школе, не выйти было на порог, а ребятам не подойти к порогу. И вот с двух сторон начали пробивать лопатами траншейку в снегу. Полдня копали — выкопали. По той траншее дня три, наверно, лазали школьники в класс. Окно занесло, занимались днем с керосиновой лампой. Даже забавно было сидеть в таком сказочном снеговом доме... Из земской управы приезжал чиновник по школьным делам. На лыжах. Въехал прямо на крышу, а входа так и не нашел, не приметив траншейки. Уехал ни с чем... А потом мужики собрались, откопали школу.

Они и для ребят старались и для себя. Они уже привыкли по вечерам, когда учительница заканчивала уроки, сходиться к ней на кухоньку, жарко натопленную Стефанычем. Сходились, чтобы послушать книжки, которые им читала Лидия Михайловна,— Пушкина, Тургенева, Толстого — да и самим поговорить о жизни. Мужики в Калиновке бывалые, повидавшие свет на отхожих промыслах: хлеба-то своего и до первых морозов не хватало. Кто в Харьков на заводы подавался, кто на донецкие шахты. Крестьянин тут был особый: ему что соха, что кайло — одинаково. Знал, почем фунт лиха — и деревенского и рабочего, шахтерского. А кое-кому и о недавнем пятом годе было что вспомнить. Так что трудно сказать, кому больше приносили пользы эти вечера на кухоньке: мужикам, сходившимся на огонек к молодой учительнице, или ей самой...

Шли дни в Калиновке. Без особых событий. Впрочем, каждый урок — событие. Да, было происшествие! Мальчишки-первоклашки привели приблудившегося к ним по дороге в школу огромного лохматого пса-волкодава. Дело было зимой. Полузамерзшую, голодную собаку отогрели, накормили. Верней, покормили, потому что накормить досыта ее не удалось ни в первый, ни во все последующие дни. Ребята отдавали ей чуть не все, что приносили из дому. А что могли приносить в ту пору крестьянские ребятишки? Кусок черного хлеба с солью, лепешку,

На пришкольном участке.

пару вареных картофелин. И все это мигом заглатывал волкодав, урча, требуя еще. Лидия Михайловна дала Стефанычу денег, чтобы купил муки и наделал из нее катышков на воде. Но и мучные катышки не помогли. Волкодав широко разевал рот — голоден, мол,— и ребятишки, жалевшие приблудного пса, продолжали делиться с ним своими припасами. И голодали. Это уже было стихийным бедствием. Как отделаться от ненасытной собаки? Тут как раз приехал навестить Лидию Михайловну ее брат из Беляевки. «Вася,—взмолилась,—ради бога, увези куда-нибудь это страшилище!» Василий привязал волкодава к саням и ночью, так, чтобы не видели ребята, вывез обжору за пределы Калиновки. Утром малыши хватились — нет их любимца. Слезы. И это был единственный конфликт учительницы со школьниками, которых нужно было просто спасти от прожорливейшего пса, беззастенчиво объедавшего ребятишек...

Нет, был еще один маленький конфликт. Старшие ребята знали, что у их учительницы есть жених. Тоже учитель. Школа его на другом конце уезда — в слободе Михайловке. И ребята понимали, что Лидия Михайловна от них уедет рано или поздно. Им хотелось, чтобы поздно. Но вот по первому весеннему сухопутью прискакал в Калиновку всадник. Осадил коня возле самого школьного порога, соскочил. Молодой, красивый. Ребята решили, что это и есть жених. А то был лишь приятель жениха, посланец его, привезший письмо... Школьники почистили коня, помыли теплой водой, принесли напиться, натаскали сена и даже ухитрились где-то свежей травки для него нарвать. Гостеприимство! Но Лидия Михайловна сразу разгадала ребячий маневр. Они задумали быстрее спровадить гостя. Конь твой напоен, накормлен, готов в обратную дорогу, чего ж тебе задерживаться, мил человек? Учительшу нашу не отвлекай. Придет срок — свидитесь. А пока — счастливого тебе пути, женишок! Скачи назад, в свою Михайловку.

В конце мая третий класс поехал на выпускные экзамены. Они проводились сразу для нескольких школ. Из калиновской экзаменовались двенадцать ребятишек. Лидия Михайловна волновалась за них ужасно. Но они лихо щелкали костяшками на стоячих счетах, верно решили все задачи, управились быстренько с именованными числами, а диктовку из «Муму» написали с четырьмя ошибками на всю дюжину. Уездный инспектор остался доволен и при всех учителях похвалил Лидию Михайловну... С экзаменов возвращались притихшие. Вот и кончилась школьная пора! Куда теперь? Кое-кто из мальчиков — Петюшка, Никита собирались по осени в отхожий промысел с отцами. В Донбасс. А Дуняшка? Сбудется ли ее мечта? Станет Дуня учительницей? Для этого надо в прогимназию хотя бы. А батька говорит: «Хватит, выучилась!»

Катит телега, стучит колесами. Стучат и грустные мысли в ребячьих головенках. Когда они теперь свидятся с любимой учительницей? Она ведь покидает Калиновку... А может, еще и сведет их судьба на жизненных дорогах?

Год в Калиновке...

Перелистана только одна страничка из пятидесяти четырех. Какую теперь открыть?

Ту, что расскажет про ночь в Синельникове? Тревожную весеннюю ночь восемнадцатого года, когда немцы ворвались внезапно на железнодорожный узел, и маленький отряд деповских рабочих дрался с ними на путях, но вынужден был отступить, и, отходя, отстреливаясь, кто-то вспомнил вдруг «про Николая Саныча и Лидию Михалну», учителей из вечерней школы для взрослых: «Пропадут они при немцах...» И двое молоденьких слесарей бросились обратно и, перебегая под огнем, выбрались к дому, где жили супруги Шевченко, постучали в окно, разбудили, помогли собраться и увлекли за собой...

Или открыть страничку, которая про Таганрог, про школу в Таганроге и ее директора Володина? Он пришел к ним сразу после гражданской войны, в буденовке, в длинной, до пят, шинели, только сабли не было, зато был след от сабельного удара на лице. И в учительской зашептались, что прислали вот человека, «ни черта не смыслящего в учебном процессе». Но в давно не топленной школе стало тепло: он раздобыл угля. И появились горячие завтраки. А весной ребята ели свежие овощи, потому что директор кликнул клич среди своих друзей — буденновцев — и те навезли в школу картошки, огурцов, луку... И пусть он действительно не очень разбирался в учебных делах, но Лидия Михайловна всегда будет тепло вспоминать этого человека, которого в тридцатых годах перевели из директоров в завхозы, а он продолжал любить школу не меньшей любовью и погиб в войну под бомбежкой, спасая школьное имущество.

А Кунгур, эвакуация, класс, за стеной которого лежит тяжелобольной, при смерти муж, и она, ведя урок, стараясь ничем не выдать своей тревоги, внешне спокойная, подтянутая, прислушивается к малейшему стону из-за стены, и ребята знают об этом, ребята сидят совсем-совсем тихонечко...

А возвращение в Таганрог, в разграбленную квартиру, встреча с женщиной, прибежавшей к ней в слезах... «Вы Алешу моего помните? Он учился у вас... Нет Алеши, в партизанах пропал. А перед тем, как не вернуться, притащил домой письменный столик. «Мы,— говорит,— тут одного типа на квартире кончали. И я столик этот увидел. Сразу узнал — нашей учительницы он, Лидии Михайловны. Спрячь, мама, сохрани. Приедет — вернем». Пойдемте, поглядите, может, и в самом деле ваш...» Да, это был ее письменный стол, маленький, легкий. Сколько тетрадей проверила она за ним! И в том числе тетрадки этого мальчика, ставшего партизаном. Кажется, она частенько ставила ему двойки. Ботанику он не любил...

...Непосильную все-таки взвалил я на себя ношу — рассказать о жизни старой учительницы. Одному мне не справиться. Призову-ка на помощь Володю Скрипкина.

Мы сидим с ним в служебной ложе калужского театра. В зале — учителя, молодые главным образом. В президиуме — делегаты Всероссийского учительского съезда, старые педагоги. Идет встреча молодых со старыми. Как вы догадываетесь, Володя Скрипкин — молодой учитель, собственно, учитель пока только по диплому, по званию. Без никакого стажа, без малейшего опыта, ну если не считать, конечно, уроки, которые он проводил в качестве студента-практиканта. Но в кармане уже назначение — преподавателем физики и математики. Володя Скрипкин — ученик Лидии Михайловны. Он окончил калужскую школу имени Циолковского, где она завучем. Бывший ученик Скрипкин, учитель Скрипкин не сводит глаз с Лидии Михайловны, сидящей в президиуме.

— Взгляните, как она сидит,— шепчет мне Володя.— Сколько скромности и в то же время сдержанного достоинства в посадке головы, в том, как она держит руки!.. Не наваливается на стол, но и не откидывается небрежно к спинке стула. Спокойная, раскованная, свободная поза. Так может сидеть только учительница, привыкшая, что на нее во все глаза глядят ребята, ловя каждое ее движение. Вы знаете, что нас больше всего поражало? Ее безукоризненно белоснежные, я бы сказал, хирургической белизны, блузки под строгим темно-синим английского покроя костюмом. Казалось, что каждый раз она надевает новую. «Сколько же у нашей Лидии Михайловны блузок?»—думали мы. А потом пригляделись: четыре-пять, не больше. И ни пятнышка. Сверкающая белизна! И такой же чистый, ровный характер. На уроках всегда в одинаковом настроении. На нас никогда не отражались ее домашние или служебные неприятности. Она входила в класс, оставляя за порогом все свои горести... Урок! Я теперь только понял, какое это напряжение, какая это ра-бота!

Мне нравится профессионально точный рассказ Володи. Я слушаю его с удовольствием.

— И представляете, сколь трудно вести ботанику в школе, где преподавал когда-то Циолковский, где все пронизано духом Циолковского, где все мальчики — а школа была мужская—бредят Циолковским, космосом, ракетами. Но Лидия Михайловна никогда не иронизировала над этим нашим влечением. И не ревновала нас к учителю физики Ивану Павловичу Николаеву, который был знаком с Константином Эдуардовичем и на которого мы, естественно, глядели как на святого. Она понимала, что ее тычинкам и пестикам трудно соревноваться с ракетами... И все же очень постепенно, очень медленно и, главное, так, что мы этого не замечали, спускала нас с космических высот на грешную землю, где, оказывается, тоже найдешь чем заняться. Во-первых, именно здесь, на земле, и создаются ракеты, а во-вторых, ракетчики, как это ни странно, не могут прожить без хлеба, а он растет, между прочим, тоже на земле. И Лидия Михайловна рассказывала, как это происходит, и это было не так уж неинтересно. Правда, агрономами мы не стали, и я лично остался, как видите, верен физике. Но умею и грабли в руках держать, научившись этому у Лидии Михайловны. Вы бы поглядели, как она и сейчас сено косит...

Володя хотел еще что-то добавить, но его перебил председатель собрания:

— Слово предоставляется Лидии Михайловне...

Фамилия не названа, но все встают, приветствуя старую учительницу.

— Товарищи учителя! — начинает она твердо, ясно, громко.

Она говорит о чувствах, которые вызвал в ней учительский съезд.

— Ведь волнуется, не может не волноваться,— продолжает нашептывать мне Володя.— А как владеет собой, как владеет голосом, жестом!

— Я ухожу на пенсию.— Голос Лидии Михайловны чуть дрогнул.— Я ухожу на пенсию потому, что мне очень много лет... Вчера я сдала дела по школе новому завучу, Антонине Борисовне Кирюхиной, молодой, талантливой учительнице. Но я сказала ей, что не покину школы. И вам об этом говорю. Я буду в школе, буду со школой! Потому что без этого нет для меня жизни...

Наши вкладки

Однажды в разговоре с П. А. Павленко художник А. Н. Яр-Кравченко, создавший галерею портретов писателей нашей страны, поделился своей заветной мыслью. Он хочет написать многофигурную композицию «Писатели», только сюжета найти никак не может. Великолепный рассказчик, Павленко вспомнил об одной встрече на квартире у А. М. Горького. Синие сумерки за окном, окутавшие одноэтажную грачиную Москву, шум, папиросный дым, споры... Это был исторический вечер, когда обсуждался вопрос о творческом методе советской литературы — социалистическом реализме,— о едином фронте борьбы советских писателей.

Тема картины увлекла А. Н. Яр-Кравченко. Несколько лет понадобилось художнику на сбор материала. Анатолий Никифорович читал воспоминания, делал многочисленные этюды, записывал рассказы участников встречи. Ничего внешне помпезного, никакой «официальщины» не должно быть в картине — правда, живая жизнь в каждом жесте, в каждой позе. Около восьми лет работал Яр-Кравченко вместе с художником А. П. Зарубиным над своим полотном, получившим широкое признание...

Художник А. И. Макаров часто обращается в своем творчестве к жанру исторического портрета. Одно из своих последних полотен он посвятил встрече Л. Н. Толстого с А. М. Горьким. Картина решена в серебристо-зеленоватой гамме.

Темпераментно написан П. Ф. Судаковым портрет писателя Сергеева-Ценского. Этот портрет — один из лучших, созданных художником.

А. И. Макаров. А. М. ГОРЬКИЙ У Л. Н. ТОЛСТОГО.

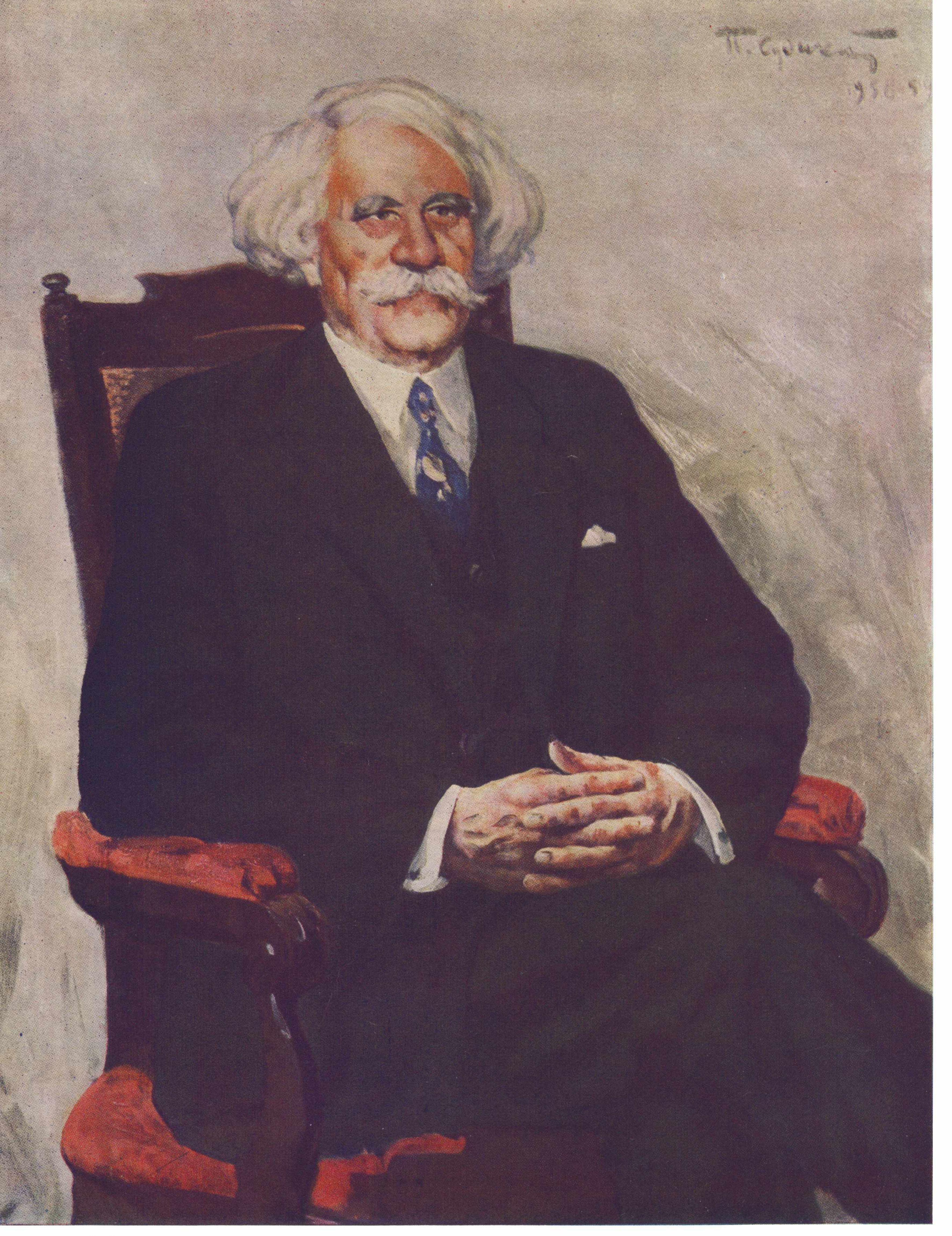
Художественная выставка «Советская Россия»

«Огонек».

А. Н. Яр-Кравченко, А. П. Зарубин. «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА ВАС». (Встреча писателей на квартире у А. М. Горького 26 октября 1932 года.)

П. Ф. Судаков. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО.

ВЕЛОСИПЕДНЫЕ ЗИГЗАГИ

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Удивительное происшествие случилось недавно. Крупная торговая база забраковала целый вагон новехоньких велосипедов. Между тем с него даже не была снята заводская пломба. Кое-кто ломал голову: как ухитрились эксперты-бракеры проникнуть в опломбированный вагон? Выяснилось: документы о непригодности товара фиктивны. И тут всплыла вторая загадка: зачем все это потребовалось руководителям базы?

Неприглядное происшествие оказалось отзвуком неурядиц, царящих в производстве велосипедов, в торговле ими.

ВЗАИМНЫЕ ПОПРЕКИ

Мы отлично знаем: товаров народного потребления у нас год от году все больше. Рос и выпуск велосипедов. А в прошлом году вдруг снизился на десять процентов. Почему? Кто виноват? Главный специалист по мотовелостроению Госплана СССР В. И. Коваленко глубоко убежден: виноваты торговые организации.

— Плохо они изучают спрос населения. И донельзя поглощены своими ведомственными интересами. Для денежной выручки все равно что продать — тысячу пар часов или тысячу велосипедов. Но часы умещаются в небольшом ящике, хранение же тысячи велосипедов требует склада. Притом велосипеды — товар сезонный. Осенью и зимой их не раскупают. А велозаводы работают круглый год, и их продукция систематически отгружается на базы. Здесь с осени эта продукция начинает накапливаться, и ее до весны надо хранить. А со складами туго. Оттого «двухколесный друг» человека не по нутру многим торговым работникам. Иные всеми правдами и неправдами норовят избавиться от него, как только кончается лето. Вот и разгадка, почему руководители злополучной базы забраковали товар, который и в глаза не видели. Авось, сойдет, и незачем будет утруждать себя поисками складских помещений.

Конечно, случай этот исключительный и смахивает на анекдот. Но задуматься над ним следует. Года два назад торговые работники стали доказывать, будто велосипеды у нас в избытке, население ими «насытилось». И потому, мол, производство надо сокращать. К сожалению, с этим посчитались. Дошло до нелепости: некоторым предприятиям запретили... перевыполнять план. Теперь приходится вновь наращивать выпуск, а это нелегко дается.

В торговых организациях отвергают почти все попреки. Больше того, заместитель управляющего Роскультторгом П. Ф. Корнеев винит в неурядицах плановые органы:

— Они сами понапутали. Машин для подростков и раньше не хватало, теперь их еще меньше. Да и сокращенный план срывается. Женских велосипедов тоже мало. Все больше людей хотят иметь мотовелосипеды. Плановики будто и не замечают растущего спроса, несмотря на наши заявки, просьбы, требования. Многие хотят приделать мотор к своему обычному велосипеду. Но веломоторы в продаже — редкость. Без конца толкуют о мопедах. А их кот наплакал. И чем оправдать, что производство веломашин перебрасывают с завода на завод, из одного города в другой? При чем тут мы?

Это мнение разделяют и некоторые плановики. Так, главный специалист по мотовелостроению Союзглавторга при Госплане СССР И. И. Козлов соглашается:

— Да, действительно с ассортиментом неблагополучно. И с перебросками производства поторопились. Московский автозавод имени Лихачева свернул выпуск велосипедов. Это продиктовано специализацией автозавода. Довод разумный. Но вряд ли разумно было торопиться. Оборудование перевезли в Жуковку, Брянской области. Но когда там наверстают то, что автозаводцы упустили, неизвестно. Пока что советские люди лишились почти полумиллиона веломашин. А они были лучшими в стране, полюбились многим велосипедистам. Как же было не принять это во внимание? Примеров такой торопливости немало. Дорого обходится она и государству и населению.

Можно продолжить перечень взаимных попреков. Но оборвем его. Посмотрим, что происходит на самих предприятиях, хотя бы на старейшем нашем велозаводе — Харьковском. Кстати, там находится и ЦКТБ — Центральное конструкторско - технологическое бюро велостроения.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

— Трудности сбыта? Их нет. Как раз наоборот, нам угрожают штрафами за малейшую задержку с отгрузкой продукции. Нас волнует другое.— И директор завода А. Г. Коновалов показывает легкую, изящную машину, сверкающую всеми цветами радуги. Появись она в магазине, никто равнодушно не пройдет мимо, обязательно захочется приобрести ее. — Все до одной могли бы выглядеть так!..

По прочности наши велосипеды не уступают лучшим заграничным. Как правило, даже превосходят их. Сейчас это опять подтвердилось: во время очередного экспериментального пробега советские машины с честью выдержали испытания, а английская выбыла из строя задолго до финиша.

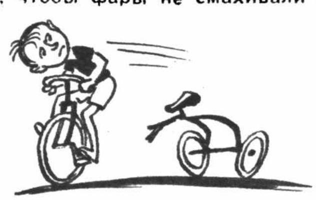
— Но внешний вид, отделка наших машин, ассортимент... Тут возникают драматические конфликты...

И Коновалов поведал невеселую историю.

— Нет, не в пятьдесят восьмом году возникли неурядицы, о которых рассказывали вам в Госплане. На велосипедную промышленность и раньше смотрели как на второстепенную. Министерства и плановые органы мало заботились о ней. Не изжито пренебрежение и поныне. Достаточно глянуть на географическую карту: Сибирь, Средняя Азия, Закавказье — без единого велозавода. У нас в стране приблизительно двадцать миллионов велосипедов. А должно быть, вероятно, не меньше сорока. Но не только о количестве идет речь. Уже пришло время серьезнее подумать о весе, о цвете и о многих других качествах. У нас создан гоночный велосипед, весящий лишь семь с половиной килограммов. Можно бы уменьшить вес машин всех марок. Но кругом препоны. Нужны, например, пластмассы.

А мы вынуждены,— сетует Коновалов, — довольствоваться лекциями и брошюрами о чудодейственных свойствах пластмасс. Довольствуемся и нестойкими эмалями мрачных колеров. В стране делают эмали высокого качества, радующих глаз расцветок. Однако не для нас.

Осенью пятьдесят восьмого года в Харькове провели техническую конференцию по велостроению. Участвовали в ней Госпланы СССР, РСФСР и УССР, несколько совнархозов, научно-исследовательские институты и лаборатории, конструкторские бюро, заводы и фабрики, торговые организации. И что же? Почти все рекомендации и просьбы делегатов конференции повисли в воздухе. Даже те, что не так уж сложны. Велостроители просили, чтобы делали побольше цветной резины; чтобы звонки не были допотопными; чтобы фары не смахивали на бандуры. Есть и более важные проблемы, но они тонут в бесплодной переписке. Взять хотя бы специальные велосипеды: сконструированы, одобрены, а в серийное производство не идут...

ПЯТЫЙ ТИП

Кроме велосипедов для подростков, дорожных, легкодорожных, спортивных, есть и пятый тип машин: специальные. Некоторые из них мы видели в декабре прошлого года в Москве, на межреспубликанской оптовой выставке-продаже товаров. Мотовелосипед с кузовом — для продажи мороженого, хлебобулочных изделий, молока в бутылках. Мотовелосипед с открытой платформой — разъезжай и торгуй где угодно галантереей или любой иной мелочью. Еще тогда, в декабре, подумалось: как нужны эти веломашины, особенно теперь, когда так много делается, чтобы улучшить обслуживание населения, полнее удовлетворять его запросы! Порадовали и прицепы. Двухколесная плетеная корзина — прицепил ее колхозник к своему велосипеду, поехал в районный центр, закупил, что нужно, и без хлопот отвез покупки домой. Двухколесная тележка в виде желоба — садовод, огородник нагрузил семена, инвентарь и покатил на свой загородный участок. Знакомясь с выставкой, я подумал: «Вот уж теперь министерства торговли засыплют заводы заказами на такие машины!» Да ничего подобного! Главный конструктор ЦКТБ К. С. Гладкий рассказ о специальных велосипедах закончил так:

— Промышленность не получила ни одного заказа.

— Но, может быть, ваши конструкции страдают серьезными недостатками?

— В Харькове с успехом действует несколько наших специальных машин. На них торгуют молоком, булками, мороженым. Эксплуатируется и мотовелосипед — киоск Союзпечати. Он тоже всем нравится. Но заказов нет. Не интересуются... Однажды попросили создать веломашину для ветеринаров, обслуживающих отгонные пастбища. Сконструировали. На том все и заглохло.

Идешь по демонстрационному залу ЦКТБ, и зло берет: сколько тут интересных новинок, которые не удается пробить в жизнь! Веломашина с боковым прицепом-коляской для взрослого пассажира. Еще два варианта: с открытой и закрытой коляской для ребенка. Седло-кресло со стременами для малыша: оно прикрепляется к раме мужского велосипеда. Различные багажники. Велосипед для дорожных мастеров-ремонтников.

— Многих типов машин еще нет, но мы уверены, что они должны появиться. Скажем, велосипед для инвалида — с ножным или ручным приводом; для физиотерапии; для перевозки больных в клиниках; для доставки на дом подписных изданий. У нас имеется несколько разновидностей веломашины для почтальона. Министерство связи СССР заказало Харьковскому велозаводу... четыре тысячи штук. Мизерное количество!

О пятом типе веломашин прослышали в народе. Конструкторское бюро получает сотни писем со всех концов страны: «Где специальные машины, почему их нет?»

Что ответишь на эти запросы?

У ПРИЛАВКА

Я побывал в специальных магазинах и велосекциях универмагов Москвы, Ленинграда, Саратова, Харькова. Велосипеды всюду продаются. Тем не менее чуть ли не каждый третий покупатель уходит ни с чем. Отказ за отказом. Ответы стандартные: «Не бывают», «Бывают, но сейчас нету», «Когда будут, не знаем», «Извините, зайдите через недельку».

Подросток с грустью смотрит на родителей. А те озадачены.

— Обещали сыну ко дню рождения... Еще в том месяце... Третье воскресенье тратим...

Оказывается, уже в мае, в начале сезона, за веломашинами для подростков подолгу охотились даже в Москве и Ленинграде: зимние запасы быстро иссякли, а свежие поставки невелики, их расхватывают «с колес». То же с женскими машинами.

Но и торговля отнюдь не безгрешна. Рачительный покупатель, беря чек на веломашину для юноши, спрашивает: нет ли подвески? Нехитрое это приспособление необходимо, чтобы на зиму повесить машину на стене: места не будет занимать в квартире.

— Не бывает.

Покупатель удивлен:

— До войны, когда я сам был юношей, они были в продаже.

— А теперь не бывает.

Очень мало простейших приспособлений, вроде подставок, которых было бы предостаточно, будь работники торговли понастойчивей. А сколько времени тратят велосипедисты в поисках запасных частей!

Еще хуже с детскими велосипедами. Их мало. В Саратове я встретил инженера, специально приехавшего из Куйбышева, чтобы купить два велосипеда для дочурок-близнецов.

А качество? То краска облупится, обнажив грунтовку уже в первый месяц; то камера выпирает из-под шины безобразным волдырем; то у седла ослабнет одна из двух пружин, и велосипедист, того и гляди, скособочится!

Харьковский универмаг получил из Ленинакана свыше полутора тысяч трехколесных машин. В магазине или не заметили, или сделали вид, что не замечают больших дефектов в этих велосипедах. К счастью, нагрянула инспекция по качеству товаров и забраковала все машины до одной.

Да, огрехов хоть отбавляй!

* * *

Когда новичок, впервые оседлав велосипед, «выписывает» зигзаги,— это естественно. Проходит лишь несколько минут, и руки уже увереннее держат руль. А вот велосипедным зигзагам, о которых рассказано тут, нет оправдания: пора наконец уверенным рукам лечь на руль.

Чьи это должны быть руки?

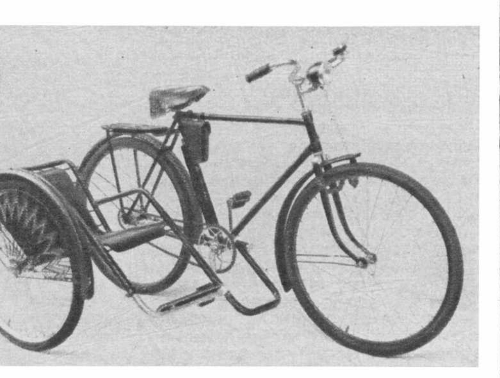
Мы искали ответа и не смогли найти. Нет у велосипеда хорошего хозяина, нет у нас всесоюзного «велосипедного центра» — научно-исследовательского института, который бы прокладывал пути развития «двухколесного друга», вовремя и обоснованно подсказывал, что нужно и как быть в том или ином случае. Правда, есть ЦКТБ в Харькове. Но оно лишь по названию центральное.

Нет доброго хозяина у велосипедов, нет, к сожалению, заботливого друга и у тех, кто ими пользуется. Мало думают у нас об элементарных удобствах для них. Даже в таких городах, как Москва, Ленинград, Киев, не увидишь на широком проспекте очерченную белой линией дорожку — это для вас, товарищи велосипедисты! Редко встретишь заранее подготовленную стоянку, где можно на часдругой поставить машину, пока ты справишься со своими делами...

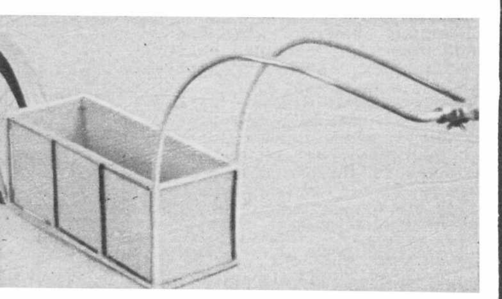
Велосипед и велосипедисты требуют внимания к себе. Пора вмешаться и общественности — Центральному туристско-экскурсионному управлению ВЦСПС, Федерациям велоспорта и туризма СССР.

Нельзя ли без зигзагов!

НОВИНКИ, КОТОРЫЕ, УВЫ, НЕ ВЫШЛИ ЗА ПРЕДЕЛЫ КОНСТРУКТОРСКОГО БЮРО.

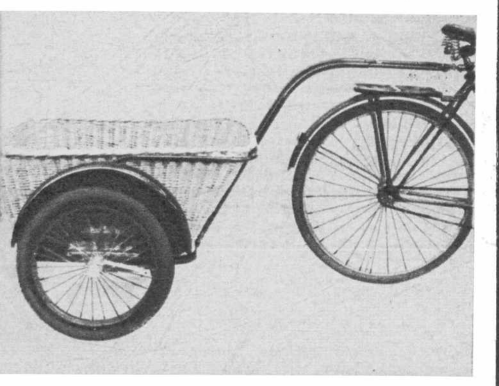

Машина с боковым прицепом для пассажиров.

Грузовой прицеп для садовода.

Грузовой прицеп к дорожному велосипеду.

32 цистерны=1 жуку ♦ «Мечта вра

ЭЛЕКТРОННЫЕ «ВРАЧИ»

Веками пользовались доктора молоточком и стетоскопом. Многие годы требовались врачу, чтобы достичь мастерства в своем деле. Но даже при «набитой руке» диагностические указания не всегда были безошибочны...

Чудесную эру открыли радиотехника и электроника для диагностики болезней. Взять хотя бы далеко не сложную, казалось бы, процедуру — измерение кровяного давления. Пока с нею еще много хлопот. Надо надеть больному манжетку, резиновой грушей накачивать воздух, держать стетоскоп и ухом ловить шумы в сосудах, а взглядом следить за прыгающим на шкале прибора столбиком ртути. Новый советский электронный прибор — тонограф — освободил врача от этих хлопот. Прибор не только сам определяет кровяное давление, но и записывает процесс в динамике.

Можно ли было поверить даже пять лет назад, что врач в обстановке обычного амбулаторного приема сможет записать кривую артериального давления, тоны сердца и электрокардиограмму не только у беременной женщины, но одновременно и у плода, спокойно лежащего в ее чреве?! Такой электронный аппарат, названный «Мать и плод», создан советскими учеными и скоро поступит в больницы и в лаборатории. Он предостережет рожениц от многих опасностей.

...Мы в одном из отделов ленинградского специализированного научно-исследовательского конструкторско-технологического бюро «Биофизприбор» — там, где созданы эти радиоэлектронные аппараты.

Георгий Владимирович Русаков — руководитель бюро — показывает нам последние работы.

Это пока что единственная в мире оригинальная комплексная установка, предназначенная для исследовательских работ в области центральной нервной системы.

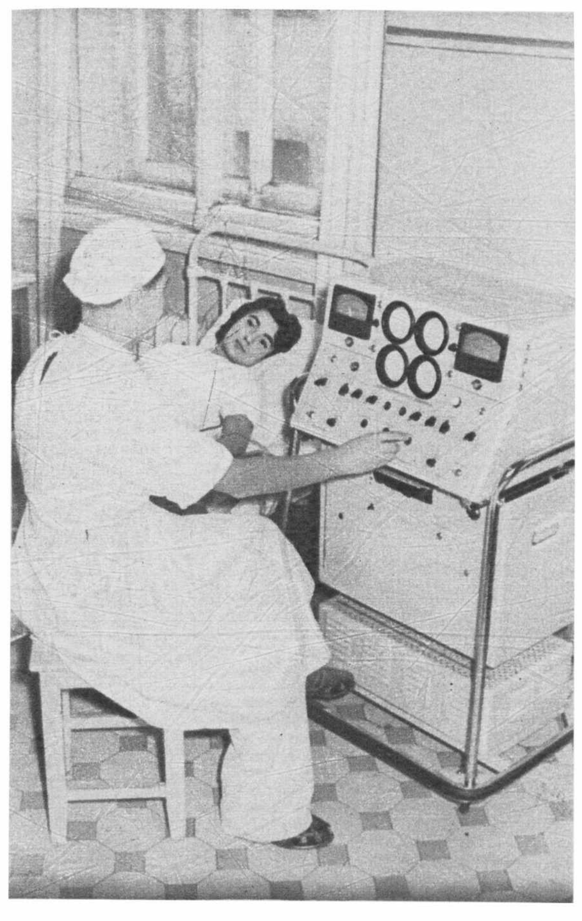
Более года пользуются комплексной установкой ученые Московского института нейрохирургии имени Бурденко, с ее помощью сделано немало ценных научных исследований.

А вот еще одна уникальная установка. Этот комплекс аппаратов по праву может быть назван «Мечтой врача». Он может самым подробным образом обследовать функциональное состояние периферического кровообращения, регистрировать артериальное и венозное давление, устанавливать сосудистые асимметрии и даже измерять давление в полостях сердца.

Скоро будет создан прибор, точно определяющий местонахождение инородного тела в человеческом организме. Он освободит врачей от хлопот, а больных — от лишних мучений.

...Около сорока образцов радиоэлектронной диагностической медицинской аппаратуры создало это очень молодое конструкторское бюро, расположенное в небольшой усадьбе за Каменным островом в Ленинграде.

А. КРУПИН, кандидат медицинских наук

Электронный прибор «Мать и плод» ставит диагноз.

Фото Н. Ананьева.

НЕПРОШЕНЫЕ ГОСТИ И ИСТОРИЯ БЕЛОЙ МУШКИ

Рассказывая, Евгений Михайлович Степанов постукивает ногтем по стеклянным коробкам, в которых мечутся крохотные красно-крылые насекомые. Удивительный мир всевозможных жуков, червячков и букашек, в котором очень малые величины сочетаются с астрономическими количествами, мир, полный драматизма, с трудом припоминаемый по учебникам и школьным коллекциям, встает в рассказах батумского ученого-энтомолога почти как открытие. И, пожалуй, самое значительное в нем — роль человека.

Человек — возмутитель равновесия в этом мире. Из конца в конец земного шара развозит он цветы, семена, саженцы. Там, где раньше росли колючки, цветут цитрусовые сады. На месте прежних болот расположились чайные плантации. Вместе с растениями и семенами путешествуют по свету и незаметные для глаза личинки насекомых-вредителей.

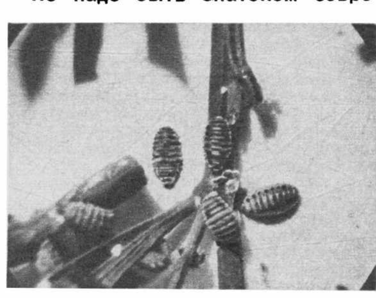
Евгений Михайлович рассказывает о судьбах крылатых иммигрантов. Есть, оказывается, среди них неудачники, которые в новых условиях едва сохраняются и никакого вреда не приносят. Им, видимо, не хватает тепла или угнетает обилие влаги. Другие медленно, но верно приспосабливаются и с годами начинают вести себя агрессивно. Третьи, пожалуй, самые опасные. Это «иммигранты процветающие». Такие, например, как японская восковая Ложнощитовка. Дома она вела себя тишайшим образом. Но стоило ей появиться на Кавказском побережье Черного моря лишь на одном дереве, как она стала быстро заражать хурму и лавр, шелковицу и цитрусовые. Даже чай! И уже двинулась она на юг Краснодарского края, перебралась в Западную Грузию...

Не надо быть знатоком современных субтропиков, чтоб представить себе, как могуч сейчас арсенал химических средств борьбы с вредителями сельского хозяйства.

Возьмем для примера лишь один Дзирский цитрусовый совхоз. В нем сто тысяч деревьев. Знаете, сколько надо химического раствора, чтобы спасти деревья от вредителей? Тридцать две железнодорожных цистерны!

Но оказывается, и сам раствор и труд химиков, железнодорожников и рабочих совхоза, занимающихся опрыскиванием, может заменить лишь один маленький жук — пожиратель вредных насекомых. Для этого его надо только выпустить на зараженную территорию, а все остальное он сделает сам, перебираясь по деревьям, питаясь, размножаясь.

...Мы сидим у Евгения Михайловича Степанова в его лаборатории биологических методов борьбы с вредителями сельского хозяйства. Существа, шныряющие в стеклянных коробках, очень напоминают знакомую всем божью коровку. Это и есть одна из разновидностей пятнистых жучков, имеющих свое ученое название — кокцинелиды. Жук Новиус Кардиналис — герой: двадцать пять лет тому назад он спас от неминуемой погибели прекрасные сухумские парки. Было это так.

Личинки Новиуса.

Жуки Новиусы и Ицерия Цитрусовая.

Свет и цвет— контролеры

Деталь машины отлита. И никто не заметил, что на поверхности металла осталась мельчайшая, незаметная глазу трещинка. Машину пустили в производство, и... вдруг авария.

Как же избежать этого?

На помощь человеку приходят новые контролеры — люминесцентные вещества, светящиеся под действием возбуждающего излучения, например, ультрафиолетового. Люминофор наносят на изделия, а потом удаляют. Но в трещинах, как бы малы они ни были, он останется и заставит их светиться.

Недавно грузинские ученые-химики нашли новый люминофор — нориоль. Его получают из нефти. Ни одна самая мельчайшая трещинка в металле не скроется от него, даже если ширина ее меньше одной сотой и глубина около двух сотых миллиметра. Нориоль так ярко люминесцирует, что дневной свет ему не помеха.

А вот еще один интересный метод — цветной. При нем не требуются даже источники ультрафиолетового излучения. В жидкость, скажем, в смесь керосина с легким минеральным маслом, добавляют специальную краску. Потом жидкость удаляют с изделия и покрывают его порошком белой глины. Тут и начинает действовать краска, попавшая в трещинки. Она впитывается порошком и раскрывает свое убежище. Дневной свет тут помогает обнаружить дефекты.

Н. ПОСЫСАЕВ

Косяк трески и пикши на глубине 105 метров. У выносного осветителя роятся рачки-черноглазки.

Фото автора

Шестой рейс «Северянки»

Не часто удается ученым наблюдать в естественной обстановке поведение промысловых рыб даже из иллюминаторов подводной лодки. Бывает, что большая мутность воды не позволяет производить такие наблюдения. Да и сами рыбы предпочитают держаться на почтительном расстоянии от наблюдателей.

Нужно сказать, что недавно закончившаяся пятая экспедиция «Северянки» протекала в неблагоприятных в оптическом отношении условиях. В этом году рано потеплело Баренцово море и раньше, чем обычно, началось бурное развитие планктонных организмов — вода помутнела. Как говорят ученые, была ранняя биологическая весна.

Чтобы проводить наблюдения, пришлось пользоваться специальным выносным осветителем, который подвешивался на стреле, откидываемой от корпуса подводной лодки. Благодаря этому приспособлению удалось наблюдать поведение трески и пикши в естественной среде в процессе питания и даже удачно заснять на кинопленку.

Задачи пятой экспедиции были обширны и разнообразны. Изучались не только условия нереста рыбы мойвы в прибрежных районах, поведение трески и пикши и распределение мельчайших животных и растительных организмов по глубине, но и целый ряд океанографических вопросов. Например, проводились изучение строения морского дна на различных глубинах, измерения подводной освещенности, прозрачности и дальности видимости под водой...

Следующая, шестая, научно-исследовательская экспедиция подводной лодки «Северянка» запланирована в Северную Атлантику, в районы советского океанического сельдяного промысла.

Мы намерены детально изучить поведение сельди и на основе этих наблюдений разработать новые тралы для средних рыболовных траулеров. Тогда кораблям не надо будет уходить в плавания на целый год: годовой план они легко смогут выполнить за один-два месяца.

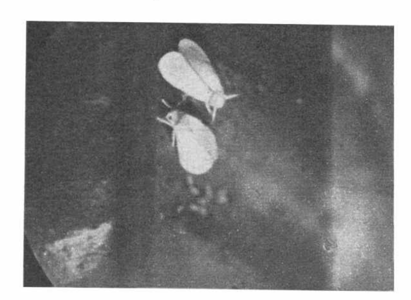
О. СОКОЛОВ,
главный конструктор лаборатории технических средств подводных исследований ВНИРО

На Кавказе появился в 1927 году желобчатый червец Ицерия. Он оказался очень вредным, стал быстро размножаться, заражать все деревья. К 1931 году очаг настолько разросся, что ничего не оставалось делать, как вырубить и сжечь все пораженные растения и даже оцепить парк вооруженной охраной, чтоб оттуда не вынесли ни одной больной веточки. Когда же все было сделано, из Каира от энтомолога пришла посылка — двадцать жуков Новиусов. Новиусы известны тем, что пожирают Ицерию. А тут пожирать им было нечего. Все лето они промаялись в банках впроголодь.

Вскоре в другом районе Сухуми были обнаружены несколько пораженных Ицерией деревьев. Энтомологи открыли банки, жукам сказали: «В добрый путь!» И грянул бой...

Надо сказать, что от Ицерии не легко избавиться. Стоит сохраниться хотя бы одной самке, как за лето она даст три поколения, по тысяче экземпляров каждое.

Нельзя сказать, чтобы Ицерия была уничтожена полностью. Но теперь там, где она появляется, ее тотчас находит Новиус, сам, без помощи человека. И все же некое количество Новиусов, зачисленных в «запас», продолжает жить в банках энтомологов «на всякий пожарный случай».

Белая Мушка.

Евгений Михайлович показывает нам вишневое дерево в оранжерее. Это еще одна грустная страничка о том, как в окрестностях Батуми было однажды вырублено 2 тысячи деревьев косточковых плодовых культур, зараженных Тутовой Щитовкой. Тогда еще не было в распоряжении лаборатории паразита на Щитовку, выписанного позднее из Италии и поселенного на вишневом дереве в оранжерее. Каким же все оказалось простым и безболезненным в прошлом году, когда поступили сигналы из Сухуми: очаг Щитовки на персиках, вишнях и сливах! Обитатель оранжерейной вишни, маленький наездник, получил командировку из Батуми в Сухуми и таким образом продлил жизнь сотням, тысячам деревьев, дающих чудесные плоды.

...Она появилась совсем недавно и стала безудержно распространяться по всей Аджарии. Зовут ее Белая Мушка. Маленькая, белокрылая, она садится на дерево, укалывает его и сосет. Дерево теряет соки. К концу сезона количество Белой Мушки увеличивается в 300 тысяч раз. Правда, это теоретически. На самом деле множество личинок мушки гибнет во время прикрепления к листу, смывается ливнями, стряхивается ветрами. Большая же часть все-таки остается в живых, сохраняясь на нижней поверхности листа.

Именно это последнее обстоятельство и не приносит успеха химической обработке цитрусового дерева эмульсией ДДТ. Эмульсией невозможно опрыскать каждый лист снизу. Кроме того, ДДТ имеет еще один, пожалуй, более серьезный недостаток: на обрабатываемых площадях наряду с вредными гибнут и полезные насекомые.

А в этом году пришел Белой Мушке конец.

В период поисков средств борьбы с Белой Мушкой в батумской лаборатории проходил практику аспирант Ленинградского сельскохозяйственного института Пен Чжун-юнь. Окончив практику, он поехал к себе на родину в Сычуань и стал искать там энтомофага Белой Мушки. Вскоре от него пришло письмо. В конверте несколько листочков лимона с пустулами грибка из рода Ашерсония. Пен писал, что именно этот грибок не дает размножаться мушке в Сычуани. Пустулы в пути подсохли, и споры оказались почти нежизнеспособными. Их начали с величайшими стараниями возвращать к жизни. Наконец удалось восстановить несколько пустул. Посеяли их на питательную среду, получили чистую культуру грибка. Далее надо было проверить действие Ашерсонии на опытном участке лаборатории. На это ушло еще одно лето. Но надежды оправдались. Лаборатория заготовила к лету нынешнего года большое количество чистой культуры грибка, так, чтоб его хватило на все цитрусовые насаждения Аджарии. Настал час, когда энтомологи со всех концов Аджарии засигналили о появлении Белой Мушки. И грибок был «спущен с цепи»...

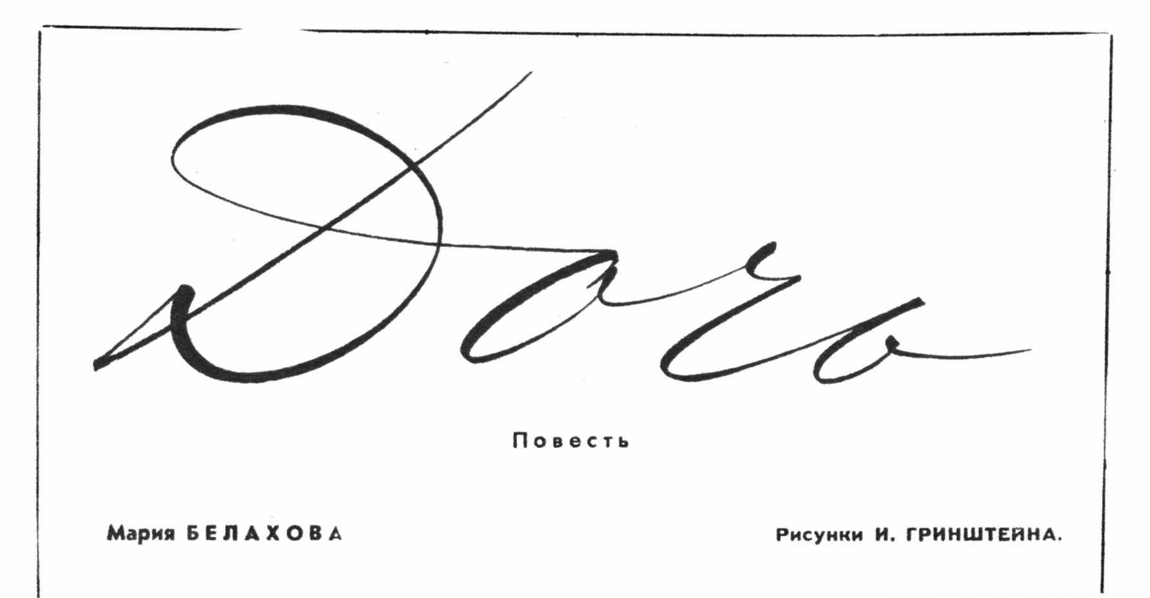
Вся эта процедура обошлась, по существу, в одну почтовую марку, приклеенную аспирантом из Китая, потому что ни бескорыстного желания помочь, ни упорства ученого не измеришь ничем.

...За небольшой срок существования лаборатория парализовала своим методом таких вредителей, как Ицерия, Тутовая Щитовка, Червец Комстока, Кровяная Тля. А сколько их еще процветает и вредит нашим субтропикам!

И. МЕСХИ
Фото О. Кнорринга.

Заведующий Грузинской биолабораторией Евгений Михайлович Степанов.

Повесть

Мария БЕЛАХОВА

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. СМ. «ОГОНЕК» №№ 32, 33.

Глава 6

Первое время жизнь у дяди была сплошным праздником для Жени. Его ласкали, закармливали вкусными вещами, баловали подарками и красиво одевали. Один костюм был точь-в-точь такой, как у дяди Феди,— летчиковский. А что значит иметь такой костюм в военное время!

Федор Петрович искренне обрадовался, что его разыскали работники детского дома, куда Женя попал после госпиталя. Дочь Милочка уже взрослая, о сыне он всегда мечтал. Пусть Женя будет их сыном, если отец не вернется с фронта.

Динара Васильевна тоже была довольна, что у них появился Женя. Во-первых, Федор для нее и Милочки выхлопотал пропуск в Москву в такое время, когда никто еще не возвращался из эвакуации. Во-вторых, и это самое главное, ребенок избавлял ее от трудовой повинности. Ну, скажите, разве это не безобразие, что ее, жену видного летчика, посылают копать картошку или мыть посуду в госпитале?! Теперь попробуй прицепись к ней! О тех, кто берет на воспитание осиротевших детей, даже в газетах пишут. И ей будет почет. А хлопот не так уж много. Ребенок не грудной! Да и не надолго это. Если мать погибла, вернется отец Жени. Не век же он будет жить у них!

Она приглашала к себе всех знакомых и в сотый раз рассказывала о том, как Федор ей позвонил по телефону в Казань, и как она сразу же сказала: «Ну, конечно, возьмем мальчика»,— и как Женя любит покушать, и как она взяла для него домашнюю портниху, и так далее, и так далее. Следующим гостям она уже рассказывала, что Фролова назвала ее доброй душой, а Петрова так ее хвалила, что и говорить неудобно. По поводу самого Жени она сокрушалась:

— Боюсь, избалуем его. Федор совсем не умеет воспитывать детей.

Когда Федор Петрович был дома, он не отпускал от себя Женю ни на шаг. Обедать? Только вместе! Что? Женя уже кушал? Ничего, может еще раз. Он испытывал к племяннику сложное чувство любви и жалости. Глядя на него, он не мог забыть, что пережил этот мальчик. И даже когда Женя веселился, заразительно смеялся, чувство горечи не покидало Федора Петровича.

Женя полюбил своего дядю беззаветной, мальчишеской любовью. Дядя Федя был его гордостью, его героем. Когда Женю спрашивали, кем ты будешь, он отвечал:

— Дядей Федей.

С некоторых пор не только Федор Петрович, но и Женя стал замечать, что Милочка сердится тогда, когда им обоим становится особенно весело. Динара Васильевна тоже начинала хмуриться и в таких случаях часто говорила:

— Женя, дяде надо отдохнуть. Иди погуляй!

Сквозь неприкрытую дверь Женя часто слышал, как сердито начинали разговаривать тетя и Милочка с дядей.

— До каких пор ты будешь с ним цацкаться? — кричала Милочка.

— Ты родную дочь перестал замечать! — еще громче говорила Динара Васильевна.

Дядя оправдывался:

— Милочка! Ты уже взрослая, в вуз собираешься. А он ребенок...

Тетя перебивала его:

— Мне твои родственники всю жизнь поперек горла стояли. Либо ты мне доверяешь воспитание племянника и пусть мое слово будет законом, либо сдавай обратно в детский дом.

Один, другой такой скандал — и Федор Петрович поневоле в присутствии жены и дочери становился более сдержанным с племянником. А вдвоем им и не приходилось бывать. Динара Васильевна этого не допускала.

Постепенно и Женя отвыкал от «развязности», как говорила тетя, не бросался навстречу дяде, когда тот приходил домой, отказывался садиться за стол вместе с дядей, говорил, что сыт.

Время шло. Война подходила к концу, а писем от отца Жени все не было. Трудовой фронт уже не угрожал Динаре Васильевне, и она стала ежедневно жаловаться мужу, что Женя—испорченный мальчишка и что он даже ворует. Федор Петрович привык верить Дусе. А тут и сам Женя сознался однажды, что съел без спроса пельмени.

— Почему ты так сделал? — допрашивал его Федор Петрович.

— Я есть хотел.

— Это не оправдание. Если хочешь есть, спроси тетю Дусю, она тебе даст.

Женя молчал. Дядя Федя был явно не осведомлен об истинном положении. Тетя Дуся всегда называет его обжорой. Не хочет он просить у нее ничего. Лучше будет голодный ходить.

Федор Петрович понимал, что Дуся невзлюбила племянника, придирается к нему. Но где же выход из положения? Мальчишка жив, здоров, и слава богу. Не может он постоянно скандалить и выносить истерики. Имеет он право на отдых у себя дома?

Такими были отношения в семье Ваниных, когда Березовы с ними познакомились.

* * *

Жене разрешалось гулять только во дворе, чтоб Динара Васильевна всегда могла видеть, с кем он и что делает. Но с кем бы Жене ни случалось играть, тетя всегда была недовольна: то мальчик из плохой семьи, то хулиган. И только в отношении Наташи Березовой она ничего не говорила. Для Жени, конечно, интереснее иметь товарища, школьника. Но что ж поделаешь, если тете никто не нравится. А Наташа ничего, хорошая девочка. Идет Женя из школы, она увидит его и бежит навстречу.

— Женя! Я тут. Пойдем играть.

Женя положит портфель на скамейку, рядом с бабушкой, и начнет возить Наташу в санках или, если снег рыхлый, делает ей снежную бабу. Женина снежная баба получается смешная — широколицая, в платке и ватнике. А снегурочка — маленькая девочка в шубке и капоре, как Наташа. Прохожие останавливаются, подходят ближе и спрашивают Женю:

— Это кто же так слепил? Неужели ты сам?

Женя густо краснеет от смущения и молчит. А Наташа смеется, прыгает от восторга и отвечает за него:

— Он, он сам! Он все может из снега сделать. Он и собачку сделает и деда-мороза!

Наташа гордится Женей и постоянно зовет его к себе домой. Но Женя отказывается и искоса смотрит на окна своей квартиры. Попробуй пойди он без разрешения тети!

Бабушка догадалась, почему Женя отказывается, и сказала об этом Ирине Андреевне. Та при встрече с Динарой Васильевной попросила за Женю:

— Если вы ничего не имеете против, пусть Женечка иногда к нам заходит. Конечно, в свободное время.

— Пожалуйста,— ответила та кисло.— Но только иногда. Женя плохо учится, ленится. Мог бы идти на все пятерки, а он и тройки приносит. Страшно упорный, скрытный.

— Да ничего. С детьми всякое бывает,— сказала Ирина Андреевна, чтоб хоть что-нибудь ответить на сетования Динары Васильевны.

После этого разговора Женя стал часто заходить к Наташе. Придет и сразу затеет интересное дело: то построит сооружение из Наташиных стульчиков и кубиков, то нарисует что-то необыкновенное. Екатерина Павловна, если приходит Женя, сразу ставит на стол угощение. Мальчик засиживается, и приходится ему напоминать:

— Женечка! Тебе пора домой. Тетя рассердится.

На новогоднюю елку к Наташе вместе с Женей пришла сама Динара Васильевна. Ирина Андреевна удивилась: дети взрослые, и она не приглашала родителей.

Как видно, и Женя был недоволен. Он сидел вначале скучный и молчаливый. Но потом развеселился. Ведь это же елка! Он переоделся в уцелевший еще с прошлогодней елки костюм деда-мороза. Наташа оделась снегурочкой. Марина стала котом в сапогах. Все читали стихи, пели, плясали. Потом отыскивали конфеты на елке. Не так просто их найти среди блестящих игрушек!

Когда дети сели за стол и с аппетитом начали уплетать сласти, которые щедро были расставлены, Динара Васильевна сказала Жене:

— Женя, это не комильфо!

Было шумно, услышали эти слова только Женя и Ирина Андреевна, которая сидела рядом с Динарой Васильевной.

Женя перестал есть. Он опустил глаза, и было ясно, что ему стоит больших трудов удержать слезы.

Ирина Андреевна спросила Динару Васильевну:

— Почему не комильфо? Что такое сделал Женя?

— Вы не знаете, что такое комильфо? — тоном превосходства спросила Динара Васильевна.— Комильфо — это значит «как надо». Женя, например, сейчас ел с жадностью. Это не комильфо. Я не боюсь этого великосветского слова. Наши дети должны расти без хамства, а школа никакого внимания не обращает на манеры. Женя плохо воспитан. Начнет смеяться, хоть уши затыкай. По улице не ходит, а бежит. Разве это комильфо? Вы видели, какая у него уродливая рука? Говорю, прячь ее в карман — не хочет. А разве это комильфо?

— Женя! Ты опять! — обратилась она к племяннику, увидав, что он полез в вазу за конфетой.

— Ну, знаете, я с вами могу поспорить,— вежливо, но твердо сказала Ирина Андреевна.— То, что требовалось светским людям прошлых веков, что считалось обязательным — так надо,— совсем не нужно нашим детям. Разве может ребенок всегда ходить тихо, медленно и спокойно? Не может и не должен. А почему Женя должен прятать свою руку, если на ней недостает пальцев? Что позорного в этом? Мне

кажется, ему не следовало бы никогда напоминать о его несчастье.

— Мы с вами не сговоримся, наверное,— прервала ее Динара Васильевна.— Вам кажется, что Женя ведет себя хорошо, а я считаю, что плохо. Не так легко воспитывать чужого ребенка. К сожалению, от отца Жени так и нет известий. Придется мне нести на себе этот тяжелый крест.

Березовы понимали, что Жене плохо живется у тетки. Антон Иванович не раз говорил, что он скажет об этом Федору Петровичу откровенно. Но время шло, и, как видно, на такое объяснение у него не хватало духа. Да и то сказать, трудно вмешиваться в жизнь чужой семьи.

Но все-таки объяснение произошло. И первой это объяснение начала Наташа.

Глава 7

В тот год Наташа с бабушкой выехали на дачу ранней весной, когда в лесу и на дачном участке около забора лежал еще снег. Хозяйка дачи ежедневно топила печку, и это было очень приятно. На улице, особенно вечерами, было холодно.

Земля была покрыта серыми прошлогодними листьями. Только ели и сосны стояли зелеными, а в остальном природа еще не одевалась в весенний наряд. На березах, липах и на кустарниках лишь обозначались еле заметные почки. Но с каждым днем почки становились все крупнее и крупнее. Когда из этих почек распустились листья, Наташа не углядела. Встала утром — на березке уже листочки. Маленькие, маленькие! Не углядела и того, как на земле сквозь старую листву вдруг пробилась свежая зеленая травка.

В скворечнице поселились скворцы. Вот труженики! Летают с утра до вечера, без перерыва, носят в свою новую квартиру все, что годится для гнездышка.

Ирина Андреевна работала в школе и на дачу приезжала только в субботу вместе с Антоном Ивановичем. Наташа в Москву не ездила и думала, что до самой осени она не увидит ни Жени, ни Маринки. Когда она уезжала, Женя был болен. И как же она обрадовалась, когда в одно летнее воскресенье Антон Иванович сказал, что они все вместе — он, Наташа и мама — поедут к Жене.

Антон Иванович решил без приглашения поехать к Ванину домой. Федор лежал больной. При последнем полете, когда Ванин испытывал самолет на высоту, ему вдруг стало плохо. Каким-то чудом, а вернее, многолетним опытом, чутьем и отработанным рефлексом летчика-испытателя, ему удалось посадить самолет на аэродром. Но сам он слег после этого в постель. У него обнаружили спазмы мозговых сосудов.

Дача Ванина была огорожена сплошным забором. У калитки был звонок. Наташа от нетерпения подпрыгивала и кричала:

— Женя! Мы приехали.

Им открыла незнакомая женщина, которая работала на огороде.

— Хозяева отдыхают,— сказала она.

— А где Женя? — спросила Ирина Андреевна.

— А он там, кур стережет. — И она показала рукой на какие-то строения.

— Женя! — позвал Антон Иванович, увидав маленькую фигуру мальчика.

Но Женя спрятался и не выходил. Подмигнув Наташе, Антон Иванович громко сказал:

— Ну, если Женя не хочет нас встречать, едем обратно, домой!

Ультиматум подействовал. Показался Женя и медленно, опустив в землю глаза, пошел к ним навстречу.

Березовы были поражены видом мальчика. Женя был грязный, неряшливый, с неподстриженными волосами, в выцветших, рваных трусах. На руках сквозь слой грязи проступали красные цыпки.

— Как живешь, старина? — спросил Антон Иванович, положив руку на плечо Жене.

— Хорошо,— ответил Женя, не поднимая глаз.

Наташа прижалась к матери и с удивлением смотрела на своего друга. Чтобы как-то прервать тягостную встречу, Ирина Андреевна сказала:

— Какой у вас хороший огород! А вот и зеленый горошек! Женя! Угости Наташу!

Женя покосился на дачу. Там, с террасы, спускалась Динара Васильевна. Еще издали она крикнула:

— Прошу проходить сюда. Вы извините, мы никого не ждали.

Увидав рядом с Березовыми Женю, она, собрав губы в гармошку, умиленно проговорила:

— Боже мой! Женя, ну какой ты чумазый! Переоденься сейчас же! Что могут подумать люди! И дяде скажи, чтоб оделся.

Обращаясь снова к Березовым, она сказала:

— Я очень рада, что вы приехали. Федору гораздо лучше стало, но все-таки приятно, когда навещают. Пока они там одеваются, я покажу вам свой огород.

На грядках лежали необыкновенно крупные, продолговатые огурцы и красные помидоры.

— Как вам удается так рано вырастить овощи? — спросила Ирина Андреевна.

— Вы посмотрите на арбузы! Видите, какие уже крупные? Приезжайте в августе, я вас угощу и дынями и арбузами. Я люблю огород и все делаю сама.

Покосившись на женщину, которая работала на грядках, она добавила:

— Разве можно кому доверить! Чуть отойдешь, все не так.

Экскурсия по огороду затягивалась, а из дачи не выходил ни Федор Петрович, ни Женя.

Наташа потянула отца за руку и сказала:

— Поедем домой!

— Скоро поедем,— согласно кивнув головой, сказал ей Антон Иванович.

Динара Васильевна услышала это и запротестовала:

— Что вы, что вы! Разве Федор вас отпустит! Вы посидите на скамеечке, я сейчас пойду. Что-то он задержался.

Через минуту вышел Федор Петрович и после первых приветствий заговорил с Березовым. Ванин стал чувствовать себя уже хорошо, но врачи дали ему понять, что, возможно, запретят на некоторое время полеты. Это очень тревожило его. Он похвалил последнюю машину, потом начался разговор о ее дефектах. Ирина Андреевна и прислонившаяся к ней Наташа сидели и скучали.

Наконец появился умытый и причесанный Женя. На нем были новые сандалии, новые, не стиранные еще короткие штанишки и такая же новая майка. Все новое, непривычное, видимо, стесняло Женю. Он шел медленно и неуверенно.

Появившись следом, Динара Васильевна сказала:

— Женя! Пойди с Наташей в малинник. Угости девочку. Только веток не ломайте.

Женя стоял, опустив голову. Наташа тоже продолжала сидеть, не знала, как ей быть.

Ирина Андреевна выручила:

— И я пойду. Веди нас, Женя...

Она увидела заплаканные Женины глаза и поняла, что переодевание не прошло благополучно.

В малиннике, где на согнувшихся ветвях висели крупные, сочные ягоды, Женя начал быстро рвать и есть ягоду. И по тому, как он с опасением смотрел на дачу, боясь, что за ним наблюдают или вдруг появится тетя, было ясно, что и ягода, которая была здесь в таком изобилии, и горошек — все запретно для Жени. «Из-за жадности или ненависти к мальчику?» — думала Ирина Андреевна.

Пока Ванин и Березов разговаривали, а Ирина Андреевна с ребятами угощались малиной, сама Динара Васильевна с невероятной быстротой накрыла стол. И, как всегда, выставила такое угощение, что невозможно было не соблазниться. Настроение у Антона Ивановича было превосходное. Ему было приятно, что Ванин похвалил новую машину, в которую Березов вложил много сил. Он усадил рядом с собой детей — по одну сторону Женю, по другую Наташу,— накладывал в их тарелки угощение: ветчину, икорку, грибки, свежие огурчики.

Осетинская лирика

Цветы Осетии

Борис МУРТАЗОВ

Для доброй встречи с москвичами
Везем цветы. Должны они
Гореть, как факелы, ночами,
Стать солнцем в пасмурные дни.

Мы вышли в горы на рассвете
И, по сырой траве скользя,
Лугов альпийских многоцветье
Для вас собрали мы, друзья.

В лучистой чашечке бутона
Дыханье снеговых громад,
Долин седого Иристона[1]
Неповторимый аромат.

Пусть наше солнечное лето
Заглянет в окна москвичей!
Цветы для жаркой встречи этой
Вспоил любви живой ручей!

Перевели с осетинского
Ю. Даниэль и Ю. Хазанов.

[1] Иристон — Осетия.

Мой аул

Георгий КАЙТУКОВ

Где тучи раздвигает гор громада,
Где узловатой речки слышен гул,
Где бурка чабана и волны стада,
Аул мой приютился...
Мой аул!

Не любят там ни хитрости,
ни злости,
Хотя в труде и помогает злость.
Там и сейчас не отпускают гостя,
Как только по душе придется
гость.

Там хороши черника и брусника,
Там звонкая прохлада родников.
Там башни предков высятся —
взгляни-ка! —
Окаменелой стражею веков.

Там ветры времени шлифуют
камень,
Там люди крепче каменной горы:
Столетних не считают стариками,
Они на зависть кой-кому бодры.

Забуду ли, как здесь,
в родном ауле,
«Расти, сынок!» —
мне напевала мать.
А вырос—песни душу захлестнули.
О земляках я стал стихи слагать.

Родной аул, он крепко
впаян в горы,
У всех окрестных жителей в чести.
Он видится мне путником,
который
Отлично знает путь
И цель пути.

Перевел с осетинского
Лев Озеров.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКАЯ ДЕКАДА В МОСКВЕ

«Вестник» — скульптура Чермена Дзанагова.

Женя сиял от счастья. Временами он вскидывал глаза на тетю. Как она? Но Динара Васильевна как будто и не замечала его.

Давно уже Женю не сажали за общий стол, да еще при гостях, и он боялся сделать какую-нибудь оплошность. Но время шло, и Женя, успокоившись, громко рассмеялся, когда дядя Антон рассказывал, как заика выступал у них на собрании.

В разгар такого веселья он вдруг услышал:

— Женя! Это не комильфо! Иди погуляй!

Что, что он сделал? Он же не виноват, что дядя Антон так смешно представляет. Сейчас она его выгоняет из-за стола, позорит перед Наташей, перед всеми! Нет, он не уйдет!

— Женя! Что я сказала?!

Женя встал и, сутулясь, вышел из комнаты. И все видели, что он заплакал.

— В чем дело? — спросил огорошенный Антон Иванович.— В чем он провинился?

И тут случилось то, чего никто не ожидал. Наташа бросила вилку на пол и крикнула:

— Хочу домой! Она злая, Женю мучает. Это потому, что он не сын ей, а пленник! Папка, поедем домой!

И зарыдала.

Березов встал из-за стола. Зло и резко он бросил:

— Спасибо за угощение!

Секунду спустя он добавил:

— Отдали бы вы мальчика в суворовское. Могу помочь в устройстве. У него все основания быть туда принятым.

Ни Федор Петрович, ни Динара Васильевна не вышли провожать Березовых. Не показался им и Женя.

В машине, обнимая притихшую дочку, Антон Иванович говорил:

— Молодец! Нельзя угощаться там, где унижают человеческое достоинство. Дала нам хороший урок храбрости и искренности.— Потом улыбнулся и добавил: — И насчет пленника правильно! Не племянник, а пленник он ее!

На второй день Федор Петрович приехал к Березову на завод.

— Женя у вас? — спросил он Антона Ивановича.

— Что ты! Почему он должен быть у нас?

— Сбежал куда-то мальчишка,— опускаясь на стул, сказал Ванин.— Ты, Антон, наверное, меня осуждаешь? Может, я действительно виноват. Но ты же знаешь мою жену, ее трудно переспорить. Сколько я вытерпел скандалов! А что ей докажешь? Говорю: зачем держишь парнишку в пастухах, около кур? «К труду приучаю»,— отвечает. Почему не выпускаешь гулять к товарищам? «Избалуется»,— говорит. Почему он всегда в рваном ходит и грязный? «На нем все горит,— и он неряха! Пусть приучается ценить вещи». Ну, и Женя виноват. Понимаешь, воровать стал. Сам мне признавался: то в кастрюлю залезет, то в банку с вареньем. Мелочи, конечно, а все-таки нехорошо. Тетку он ненавидит. Подчиняется только потому, что боится ее.

Федор Петрович стиснул голову руками.

— Измучился я с ними! Хоть из дому беги. А куда теперь бежать? Заново жизнь устраивать? Не выйдет это у меня.

Ванин встал.

— Я поеду. Придется заявлять в милицию. Надо разыскать Женю. А там что-нибудь придумаю.

Когда дома за обедом Антон Иванович рассказал о разговоре с Федором Петровичем и добавил, что ему жалко Ванина, попал, дескать,

С музыкально-драматическим театром Северной Осетии уже знакомы москвичи. Не так давно они рукоплескали превосходному Отелло — Тхапсаеву. В этот приезд народный артист В. Тхапсаев покажет свою последнюю работу — короля Лира Шекспира.

Далеко за пределами республики известен Северо-осетинский ансамбль песни и танца.

Его танцевальная группа — лауреат VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Недавно с блеском прошли ее гастроли по стране.

Писатель Максим Цагараев на Садонских рудниках беседует с шахтерами. Их жизни и труду он посвящает свою последнюю книгу.

Фото М. Демиховского.

человек в переплет, Екатерина Павловна фыркнула сердито:

— Нашел кого жалеть! Слякоть он, клецка в бульоне! Да и кожа стала толстой. Недаром говорят: молод и сам знал голод, а отъелся — позабыл. Ты его жалеешь, а я вас. Отомстит вам эта Динара-Авдотья за то, что вы вмешиваетесь в их дела. Собака палку помнит!

— А что она нам может сделать? — поднимая брови, сказал Антон Иванович и осекся. Он вспомнил, что в минуту откровенности рассказал Ванину о Наташе. Но тут же успокоил себя. Федор — человек честный и не сделает подлости. Надо еще раз предупредить его.

После болезни Ванина не допустили к летной работе. Он получил назначение в аппарат министерства. С тех пор исчез прямой контакт в работе Березова и Ванина. Разговор по поводу Жени, видимо, оставил у обоих тяжелый осадок, и, встречаясь в министерстве или на конференциях, Березов и Ванин говорили только о делах. Лишь однажды Ванин сказал, что Женю приняли в суворовское училище.

Ирина Андреевна встречалась изредка с Динарой Васильевной на улице. Они молча кивали друг другу головой, но Ирина Андреевна успевала поймать на себе недружелюбный взгляд.

Женя уехал в суворовское училище, не попрощавшись с Березовыми. Но Наташу в ту пору захлестнули очень важные события.

Откроем новую страницу семейного альбома!

Глава 8

1 сентября! Впервые в школу, впервые за парту, первые буквы, первые учебники! Новая, интересная, большая жизнь!

Задолго до этого торжественного дня готовилась форма с парадным и каждодневным фартуком. Горячо обсуждались цвет и ширина бантов для Наташиных кос. Антон Иванович вместе с Наташей пересмотрел десятки портфелей, прежде чем остановиться на одном и купить его. А туфли? А тетради, пенал, ручка? Сколько хлопот!

И вот он наступил, этот долгожданный день. Березовы проснулись очень рано. Ирина Андреевна одевала Наташу, сама торопилась одеться, чтоб не опоздать в школу. Антон Иванович забрался в ванну заряжать фотоаппарат. Екатерина Павловна сердилась, что все задерживаются с завтраком.

Фотопродукция этого дня щедро представлена в альбоме. Вот Наташа в школьной форме с белым парадным фартуком. В руках букет цветов. Вот она с бабушкой — букет в руках бабушки, а Наташа держит новый портфель. Вот она с новой подругой — это когда первоклассников выстроили парами. Но разве фотография может передать всю праздничную прелесть этого дня?

Утро выдалось яркое, солнечное. Солнце щедро рассыпало свои блики. Они светятся на новых, впервые надетых туфельках, на новых, скрипящих портфелях; они сверкают в лепестках осенних цветов, собранных в большие букеты, которые несли школьники. Но самый яркий блеск излучают веселые, счастливые глаза школьников. Наташа была так хороша в это утро, что Антон Иванович не мог оторвать от нее глаз!

Впервые в этот год Березов увидел праздничное утро 1 сентября. Как помолодела улица! На ней происходило настоящее торжественное шествие юности на годичную вахту. Старшие школьники шли парами и группами.

Они весело переговаривались, заразительно смеялись. Малыши робели, крепко держались за руки старших.

Вот и школа — новое четырехэтажное здание с большими, чистыми окнами. Пришкольный участок, огороженный с улицы каменной оградой, засажен молодыми деревьями, разбит на клумбы, где в полном цвету астры и флоксы. Но сейчас на физкультурной площадке, где собрались школьники, больше цветов и ярче краски.

По улицам шли мальчики и девочки вместе, но около школы общий поток разбился на два русла — мальчики пошли дальше, к другой школе, девочки оставались здесь. Почему-то разъединили с детства людей, которым всю жизнь предстояло жить вместе — на одной улице, в одном доме, в одной квартире и потом вместе всю жизнь.

Звенят детские голоса, гудят родительские группы, громко призывают к порядку воспитатели. Шум и гул затихают, когда на импровизированную трибуну поднимается директор школы. Она поздравляет школьниц с началом учебного года, приветствует новичков — первоклассниц, будущих героев труда — рабочих, инженеров, врачей, педагогов. Их она просит первыми войти в школу.

Обремененные букетами и портфелями, нестройно двинулись будущие героини. Они шли по коридору, сопровождаемые родителями. Кто-то в последний момент решил не расставаться с мамой, кто-то уронил носовой платок. Но все на ходу исправлялось. Вот уже двинулись вторые и третьи классы, родители отступили в сторону. Потом зашагали старшие, и физкультурная площадка опустела.

Через два часа Наташа, захлебываясь от волнения и радости, рассказывала бабушке, какие хорошие девочки у нее в классе, какая хорошая и добрая учительница и как легко учиться. Ее, Наташу, уже спрашивали о том, умеет ли она читать и до скольких считает.

— А я сразу сказала: раз, два, три, четыре, шесть, семь, восемь. А учительница сказала: «Молодец, садись!»

С этого года Наташа стала критически относиться к правописанию бабушки. Екатерина Павловна не признавала ни знаков препинания, ни заглавных букв и, конечно, никаких правил орфографии. Более того, она часто сливала вместе слова так, что иная строка писалась целиком, как одно слово. Напишет бабушка письмо сыну в Бердянск или дочери в Алма-Ату — Наташа посмотрит и удивляется:

— Бабуся! Ну так же нельзя! Они ничего не поймут и не прочитают.

С того же года, если папа уезжал в командировку или в санаторий, Наташа сама писала ему письма и вкладывала в мамин конверт. Из этих писем Антон Иванович получал полезные сведения о том, что «У Иры шар», «У кошки лапы», «У мышки корка», и решительные утверждения: «Мы за мир!», «Нам не нужна война!».

Несколько последующих страниц альбома заняты фотографиями Наташи в компании школьных подруг — около школы, на улице, во дворе и, наконец, на елке у Березовых. Девочки, одни девочки!

Но вдруг неожиданная фотография — Наташа рядом с суворовцем. Снимок маленький, неважный, но кто же не знает, что рядом с Наташей Женя?! Он приехал тогда на первые свои каникулы и зашел к Березовым. Ну, разумеется, Антон Иванович запечатлел это событие.

* * *

А что это за фотография? Наша героиня сидит покрытая платочком, грустная, худенькая. Это Наташа после очередной болезни. Как много и трудно болела девочка! Ни одна детская болезнь ее не миновала, и почти каждая давала осложнения.

Когда Наташа заболевала, к ее кроватке придвигалось кресло, и начиналось круглосуточное дежурство Ирины Андреевны и Екатерины Павловны.

Болела Наташа много, но росла она в общем-то спокойно. Конечно, не все шло гладко. Наташа бывала резкой и дерзкой, частенько капризничала, особенно во время болезни. Она не любила лекарств, зубных врачей, рыбьего жира — да мало ли бывало такого, что сердило и волновало мать! Но что радовало Ирину Андреевну — это открытый характер Наташи.

Ирина Андреевна много лет работала в школе и не только преподавала историю, но почти каждый год вела какой-нибудь класс, была классным руководителем. Перед ее глазами прошли сотни различных людей с индивидуальными характерами. В классе сидят как будто однолетки — в них много общего, свойственного возрасту, но все они различны. Один застенчив, другой развязен, один молчалив, другой слишком болтлив, тот внимательный, сосредоточенный, а этот рассеянный, мечтательный. Одному достаточно сделать маленькое замечание, и он зальется краской смущения. Другого выгони с урока в коридор—он чувствует себя героем. С детьми работать трудно, к каждому нужен особый подход.

Но самыми трудными всегда бывали дети замкнутые, скрытные. Понять таких детей нелегко, еще труднее найти ключ к их сердцам. Очень часто они ускользают от влияния не только педагогов, но и родителей. И бывает, что взрослые слишком поздно узнают о некрасивых поступках или даже проступках своих детей.

Ирина Андреевна хорошо понимала, какое счастье иметь дочь с открытым характером, с открытой душой — правдивую, доверчивую и откровенную. Если Наташа чем-то недовольна — скажет сразу. Не выполнит поручение матери — признается, объяснит, почему. Не сделает уроков — не надеется, что, «авось, пронесет», а скажет учителю в начале занятий. Это облегчало жизнь и девочки и тем, кто с ней жил и дружил. Больше того, эта черта характера делала обаятельной и внешность Наташи. В самом деле, почему так красивы ее глаза, что все на них обращают внимание? Ничего выдающегося в цвете карих глаз или в их форме не было. Прелесть этих глаз была в том, что в них отражалось и светилось то хорошее, доброе, искреннее и ласковое, что жило в душе девочки. Казалось, что она вся светится. Будь у Наташи скрытный характер, научись она обманывать — исчезла бы ее прелесть.

* * *

Новая страничка альбома открывается любопытным снимком. Это что за маскарад? Наташа и Маринка стоят обвешанные кастрюлями, сковородками. В руках то ли палочки, то ли ложки. Обе весело смеются. Что за фотография?

Оказывается, девочки собирали по квартирам металлолом. Маринка — первая общественница и в школе и дома. Ни одно мероприятие не обходится без нее. Она помогает сажать цветы в маленьком сквере двора и ухаживать за ними, читает лифтерам газеты и детские книги; случись собрание жильцов — Маринка бегает по квартирам, всех созывает. А уж если объявлен сбор газет или металлолома, раньше всех обежит квартиры и выпросит даже новую кастрюлю. Маринку знают все жильцы громадного, многоэтажного дома. Частичка славы перепадает и Наташе. Ее иногда спрашивают:

— Это ты была у нас с Маринкой?

Однажды какой-то военный сказал:

— А где твоя подружка? Быть ей делегаткой Всемирного конгресса женщин!

Наташа вместе с Маринкой бегает по всем делам, но переговоры ведет Маринка, вся инициатива за ней. Уж если Наташа одна или с другой девочкой,— тогда ничего не поделаешь. Приходится и самой проявлять настойчивость. И оказывается, что Наташа Березова умеет выполнять порученное дело.

Вот посмотрите этот снимок. Наташа, в белой блузке с пионерским галстуком, стоит около стенной газеты с крупным заголовком «Дружные ребята». Это Наташа в пионерском лагере, и стенная газета имеет к ней прямое отношение: она является членом редколлегии этой газеты.

— Наташа — член редколлегии! — восторгался Антон Иванович.— Подумать только!

Член редколлегии всеми уважаемой газеты «Дружные ребята» присылала в ту пору такие письма:

«Дорогие папа, мама и бабушка!

У нас был костер. На костре мы пели, танцевали, говорили стихи. У нас была большая гроза. У нас был концерт. Мы играли в военную игру. Когда читали, кто хорошо себя ведет, меня прочитали. Я вешу 31 800. Привезите конфеты. Наш отряд выпустил новую газету. Я там писала про то, какие у мальчиков грязные руки и ноги. В футбол мы проиграли 3 : 2. Привезите конфет побольше. К нам приезжали китайцы. Мы им показывали торжлинейку. Купите конфеты раковые шейки и снежинки. А бабушка пусть пришлет коржики.

До свидания. Наташа».

* * *

Наташа с гитарой?! Да, да. Наташа играет, вернее, аккомпанирует себе на гитаре. В раннем детстве казалось, что у Наташи нет ни голоса, ни слуха. Но потом Ирина Андреевна заметила, что Наташа моментально запоминает услышанные по радио песни и напевает. Голосок небольшой, но приятный, грудной.

Березовым хотелось, чтобы Наташа играла на пианино. Некоторое время приходила домой учительница музыки. Но никаких успехов в музыке Наташа не делала и занималась неохотно. И вдруг попросила купить ей гитару. Оказалось, что она немножко уже играет. От Маринки научилась. И поет под гитару. Наташа поет множество песен: русские народные, испанские, кубинские — все, что слышит по радио или от подружек. И специально для матери и бабушки поет старинные русские романсы:

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

У песни свой смысл, свое настроение, но Ирина Андреевна, слушая ее, почему-то вспоминает Ленинград после блокады, худенькую девочку в яслях, ее неловкую, шаркающую походку, когда она шла по платформе Ленинградского вокзала. И встречу Наташи с Антоном Ивановичем вот здесь, в этой комнате, где тогда стояла детская кроватка.

И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

А бабушка почему-то плачет, когда Наташа поет эту песню. Почему льются слезы? Старая, слабая стала. Ну что это за жизнь?! Для работы нет сил. Сходить бы в гости к знакомым... Нет, лучше полежать. Жить стало скучно. Вот только сны веселые. Во сне она чаще всего молодая — куда-то бежит, пляшет, песни поет. Какие-то парни обнимают ее, целуют. Сны снятся молодые, хорошие сны. А проснется, то в груди болит, то ноги ломит, то головы от подушки не поднять. Радость только в ней, в Наташеньке. Ведь сколько внуков и внучек у Екатерины Павловны — а больше всего она любит Наташу! Ласточка ты моя певучая, сиротинушка пригретая! Скрасила ты мою старость!

* * *

Страница за страницей семейного альбома — все старше, взрослее становится Наташа. Все шире круг ее друзей. С тех пор, как введено совместное обучение, на групповых фотографиях появились школьные друзья-мальчики.

Вот уже конец альбома, его последняя страница. Тут мы видим Наташу, снятую в рост около белого ствола березы. Это уже не девочка, не подросток, а веселая, задорная девушка. И если вернуться к первой странице альбома и посмотреть на девочку с большими грустными глазами, то не поверишь, что такой была когда-то Наташа.

Но если возвращаться к первым страницам да сравнивать, грустно становится. Как изменилась Ирина Андреевна! Располнела, поседела. Нет пышной короны на голове. Поредевшие волосы лежат гладко. Меньше всех изменился Антон Иванович. Но и он уже не тот. Смотрите, сколько морщин на лице!

Наташа, единственная дочка, юная, неопытная, стояла на пороге жизни. А к родителям надвигалась старость, беспокоили болезни и недуги. Теперь, как никогда, им нужен покой, чтобы не просто жить, а продолжать работать.

И вдруг нависла над семьей гроза.

Окончание следует.

Вале Банновой только девятнадцать лет. Но скоро появятся федоскинские шкатулки, расписанные ее рукой.

Живопись на футлярах авторучек мастера В. Н. Тулаева: «Иван Сусанин» и «За власть Советов».

Фото Б. КУЗЬМИНА.

АРХИВЫ РАСКРЫВАЮТ НЕИЗВЕСТНОЕ

К 100-летию со дня рождения Л. Радина

В начале 1898 года из ворот Бутырской тюрьмы выходила партия политических, отправляемая в ссылку. Едва лишь первые ряды ступили на мостовую, зазвучала революционная песня «Смело, товарищи, в ногу».

Автором этой любимой песни рабочего класса России был Леонид Петрович Радин.

Биографические сведения о поэте-революционере скудны и отрывочны. До сих пор не были известны точно дата и место его рождения.

Недавно нам удалось обнаружить в Центральном государственном историческом архиве в Москве следственное дело департамента полиции о Л. П. Радине.

В протоколе допроса указано, что обвиняемый родился в семье купца в городе Раненбурге 8 (20 по новому стилю) августа 1860 года. Учился он в московской гимназии. В 1884 году его зачислили в Петербургский университет. Человек выдающихся способностей, Л. П. Радин был любимым учеником и сотрудником Д. И. Менделеева. Окончив в 1889 году университет, он пошел «в народ» — стал сельским учителем.

В дальнейшем Л. П. Радин соединяет свою судьбу с русским социал-демократическим движением. Перейдя на положение профессионального революционера, он отдает свой талант делу пропаганды политических знаний среди рабочих.

Л. Радин написал книгу «Простое слово о мудреной науке (Начатки химии)», в которую очень искусно ввел марксистские положения об устройстве общества.

Исключительную роль сыграл он в организации печатания нелегальных изданий. В начале 90-х годов эти издания печатались на гектографе тиражом всего в 50—75 экземпляров.

В 1894 году в московском магазине Блока появились в продаже мимеографы, на которых можно было получать до десяти тысяч оттисков. Однако революционеры не могли приобрести этих аппаратов главным образом потому, что их продажу контролировала полиция. Выход из положения отыскал Л. П. Радин.

Однажды в магазин Блока зашли пятеро хорошо одетых людей. Как бы случайно, они заинтересовались мимеографом. Польщенный хозяин стал любезно объяснять устройство и работу аппарата. Это только и нужно было Радину и его спутникам.

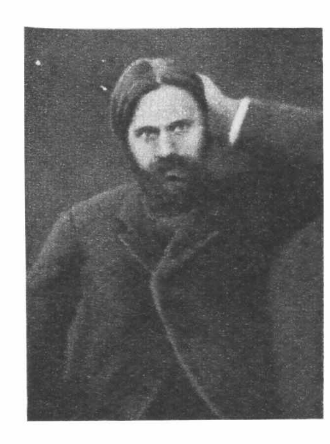
Леонид Петрович незаметно «снял» размеры некоторых внутренних частей механизма, а товарищи ловко рассовали по карманам куски мимеографической краски, образцы парафиновой бумаги, на которой печатались издания, свеженапечатанные оттиски.

Мимеограф был изготовлен Л. П. Радиным с помощью товарищей в конце 1894 года. На нем печатались «Эрфуртская программа», брошюра «Московские стачки» и другие книги, прокламации, воззвания.

Организатор «техники» революционного подполья, Л. П. Радин был деятельным пропагандистом в рядах Московского рабочего союза.

11 ноября 1896 года последовал арест. Более года просидел тяжелобольной Радин в сырой, темной одиночке Таганской тюрьмы. Здесь в 1897 году он написал песню «Смело, товарищи, в ногу».

Его сослали в Вятскую губернию, в город Яранск, несмотря на обострившийся туберкулезный процесс. Хотя силы угасали, Л. П. Радин в ссылке (вместе с И. Ф. Дубровинским) перевел работы К. Каутского «Анти-Бернштейн», «Аграрный вопрос» и другие. Он много занимался естественнонаучными проблемами, в частности оригинальной космологической гипотезой. Не оставлял Леонид Петрович и поэзии. Еще по дороге в ссылку написал стихотворение «Снова я слышу

родную «Лучину»...» Весной 1900 года он обратился к своим соратникам с поэтическим завещанием: «Смелей, друзья, идем вперед...». Оно заканчивалось пророческими словами:

И зреет молодая рать
В немой тиши зловещей
ночи.
Она созреет... И тогда
Стряхнув, как сон, свои
оковы,
Под красным знаменем
труда
Проснется Русь для жизни
новой!

В начале 1900 года, убедившись в безнадежном состоянии Радина, полиция разрешила ему выехать на лечение. 16 марта 1900 года, на третий день по прибытии в Ялту, он скончался.

Так безвременно сошел в могилу этот мужественный революционер, ученый и поэт, человек редкой душевной красоты. До нас не дошли его научные и литературные рукописи.

«Придет время,— писал В. Д. Бонч-Бруевич много лет назад,— когда российский, и особенно московский, пролетариат торжественно почтит память этого своего первоучителя, друга, верного товарища и примерного труженика на поле всероссийской пролетарской революции».

А. Я. ЧЕРНЯК,
кандидат исторических наук, главный библиограф Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина

ЖИВОЕ ВРЕМЯ, ВЕСЬ Я ТВОЙ...

Удача, всегдашний спутник Павла Балуева, на этот раз споткнулась на полдороге. Шла и не дошла... Нелепая авария — и вот замерла жизнь на всем участке газопровода, заглохли бульдозеры, уныло повисли хоботы землеснарядов. Разбредаются с дамбы заезжие корреспонденты и фотографы, тускнеют лица друзей... А где же сам он, седовласый, коренастый и широкий в плечах человек с величественным тяжеловесным лицом? Где Павел Гаврилович, «скала-мужик», человек, накопивший «в себе железа до конца жизни»?

И в этот момент, когда неудача придавила плечи героя, знакомит нас с ним В. Кожевников: «Знакомьтесь, Балуев». Вся повесть по резкости столкновений с героем в поворотные минуты его жизни, по драматизму и стремительности узнавания, обнаженности характеристик — словно серия знакомств, встреч с этим человеком, его раздумьями и волнениями. В. Кожевников избегает предуведомлений, подсказок о герое, не дает присмотреться издали к нему,— он «бросает» читателя навстречу Балуеву и его делу. Это увлекает, ошеломляет, тем более, что характер Балуева действительно богатейший и глубоко самобытный.

...Вот он, молодой деревенский парень-грабарь, на стройке первой пятилетки, ударник, смотрит на мир с доски почета... Мысль Балуева оживила и другой образ — погибшего солдата Егорова, прикрывшего его на фронте своим телом: «Нет Егорова. Но осталось что-то в сердце и повелительно командует в те мгновения, когда наступает душевная усталость, когда становится очень трудно и тянет словчить, отойти в сторонку, вывернуться...»

Балуев оглядывается на прожитое и с радостью обнаруживает, что жизнь его была просторной для подвигов и великих дел, впитала в себя частицу нашего времени, дух созидания и коллективизма. «Вот это счастье: верить и творить...» В. Кожевников сумел повернуть шероховатый кристалл балуевского характера главной гранью — раскрыть нерасторжимую связь героя и народа. Балуев выразил общий порыв к коммунистическому будущему, радость жизни на высоких скоростях нашего времени. В нем, в этом характере, засветилось многое из будущего, преломился и гагановский светлый поступок и «великий почин» бригад коммунистического труда. Все они могут повторить:

Да, весь я твой, живое
время, весь
До глуби сердца, до
предсмертной мысли...

Ах, это сердце... Балуев и не заметил, как проскочил мимо среднего своего возраста, и вот уже иной раз раздираешь рубаху, обжигающим холодом стараешься унять спазмы незаменимого сердца. Но иной жизни, чем та, которой он живет, Балуев не мыслит.

Правда, В. Кожевников во многом конспективно обрисовал жизнь всего коллектива газопроводчиков; видны только те, на кого падает свет от Балуева. Даже интересный образ жены Балуева, Дуси, играет как бы служебную роль: он повод для «знакомства» с какими-то сторонами балуевского характера, которые не «проявлены» в производственной сфере. К тому же писатель временами становится в роли комментатора между героем и читателем: «Значит, как видите, Балуев не свободен от отдельных недостатков». Зачем это в талантливой повести?

За горизонтом книги продолжается путь живых Балуевых. К ним обращена повесть, и Балуев В. Кожевникова со своими радостями и муками будет им добрым знакомым.

В. ЧАЛМАЕВ

В. Кожевников. Знакомьтесь, Балуев. «Знамя». 1960, №№ 4—5.

ТВОРЦЫ ПРЕКРАСНОГО

— Давно это было, в начале прошлого столетия. Приехал русский барин в Париж, все церкви старинные, музеи обегал, во всех кабачках знаменитых побывал. А как ехать домой собрался, накупил разных памятных дорогих вещичек: табакерочек, ларчиков. Всю дорогу языком цокал, попутчикам хвалился: «Какой рисунок! Какая тонкая французская работа! Где нашим!» А один сосед возьми раскрой табакерочку и посмотри, что там внутри. «Э,— говорит,— да эту табакерочку в России делали, вот и надпись: фабрика господ Лукутиных». Наш барин так и ахнул: опростоволосился, оплошал!

Эту историю мне рассказывает художник Федоскинской артели и ее добровольный историограф Михаил Чижов.

— Да,— продолжает Чижов свой рассказ,— лукутинские мастера великолепные миниатюры делали. Каждая линия в их рисунке поет. А как писали: умели увязать живопись с своеобразной формой каждой вещи... Ведь это большого вкуса требует, культуры. Лукутинские же художники школ и училищ не кончали! Приходил ученик, подсаживали его к мастеру. Пусть смотрит, вникает в художество... В 1910 году организовалась наша артель. Смелый был по тому времени шаг. Ушли мастера от фабрикантов и стали работать самостоятельно. Такие имена, как Кругликов, Семенов, Бородкин — имена первых самых талантливых артельцев,— стали широко известны. Наверное, видели знаменитые кругликовские тройки? О каждой поэму можно написать!..

— Чем живут, чем дышат сегодняшние мастера Федоскина?

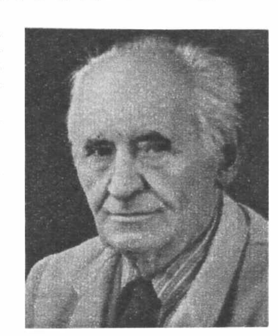
На этот вопрос мне уже отвечает художник Михаил Пашинин:

— Мне кажется, Федоскино только теперь и начинается. И дело не в том, что в артели сейчас работают сто пятьдесят художников и их профессиональная подготовка намного выше, чем у ведущих мастеров прошлого; что есть специальная школа, где обучается одаренная молодежь сложному искусству миниатюрной живописи. Это не главное. Важно, что федоскинские художники не копируют теперь образцы станковой живописи, как зачастую раньше. Они творят, создают собственную композицию, ищут возможности в маленьком рисунке, который украсит шкатулку, пудреницу, туалетную коробочку, по-своему отобразить современность. Каждый из нас экспериментирует, думает, ошибается, пробует снова и снова. Как сейчас следует писать нам? В той ли классической манере, которая свойственна федоскинской миниатюре прошлого, или в стиле современной живописи? Конечно, речь идет не о подражательстве. У прикладного искусства свои законы, свои традиции; свои пути должны быть и в будущем. И мы их найдем.

Л. ОСИПОВА.

ПАРТИЙНЫЙ ЛИТЕРАТОР

В формировании первого поколения советских писателей огромную роль сыграли литераторы-большевики. В плеяде писателей-революционеров, возглавляемой А. М. Горьким, А. В. Луначарским, А. С. Серафимовичем, Демьяном Бедным, достойное место занимает Владимир Матвеевич Бахметьев, семидесятипятилетие которого отметила советская общественность.

В. М. Бахметьев.

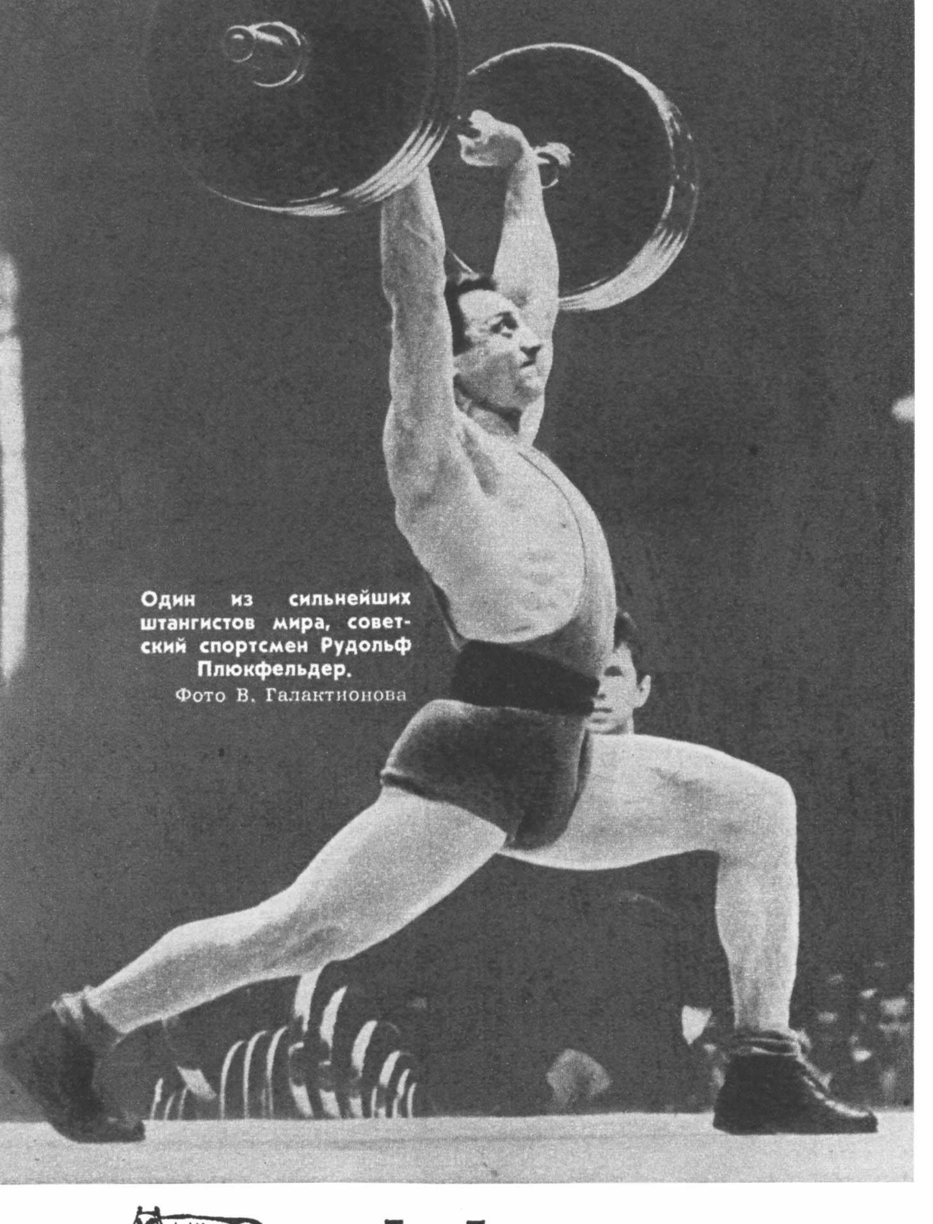
В. М. Бахметьев родился в городе Землянске, Воронежской губернии, в семье бедняка. После окончания уездного училища работал в земской управе. В 1905 году вместе со своей женой М. Ф. Ильиной-Бахметьевой, машинисткой управы, он выпускал на гектографе подпольный журнал «Красный лапоть». В 1908 году В. Бахметьева арестовали и сослали в Сибирь.

После Февральской революции 1917 года В. Бахметьев активно работал в Томском комитете партии и губисполкоме, одновременно редактировал партийную газету «Сибирский рабочий». После Октябрьской революции к этим обязанностям прибавилась новая: В. Бахметьев стал комиссаром по народному просвещению Западной Сибири. Как делегат X съезда партии, В. Бахметьев был принят В. И. Лениным, и эта беседа сыграла огромную роль в его дальнейшей деятельности.

В. Бахметьев написал произведения, вошедшие в золотой фонд советской литературы: «Преступление Мартына», «Корни», «Тень в пламени», «Беспокойный», «Наступление».

Владимир Матвеевич очень дорожит выданным ему тридцать восемь лет назад билетом почетного комсомольца Рогожско-Симоновского района МК ВЛКСМ. Он до сих пор не порывает связи с комсомольскими организациями. В этом ничего нет удивительного, ибо В. М. Бахметьев в дни своего семидесятипятилетия продолжает оставаться таким же юным по духу, боевым партийным литератором, каким он был на заре революции.

Николай РАВИЧ

Один из сильнейших штангистов мира, советский спортсмен Рудольф Плюкфельдер.
Фото В. Галактионова

На олимпийском п

Перед новой встречей на олимпийском помосте штангистов СССР и США в Риме нам вспоминается беседа с президентом Федерации гиревого спорта США Кларенсом Джонсоном в Милане, в «Палаццо дель Гиаччио», где в начале мая проходил европейский чемпионат штангистов. Американец, приехавший туда в качестве наблюдателя, сказал: «Вы, наверное, хотите завоевать в Риме четыре золотые медали. Не буду скрывать, такую же цель ставим и мы.— И, немного подумав, добавил:— Без четырех медалей нам возвращаться нельзя».

Решительное настроение президента нетрудно понять. С последнего чемпионата мира американцы увезли только одну золотую медаль, и любители тяжелой атлетики США встретили это известие тем, что создали новое общество гиревого спорта, во главе которого встал прославленный штангист, чемпион XV Олимпийских игр Норберт Шеманский. Сторонники Шеманского обвинили Джонсона в переходе американской тяжелой атлетики в третьестепенный разряд. «С многотысячным тяжелоатлетическим движением СССР, Польши, Китайской Народной Республики,— заявил Шеманский,— нельзя конкурировать, опираясь на горстку хотя бы и первоклассных спортсменов».

И все же несмотря на то, что из 56 золотых медалей, которые были разыграны на олимпиадах и мировых чемпионатах за последние восемь лет, 53 находятся в СССР и США, в Риме ожидается напряженная борьба со штангистами многих других стран. Уже в легчайшем весе советским спортсменам Владимиру Стогову или Степану Ульянову и американцу Чарльзу Винчи придется выдержать натиск штангиста из Токио Иосинобу Миякэ. Японский студент повторил выдающийся результат Стогова — 345 килограммов, после чего четырехкратный чемпион мира Стогов и заявил во всеуслышание: «Лавры в Риме достанутся тому, кто наберет 350 килограммов».

Американские штангисты значительно увереннее чувствуют себя в полулегком весе, где все в один голос прочат медаль Исааку Бергеру. Поразительно одно из последних достижений маленького американского силача. При весе в 61 килограмм Бергер выжал штангу весом в 124 килограмма. А что такое жим? По-английски его образно называют «прессом». Только силой мускулов рук атлет создает давление в десятки атмосфер на штангу. «Надеюсь в Риме поднять в сумме трех движений не меньше 380 килограммов и выиграть золотую медаль,— заявил Бергер и добавил: — Мне везет по четным годам. В 1956 году я стал олимпийским чемпионом, в 1958 году — чемпионом мира, думаю, 1960 год не будет исключением».

Еще более единодушны специалисты, когда они кладут на чашу весов шансы средневесов. Канадский журнал «Масл Билдэр» разрешил своему обозревателю поспорить с любым человеком на любую сумму денег, что победит советский штангист Рудольф Плюкфельдер. Оплату гарантирует журнал. Но пока охотников на такое пари не находится, да и вряд ли они найдутся. В июньском номере того же журнала можно прочитать следующее: «Выдающимся штангистом 1959 года признан Рудольф Плюкфельдер. Он захватил воображение каждого энтузиаста тяжелой атлетики, первым перешагнув в истории состязаний средневесов мифический барьер в одну тысячу фунтов (имеется в виду результат Плюкфельдера в Варшаве — 457,5 килограмма). Раньше считалось, что это под силу только избранным полутяжеловесам и тяжеловесам. Советский атлет показал бриллиантовую, отполированную технику, а его мировой рекорд в рывке был одним из самых изумительных спортивных событий, которые я имел счастье наблюдать,— писал видный специалист Чарльз Костер.— Никогда такие колоссальные тяжелоатлетические подвиги не были совершены ни одним штангистом, ни в одной весовой категории за такой короткий отрезок времени».

Сибирского шахтера Плюкфельдера пытаются догнать американец Джим Джордж, поляк Иренуш Полинский и француз Марсель Потерни, но разрыв между ними и лидером велик — около 20 килограммов. А единственный штангист, который мог бы бороться с Плюкфельдером — москвич Трофим Ломакин,— «перекочевал» в полутяжелую категорию.

«Гора с горой не сходится, а Ломакин с Воробьевым опять сошлись»,— шутили штангисты на чемпионате страны в Ленинграде.

Дважды судьба сводила больших друзей и непримиримых соперников на мировом помосте. Олимпийские игры в Хельсинки выиграл Ломакин, чемпионат мира в Стокгольме — Воробьев. Пять лет безраздельно господствовал свердловчанин Аркадий Воробьев в полутяжелом весе, но в прошлом году он неожиданно уступил пальму первенства молодому негру из Англии Луису Мартину. И вот в то время, когда в зарубежной печати все чаще и чаще стали упоминаться имена Виталия Двигуна, Луиса Мартина, американцев Клайда Эмрича и Давида Шеппарда как первых претендентов на золотую медаль в полутяжелом весе, вновь заставил вспомнить о себе тридцатишестилетний ветеран, офицер Советской Армии Трофим Ломакин.

В Ленинграде он доказал, что в его пороховнице еще достаточно пороха. Ломакин закончил соревнование, подняв в сумме троеборья 457,5 килограмма, и стал чемпионом страны. Но и Аркадий Воробьев уступил победителю всего лишь 2,5 килограмма и доказал, что он также готов к Риму.

Кто же будет защищать честь советского спорта в полутяжелом весе? Ломакин или Воробьев? Этот вопрос волнует сейчас многих. Ответить на него трудно, сложны стратегические расчеты в тяжелой атлетике. Но не исключено, что на помосте в Риме мы увидим и того и другого. Ведь по правилам команда имеет право в одной из весовых категорий не выставить ни одного атлета, а в другой заявить сразу двух.

До сих пор ни одно олимпийское состязание штангистов не обходилось без установления новых мировых рекордов. Наверняка будут они и в Риме. Самый большой триумф ждет того штангиста, кто побьет рекорд атлета тяжелого веса американца Пауля Андерсона.

Место этого атлета, ставшего профессионалом, занял в американской команде Дэйв Ашман. Сперва казалось, что это далеко не равноценная замена. Некоторые американские газеты с огорчением констатировали, что «слона» заменил всего лишь «лось». По внушительности Ашману действительно далеко до Андерсона, но по результатам в упражнениях, требующих быстроты, «лось» уже обскакал «слона». 201 килограмм! С таким мировым рекордом в толчке приедет Ашман в Рим.

С еще более внушительными достижениями отправится в столицу Италии инженер-лейтенант Юрий Власов. На чемпионате страны в Ленинграде в сумме трех движений Власов поднял 510 килограммов, что только на 2,5 килограмма меньше абсолютного мирового рекорда Андерсона. Падет ли «царь-рекорд»? Да, говорят те, кто видел на помосте нашего богатыря. Если собрать воедино рекордные результаты Власова, установленные в разное время в толчке, рывке и жиме, то получается внушительная сумма — около 530 килограммов (175,5+155,5+197,5). Но Власов и это не считает своим пределом. Подхлестываемые его достижениями, Ашман, двукратный чемпион мира Алексей Медведев, негр Джим Брэдфорд, аргентинец Хумберто Сельветти сейчас готовятся к тому, чтобы преградить путь Власову к абсолютному первенству.

Мы не касались еще двух весовых категорий — легкой и полусредней. В первой результат, показанный в троеборье за время,

МОСКВА—ЙОРК

Было два часа ночи, когда телефонистка соединила «Огонек» с далеким американским городком в Пенсильвании — Йорком. В этот центр тяжелоатлетического спорта США, в прекрасно оснащенные залы олимпийского тренера и бизнесмена Боба Гофмана, задолго до международных соревнований съезжаются сильнейшие американские штангисты. Здесь они напряженно тренируются, детально изучают по кинофильмам технику советских атлетов. На трико всех членов сборных команд Америки более тридцати лет вышито название клуба Гофмана — «Йорк барбелл клаб».

На другом конце провода трубку берет Боб Гофман. Обычно он очень словоохотлив, но сейчас даже уверение, что с ним говорит не «агент» советского тренера Куценко, не делает его более разговорчивым.

— Точно состав нашей команды еще не определен. В Рим я привезу 6—8 человек.

— А кто сейчас тренируется в Йорке, мистер Гофман?

— Винчи — легчайший вес, Бергер — полулегкий, Коно — полусредний, Джордж — средний, Пулскамп — полутяжелый, Брэдфорд, Шеманский, Сирк — тяжелый.

— Где же Ашман?

— Ашман на юге: тренируется и одновременно залечивает ногу.

— Кого вы думаете выставить против Власова?

— Это безразлично: Власов побьет любого. С ним мог бы тягаться только Андерсон. Но тот занят теперь профессиональной борьбой и боксом. Это хороший бизнес. Власов — величайший из всех великих гиревиков. Его выступление в Риме будет событием, которого никогда не знал спортивный мир.

— На что способны ваши тяжеловесы?..

— Шеманский, первый в свое время достигнувший рубежа 500, после четырехлетнего перерыва опять взял в руки гриф штанги. Он мечтает побить Брэдфорда и поехать в Рим. Ашман способен на 510, а юный Сирк — на 500.

— Кто из американцев рассчитывает на золотую медаль?

— Винчи, Бергер и Коно. Сейчас я попробую пригласить к телефону нашего капитана Коно, тренирующегося в одном из соседних залов, а пока поговорите с известным тренером Терпаком.

— Здравствуйте,— звучит приветствие по-русски.— Я буду судьей на состязаниях атлетов полусреднего веса. Кто победит, Коно или Курынов, решит только помост. Ни за что не берусь предсказывать победителя.

У телефона опять Гофман. Ему не удалось найти Коно.

— Кто, по вашему мнению, станет золотомедалистом в советской команде? — спрашиваем его.

— Бушуев, Плюкфельдер, Воробьев и Власов.

Мы благодарим за беседу господина Гофмана, который просит передать дружеский привет всем советским штангистам и их тренеру Куценко.

омосте

В. ПЕТРУСЕНКО,
Д. ИВАНОВ,
мастер спорта

прошедшее с XV Олимпиады, поднялся на 32,5 килограмма. Во второй — на 30 килограммов. В Риме будут задавать тон те, кто принимал самое активное участие в продвижении этих рекордов. Если уже сейчас можно выписать билеты на поездку в Рим легковесам Мариану Зелинскому (Польша), Кендзи Онума и Хироси Ямацзаки (Япония), то нам сделать это не так-то легко. Вплотную к трехкратному чемпиону мира Виктору Бушуеву подошли Сергей Лопатин, Акоп Фараджан, Мустафа Яглы-Оглы, Анатолий Жгун. Жаркий спор между ними в Ленинграде закончился победой Бушуева. Он на 7,5 килограмма превысил свой официальный мировой рекорд, но всего лишь на 2,5 килограмма отстал от него Сергей Лопатин, сын знаменитого штангиста, второго призера XV Олимпийских игр Евгения Лопатина.

Кто из них выйдет на римский помост? Чемпион или дебютант? А может, тренеры и здесь решатся применить принцип «тандема»? Такая пара на помосте — огромная сила.

Японец из Америки «загадочный» Томми Коно восемь раз поднимался на высшую ступень пьедестала. Американцы ждут от него в Риме девятой победы. Если Коно, выступающий в полусреднем весе, оправдает их надежды, то он станет вдобавок еще и первым штангистом, трижды завоевавшим олимпийский титул.

Коно — замечательный штангист, но так ли он неуязвим? В 1958 году на помосте в США японец дважды проиграл ленинградцу Федору Богдановскому, а теперь у него есть не менее опасный соперник, с которым он еще ни разу не встречался, советский атлет Александр Курынов. Курынову удалось отобрать у американца два мировых рекорда: в толчке — 169,5 килограмма и в рывке — 134 килограмма. Правда, у Коно остался решающий рекорд, в сумме троеборья — 430 килограммов, но Курынов уже однажды его повторил и думает идти дальше.

Тяжел путь сильнейших штангистов мира к Риму, но там их ждут еще бóльшие трудности. Семь золотых медалей увезут с собой лучшие из лучших. Кто же окажется их обладателями? Не будем гадать. Ведь 7 сентября штангисты начнут борьбу. Будем же внимательно следить за развитием событий на олимпийском помосте.

Мои друзья — волшебники

Дик ЧИТОШВИЛИ

Записки иллюзиониста

1. Мой друг Кинг-Королев

Мое знакомство с Хорасом Кингом, известным английским иллюзионистом, секретарем самого большого в мире Магического клуба, произошло несколько необычно. На Лондонском аэродроме он молча показал на группу фоторепортеров и положил мне в карман английский флаг, шепнув, чтобы я первым достал из-под его пиджака советский флаг, а он вытащит этот, английский. Инсценировка была неожиданной для корреспондентов, и на другой день в газетах появились заметки и фотографии об иллюзионном «чуде» в аэропорту.

Журналисты ловили каждое слово, следили за жестами, мимикой, не отставали ни на шаг. Не удивительно поэтому, что когда на другой день я остановился посмотреть на уличных артистов, то моментально попал в газету с заметкой под русским заголовком «Страшно интересно».

На площади выступали два человека. Один из них завязывал напарника с головой в черный мешок, туго скручивал его стальными цепями и потом продевал под цепи острые мечи. При этом он кричал и энергично жестикулировал, зазывая народ. Образовалось плотное кольцо любопытных. Когда человек был «упакован», начался сбор средств. В шапке зазывалы, одетого в заплатанные штаны и выгоревшую майку, позвякивали мелкие монеты. Не хватало еще нескольких шиллингов, представление задерживалось. Но вот кто-то бросил недостающие деньги, и человек в мешке начал судорожно кататься по земле, пытаясь освободиться от мечей и цепей.

Через несколько минут он встал — вспотевший, с взъерошенными волосами, худой и грязный, но свободный. Толпа начала расходиться. Вот тут-то я и сказал: «Страшно интересно».

...Хорас Кинг с таинственным и многообещающим видом как-то раз привел меня к своим друзьям. «Вот и пришли!» — радостно восклицает Кинг, и мы поднимаемся в самый большой лондонский магазин фокусов. Его хозяин — мистер Стенли. Здесь все любопытно. Нет прилавков, не видно и товара. В салоне для покупателей стоят кресла. Садимся. Мистер Стенли интересуется жизнью советской эстрады и наконец зовет продавца, молодого итальянца с живыми, блестящими глазами. Началась «продажа» — и продавец превратился в артиста. Прекрасно манипулируя, он живо комментировал фокусы.

Магазин мистера Стенли в Лондоне называют «уникальной магической студией». Кроме того, Стенли — издатель многочисленной литературы о фокусах и ежемесячного специального журнала, в котором он не только знакомит с новинками своей студии, но и рассказывает об истории магии, видных ее представителях. Другой крупный магазин фокусов принадлежит мистеру Девенпоту. У Девенпота продаются «магическая» аппаратура, легкие ручные трюки, головоломки, домашние шутки и загадки.

Кинг приготовил нам еще один приятный сюрприз: поездку в Лондонский Магический клуб. Клуб существует более пятидесяти лет. Имена создателей высечены золотыми буквами на доске. Оформлено помещение в современном и вместе с тем загадочном и таинственном стиле. В клубе есть ми-

На аэродроме английский и советский иллюзионисты достали друг у друга из карманов флаги.

ниатюрный театр, интересный музей, где можно увидеть сценический реквизит знаменитых фокусников прошлого начиная с XVII века, большая специальная библиотека, в которой собраны все издания о мире загадок. В богатейшей коллекции более 17 тысяч статей, самые старинные издания датированы 1710, 1651 и даже 1634 годом.

Иллюзионист Роберт Харбин.

Магический клуб издает свой ежемесячный журнал, устраивает конкурсы, вечера, фестивали. Около двух тысяч человек являются его членами. Большинство их не профессионалы, а любители. Собираясь здесь вечерами после работы, они показывают друг другу небольшие фокусы, выступают с новыми трюками на клубной сцене. При нас один из членов клуба показывал товарищам обыкновенный карандаш, заточенный с одного конца. На другом конце была резинка. Карандаш фокусник медленно просовывал в зажатый кулак, а вытаскивал его отточенным с двух концов.

Президент клуба мистер Херберт Коллингз и вице-президент Фрэнкис Вайт, побывав на концертах нашей группы, предложили устроить небольшой иллюзионный вечер для советских гостей. Выступали девять лучших фокусников Англии. Мне особенно запомнился номер Роберта Харбина. Он давал зрителям разрезать пополам толстую веревку и тут же показывал, что она снова целая. Делал он это очень чисто, ловко и красиво. С веревкой у фокусника было множество превращений: он завязывал двойной узел и, встряхнув, моментально распрямлял веревку; зажигал ее с двух сторон и, помяв в руках, бесследно уничтожал следы огня; делал веревку упругой и балансировал ею, как палкой.

Затем Харбин уселся на спинку стула, встав ногами на сиденье, вынул газету и показал, как он ездил в Лондоне во время войны в автобусе. Сначала он спокойно читает, развернув всю газету. Но вот на остановке сели пассажиры, стало тесно, пришлось разорвать газету пополам и сложить. Через некоторое время набилось еще больше народу, он опять рвет газету пополам и продолжает читать. Тесно! Вздохнув, он рвет газету снова. И так, пока Харбин доехал до места работы, в руках у него были одни клочки. Но вот он выходит на улицу, распрямляет плечи, сжимает в кулаке эти клочки и, улыбнувшись, раскрывает совершенно целую газету. Трюк не новый, но согласитесь, что оформлен и преподнесен он занимательно.

Выступали и артисты в различных «масках»: то это джентльмен, показывающий салонные шутки, то клоун-неудачник, забавляющий публику неожиданными трюками, то пьяница во фраке и сдвинутом на затылок цилиндре, для которого весь мир — сплошной фокус. На вечере члены Магического клуба показали высокое мастерство, блестящую технику, артистизм.

Перед отъездом мой новый друг Хорас Кинг просил прислать ему русскую вышитую рубашку. И вот недавно я получил фотографию и письмо, в котором Кинг пишет, что сделал «русский иллюзионный номер» и выступает в сапогах, шароварах и косоворотке и под фамилией не Кинг (что значит «король»), а Королев. Ассистирует по-прежнему его жена Бетти в украинском костюме и сапожках.

2. ВЕСЕЛЫЙ МАГИНИ

Фокусы — очень древнее искусство. Древним фокусникам верили, преклонялись перед ними, считали их носителями чего-то сверхъестественного, почти божественного. В средние века положение резко изменилось. Церковь утверждала, что фокусники состоят в союзе с дьяволом, а все их трюки — адское колдовство. Нередки были случаи, когда ни в чем не повинные люди попадали на костер.

Мы не считаем современного фокусника связанным с богом или дьяволом, хотя и не всегда можем объяснить проделываемые им трюки. И надо признаться, что сейчас, когда так быстро развиваются наука и техника, удивить зрителя становится все труднее.

Современные фокусники, получив возможность использовать некоторые известные научные достижения, вынуждены делать акцент в своих выступлениях на высокий артистизм, искусную манеру подачи и оригинальное оформление номера.

Это прекрасно понял молодой финский манипулятор Рейо Салминен, с которым я познакомился во время гастролей по Скандинавии. Про Салминена говорят, что он репетирует, развивая технику пальцев, по 16 часов в сутки. Я привожу серию фотографий, где он одной рукой ловко тасует колоду карт. Три-четыре движения пальцев — и колода перетасована. Хорошо известно публике многих стран имя и финна Солму Мякеля, автора «Большой книги чудес».

В Дании я познакомился с иллюзионистом Эделингом. Его выступления называют «замкнутым кругом», сквозь который не может проникнуть человеческая мысль. Эделинг, например, выпускает из рук трех бабочек, заставляя летать их по сцене. Затем они садятся на букет цветов, из которого появляются сотни им подобных разноцветных мотыльков.

Норвежский фокусник Эгело, несколько лет назад выступавший в московском Эрмитаже, получил два больших золотых приза на международных фестивалях магии. (Такие фестивали, конкурсы устраиваются ежегодно в различных городах мира.) Я опишу вам один из любимых номеров Эгело.

На подносе устанавливается пять пустых кружек различного размера. Самая маленькая из них наполнена молоком. Эгело берет маленькую кружку и ее содержимым наполняет все пустые кружки, причем молоко в ней не убывает. Настоящая «чаша изобилия»!

Я должен сказать, что на Западе очень многие иллюзионисты-манипуляторы увлекаются главным образом мелкими трюками. Эти трюки можно показывать только на близком расстоянии: в ресторанах, в кабаре перед столиками публики. Наши же артисты, манипулируя часто с мелкими предметами, все же рассчитывают на большие аудитории. Именно такие трюки дали мне возможность выступать перед большой аудиторией в народных парках Швеции. И, как правило, здесь в любом городке после концерта приходил ко мне местный «кудесник». Так было и в Стокгольме. Не успел я собрать свой реквизит после выступления, как неожиданно отворилась дверь, и в комнату вошел мужчина небольшого роста, очень подвижный, с хитрыми глазами. Его шумный приход отнюдь не соответствовал традиционному таинственному появлению фокусника. Тем не менее, когда я прочел на визитной карточке его фамилию «Магини», я понял, что передо мной коллега. Мы познакомились и быстро нашли множество вопросов, интересующих нас обоих. Самым главным, что волновало Магини, были его предстоящие гастроли в Москве. Мы шли по улицам, и я с удовольствием рассказывал моему новому знакомому о вкусах и требованиях советского зрителя, о парке ЦПКиО, в котором ему предстояло выступить.

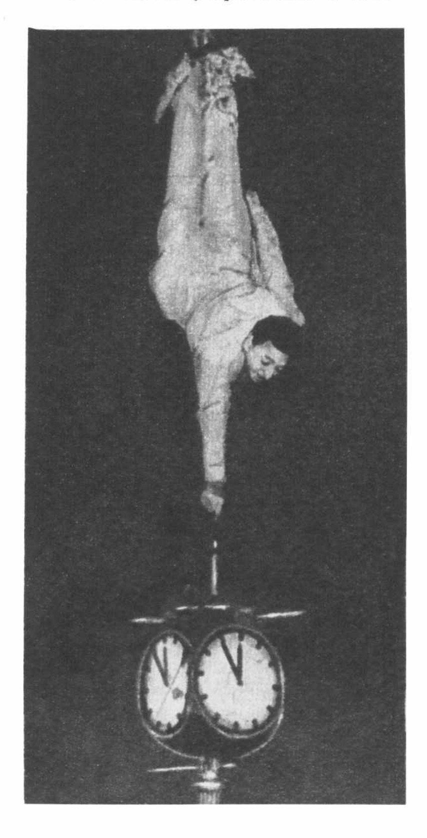

Веселый эксцентрик Магини.

Мы остановились у ворот парка, в который буквально валил народ. «Это наш Тиволи,— сказал Магини, хитро сощурив глаза.— В нем собраны десятки аттракционов, занимательных игр, развлечений, шуток, лотерей».

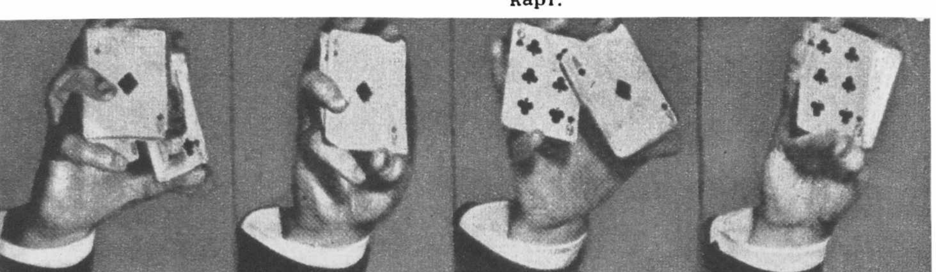
С визгом прокатившись на так называемых американских горках, мы пересаживаемся на «доджи» — крошечные двухместные автомобильчики, размещенные на большом треке. Включается ток — и машины приходят в движение. К автомобильчикам толстым кольцом прикреплена резина. Когда два таких автомобиля сталкиваются, удары благодаря резине почти не ощущаются, хотя страх от того, что на тебя мчит машина, не исчезает. А тут еще обязательно кто-нибудь озорничает: едет только против движения и норовит ударить каждую встречную машину. После «доджа» мы пересели на головокружительную карусель. Вокруг своей оси по часовой стрелке быстро вращалась и качалась снизу вверх огромная платформа. А на ней уже против часовой стрелки зигзагами двигались небольшие вагонетки, вращавшиеся то в одну, то в другую сторону. «Ну как? — с интересом спросил Магини.— Закружилась голова?» Не успел я ответить, как он потащил меня в лабиринт, из которого мы не могли выбраться больше получаса. Всех развлечений, находящихся в парке Тиволи, даже невозможно запомнить, но большинство из них интересные и довольно разнообразные. Любопытно, например, побывать на корабельной палубе во время сильного шторма. Темно, временами сверкает молния, палуба качается и уходит из-под ног, слышатся шум морских волн и раскаты грома. Хорошо, конечно, что это длится недолго, а то не мудрено получить и «морскую болезнь». Забавной была поездка в «подземелье» — несколько вагонеток въезжают как бы в «ад». Поезд движется медленно, вокруг темно. Вдруг сбоку на мгновение вспыхивает свет, и вы видите, что из гроба встает мертвец, потом появляется скелет, затем — привидение. В общем, полное знакомство с загробной жизнью.

Мы привыкли к аттракционам спортивного характера, в которых можно показать свою ловкость, силу, смелость, и поэтому решили разыскать тир, чтобы посоревноваться в стрельбе. На стенде тира изображен густой лес, по которому, прячась между деревьями, движутся картонные звери. Место, где у них находится сердце, обозначено красным пятном. Беру винтовку, прицеливаюсь, нажимаю курок, но выстрела не слышно. Между тем лев перевернулся вверх ногами: убит. Что это, ошибка? Но вот уже несут мне приз: ружье стреляет световым лучом!

Где-то в стороне зазвонил колокол, и народ устремился к боль-

Тау-Ру делает стойку на указательном пальце.

Финский манипулятор Рейо Салминен одной рукой ловко тасует колоду карт.

Заклинатель змей.

шой площади. Там начиналось уличное представление. Выступает Тау-Ру, эквилибрист, объездивший всю Европу и Америку. На высоком пьедестале, изображающем часовую башню, стоит большая пустая бутылка, в горлышко которой артист просовывает указательный палец, а затем медленно выжимает на пальце стойку. «Феноменальный Тау-Ру!» — кричал карлик, ударяя в колокол.

Смеркалось, аттракционы заканчивали свою работу. Мы направились к выходу и мимоходом взглянули на артиста, который с трудом освобождал связанные сзади локти рук.

— Это, конечно, не Эрих Вайс,— сказал мой спутник.

— Вы имеете в виду Вайса, который взял псевдонимом имя великого французского фокусника Гарри Гудини? — спросил я.

— Да, да!— живо отозвался Магини.— Вайс мог освобождаться из веревок, которыми был туго опутан. Более того, он освобождался от наручников, кандалов, железных цепей. Вайс предлагал 25 долларов тому, кто сможет его связать так, чтобы он не смог освободиться. Но такого человека за многие годы жизни фокусника не нашлось.

— А сколько шуму наделал случай, когда Вайс освобождался от пут в воде! — продолжил я.— Гудини дал надеть на себя смирительную рубашку, после чего его перевязали железной цепью и бросили в воду. Через три минуты он появился на поверхности без пут. Но верхом искусства Гудини было то, что он вышел из камеры смертников в Вашингтонской тюрьме в 1906 году.

Мы рассказывали друг другу не анекдоты. Гарри Гудини действительно был величайшим фокусником современности. Все, что он делал, было возможным благодаря необыкновенному знанию фокусником техники, чрезвычайной сообразительности, сильной мускулатуре, смелости и большому самообладанию.

Магини приехал в Советский Союз с группой артистов шведского варьете и выступал в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. Те, кто был на этих концертах, вероятно, помнят смешного эксцентричного артиста в клоунском костюме.

3. ДЕРЕВО РАСТЕТ НА ГЛАЗАХ

Первого января этого года, когда москвичи поеживались от холода, пришел я на раскаленный солнцем пляж Индийского океана. Это было на Цейлоне. Здесь я и увидел первого цейлонского фокусника. Смуглый, босой, с длинной черной бородой, он был одет в желтую клетчатую юбку, на голове красная чалма. Собрав нескольких туристов, фокусник уселся на корточки и тихо заиграл на национальном духовом инструменте пунги какую-то удивительную мелодию. И тогда из небольшой корзиночки, стоявшей перед ним, медленно выползла кобра. Острый, тонкий язычок ее зловеще торчал из открытого рта, страшно поблескивали желтые глаза. Все невольно отодвинулись подальше. Кончив играть, фокусник взял змею голыми руками, потом обвил ее вокруг тела, положил себе на плечи и поцеловал.

Зрители бросили артисту несколько рупий и отвернулись. А он, собрав свой реквизит, побрел дальше.

Мне хочется рассказать еще об одном артисте, выходце из народа, концерт которого я увидел там же. Это был настоящий профессионал. В костюме чародея он показывал фокусы и искусно манипулировал с необычайными предметами и вещами: это были морские звезды и причудливые кораллы, бананы, бамбуковые палочки, орехи, черепахи, тростник.

Наконец, цейлонец показал зрителям зернышко лимона, закопал его в землю и прикрыл на мгновение платком. За это мгновение из земли под платком вырос небольшой зеленый отросточек. Фокусник прикрыл его вторично — отросточек превратился в тонкий кустик. Когда в третий раз под платком исчез и кустик, фокусник лег на живот и приложил ухо к земле, как бы прислушиваясь. Шелковая поверхность платка колыхалась, точно под ним кто-то шевелился. Вдруг фокусник пронзительно крикнул. Платок, как по волшебству, взлетел в воздух — и на месте кустика все увидели деревце. Да! Настоящее лимонное деревце, с веточками, листочками, зеленое и свежее. Я подошел к фокуснику, поблагодарил его за мастерство и сказал, что он почти повторил непревзойденный трюк известного Робера Гудона. Только у Гудона дерево росло на глазах у публики и на ветвях появлялись сочные желтые лимоны, из которых фокусник извлекал красочные шелковые платки. Гудон умер, так и не открыв секрета этого изумительного фокуса.

Объездив все крупные города Цейлона, мы возвратились в Коломбо, где нам предстояло дать два бесплатных концерта на Народном поле. Один местный дрессировщик пригласил нас осмотреть зоопарк. Цейлонский зоопарк — одна из богатейших коллекций мира, в которой собраны редкие экземпляры хищников, обезьян, птиц и рыб.

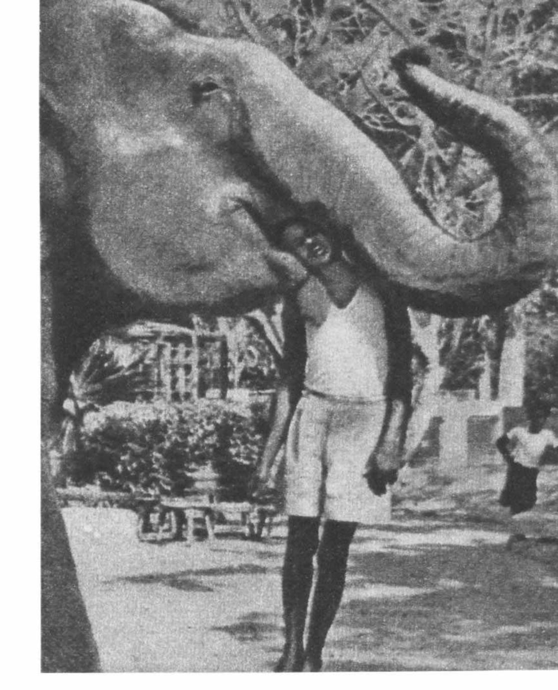
Всего не перечислишь, но о цирковом выступлении слонов в зоопарке мне хочется рассказать. Специального помещения для представления здесь нет. Зрители сидят просто на склоне холма. Внизу на гладкую площадку выходят, звеня бубенчиками, семь слонов: сначала большой, потом поменьше, еще меньше и последний — совсем «крошка». Сначала слоны проделывали почти все то, что обычно делают слоны и в нашем цирке: танцевали, забавно кланялись. Потом начались «смертельные номера». Дрессировщик лег на землю, и самый большой слон стал переступать через него. Вдруг слон поставил ногу на живот человека и медленно обвел взглядом всех присутствующих, сидящих буквально не дыша. Потом, встряхнув головой, как бы давая понять, что он переменил свое решение, слон снял ногу и медленно перешагнул. Но вот на площадку выбежал второй слон, поменьше. Он сразу же схватил ртом поперек туловища полуголого служителя. Так, во рту, пронес он служителя перед зрителями. Затем вышел знакомый нам дрессировщик, погладил первого, самого большого, слона, Ранси, и вложил ему в рот свою голову. Наступила полная тишина. Мягко сжав губы, Ранси поднял человека в воздух за голову, а потом бережно поставил его на землю.

Окончились наши гастроли на Цейлоне, а настоящих факиров я там так и не увидел. Сколько слышал я о чудесах, которые они творят! Помню, читал я о записанном со слов одного англичанина-путешественника фокусе: факир показывал толстую веревку, укладывал ее в глиняный горшок и, произнеся какие-то заклинания, заставлял ее подняться в воздух. Веревка застывала, как столб, и по ней быстро взбирался мальчик. Ошеломленный англичанин сфотографировал этот трюк, но когда проявил дома пленку, то именно эти кадры оказались совершенно пустыми. «Что же это было? Гипноз?»—спрашивал англичанин читателей.

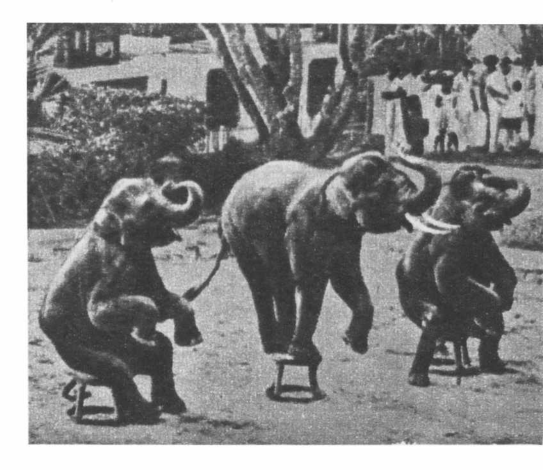
Факир на Цейлоне не просто фокусник, как часто мы называем его. Факир — это бродячий монах, который обычно придерживается учения йогов. Целая система дисциплины выделила из среды йогов людей, которые, дабы «соединиться с божеством», шли на удивительные самопожертвования. Так, известны случаи, когда йоги всю жизнь держали сжатыми кулаки, пока ногти пальцев не прорастали сквозь ладонь и не показывались с другой стороны, простаивали свой век на одной ноге и т. п. Вот тогда появились первые шпагоглотатели, люди, засовывающие в рот горящие факелы, прокалывающие гвоздями свое тело, странники, дающие себя закопать в землю на несколько минут, факиры, которые стали затем выступать, чтобы заработать и прокормиться ремеслом фокусников, дрессировщиков, заклинателей болезней, толкователей снов.

Вот такого факира я и увидел в Индии. Было это минувшей зимой в Дели. Группа советских артистов выступала на международной сельскохозяйственной выставке. Однажды после концерта за кулисами появился молодой человек с женой. Он отрекомендовался факиром Белджибубом и пригласил посмотреть его выступление.

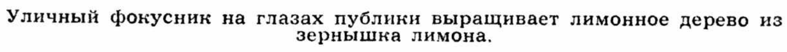
Небольшой балаган Белджибуба

Смертельный номер.

Слоны в зоопарке.

Уличный фокусник на глазах публики выращивает лимонное дерево из зернышка лимона.

находился на территории выставки и охотно посещался. В начале представления факир зажигал косы жены, загоравшиеся большим и ярким пламенем, затем, прикрыв ее голову платком и потушив огонь, давал всем убедиться, что косы целы. Белджибуб брал стекло, откусывал кусок и начинал тщательно его жевать, а затем проглатывал. Все слышали, как хрустели под крепкими зубами острые стеклянные кусочки. Факир ложился животом на доску с торчащими ржавыми гвоздями, и жена несколько раз пробегала по его спине. На теле Белджибуба не оставалось ни одной царапины. В заключение жену Белджибуба завязали в мешок, а самого его туго скрутили веревками. Их поставили рядом друг с другом, накрыли плащом, и в следующий момент в завязанном мешке оказался уже сам факир, а его жена, скрученная веревками, стояла рядом...

Я рассказал вам немного об истории фокусов, описал Английский Магический клуб, познакомил с некоторыми представителями мира волшебства и чудес. И если вас после этого хоть немного заинтересовали фокусы, я могу объяснить некоторые, простейшие из них.

Вот, например, вы берете чистый носовой платок, кладете его на руки и делаете в нем углубление. Затем насыпаете туда пепел от горящей папиросы, тушите в нем всю папиросу. И тут же показываете, что платок снова чист, не прожжен, а остатки папиросы бесследно исчезли. Делается это просто. Вместе с платком вынимаете глубокий большой наперсток, покрашенный под цвет кожи, и незаметно надеваете его на указательный палец. Такой наперсток легко можно сделать из папье-маше или выдавить из тонкой жести. Сначала вы показываете, что в руках у вас ничего нет, платок чист. После этого кладете платок на левую руку и делаете в нем указательным пальцем правой руки углубление, в котором и оставляете незаметно свой наперсток. В наперстке, словно в пепельнице, вы тушите папиросу. Затем вы снова надеваете наперсток на указательный палец правой руки и показываете чистый, невредимый платок. Главное здесь — хорошо покрасить наперсток.

Или вот почти факирский трюк. Протертую одеколоном кожу большого пальца левой руки надо незаметно предварительно проколоть иголочкой между ногтем и суставом. Затем взять носовой платок, показав, что в нем ничего нет, и наложить его, как жгут, на палец. Теперь надо согнуть в суставе палец, отвести руку в сторону и попросить острый столовый нож. Поднеся нож к отведенной руке, вы незаметно поворачиваете его тупой стороной и делаете вид, что надрезаете палец. На самом деле вы проводите тупой стороной по месту укола, где уже выступила капля крови. Размазав эту каплю и сняв платок, показываете всем свой палец, который производит полное впечатление разрезанного. Стерев кровь, вы тут же даете осмотреть палец — на нем не видно никаких следов пореза. Это можно повторить несколько раз.

Это будут ваши первые попытки стать любителем-фокусником.

Рисунок Л. Смехова.

Вторая любовь

М. СЕМЕНОВ

Павел Иванович Кошельков шел на работу. Неторопливо шагал он по свежевымытому дождем тротуару и весело поглядывал на прохожих.

Путь, который ему предстояло проделать, был не таким уже долгим. Вот сейчас он опустится в метро, проедет три станции, сделает пересадку в центре и через две остановки покинет поезд метро. От станции «Красносельская» до его учреждения ровно три минуты ходьбы. Быстро, удобно.

Павел Иванович насвистывает потихоньку какую-то песенку и внутренне улыбается: чего это он так переживал раньше и боялся пешего хождения?

Работал Кошельков начальником подглавка и имел персональную «Победу». Хотя машина была государственная, лично Павлу Ивановичу не принадлежащая, но он привык к ней, как привык к телевизору «Темп-3», фотоаппарату «Зоркий», магнитофону «Яуза» и охотничьему ружью, купленным за собственные деньги.

Собираясь утром на работу, он выглядывал в окно и всякий раз видел у ворот дома бежевую «Победу». Когда надо было возвращаться со службы домой, бежевая «Победа» стояла у подъезда учреждения. Можно сказать, что она сопровождала Павла Ивановича на всем его жизненном пути. Ехал ли он в главк пред грозные очи начальства или на примерку в ателье индивидуального пошива, отправлялся ли на футбольный матч, по грибы, на театральную премьеру, с ним всегда была его «Победа». Она была персональной по своему глубокому существу.

Павел Иванович всегда знал, когда машину надо ставить на технический осмотр, сколько километров прошла резина, как обстоит дело с горючим. Хотя Павел Иванович ни разу не брался за руль, он отлично разбирался во всех индивидуальных особенностях мотора и ходовой части бежевой «Победы», был великолепно осведомлен о всех ее слабых и сильных сторонах. Для него не представляло никакого труда, даже не глядя на номер, отличить ее среди тысяч московских машин.

Столь же хорошо он изучил и характер, склонности шофера Кости, и тот, в свою очередь, до тонкостей разбирался в привычках и вкусах Павла Ивановича. Больше того, Костя являлся своим человеком в семье Кошельковых, а Павел Иванович всегда был в курсе всех домашних дел Кости. Так продолжалось долгие годы. И вдруг все переменилось.

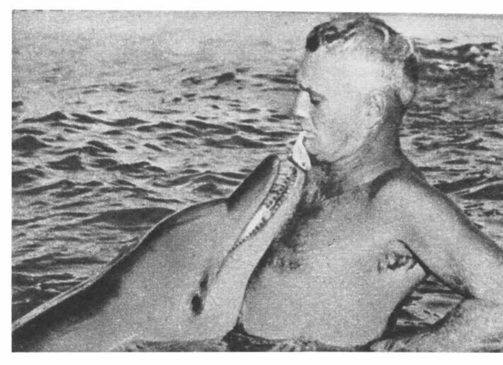
Павла Ивановича лишили персонального автомобиля.

Вот сейчас, шествуя по московской улице, он вспоминает, как был огорчен такой переменой. Его страшила перспектива оказаться в общем потоке пассажиров метро, троллейбуса, трамвая. Павлу Ивановичу казалось, что его обязательно затолкают, затрут, затискают...

Но это были напрасные тревоги. Скоро Павел Иванович обрел необходимое проворство и увертливость, хорошо изучил маршруты автобусов, метро, трамваев и стал заправским московским пассажиром. Ему даже нравилась его новая жизнь. «Теперь я больше хожу, больше дышу свежим воздухом; это очень полезно для здоровья»,— рассуждал Кошельков. А тут еще вышло и некоторое послабление: Павлу Ивановичу разрешили вызывать для срочных служебных поездок машину из общего гаража.

Занятый этими мыслями, Кошельков незаметно для себя дошел до учреждения и оказался в своем служебном кабинете. И сразу на него нахлынули привычные и чаще всего срочные, не терпящие отлагательства дела.

В полдень позвонила жена.

Деликатный дельфин

В одном из английских зоопарков публику развлекает дрессированный дельфин. На снимке вы видите его «номер»: дельфин деликатно берет рыбу изо рта дрессировщика.

Тайна пятифранковой монеты

Интересна история пятифранковых монет, которые в 1804 году Наполеон I выпустил в обращение. Монеты эти были большого размера и имели изрядный вес. Население Франции не брало их из банков. Чтобы исправить создавшееся положение, Наполеон придумал остроумный способ.

В одну из пятифранковых монет по его приказанию был вложен чек на 5 миллионов франков, дающий право на получение этой почти фантастической суммы из государственного банка.

В ближайшее же время весь выпуск пятифранковых монет оказался в обращении. Начались азартнейшие поиски монеты-сокровища. В истории не было более оригинальной лотереи.

Но до сих пор чек на 5 миллионов франков, подписанный лично Наполеоном, не был предъявлен в банк. Существует ли такая монета? На этот вопрос отвечают: «Наполеону следует верить». Известно и другое. В начале нашего столетия французское правительство подтвердило факт выпуска монеты с чеком, но гарантировало при предъявлении оплату только 5 миллионов франков без процентов, накопившихся больше чем за сто лет.

Где же эта монета? Тайна ее так и не раскрыта.

Е. ПАЛЬЧЕВСКИЙ

КЛАД СЕРЕБРА

Прочитав заметку под таким названием в № 27 «Огонька» за прошлый год, читательница П. Т. Гостеева из города Липецка сообщила нам о находке клада старинных русских монет ее двоюродной сестрой Е. Ф. Бессоновой во время работы на огороде. Письмо было направлено в отдел нумизматики Государственного исторического музея, который тщательно учитывает и собирает такие находки на территории Советского Союза. Музей обратился к сестрам с просьбой прислать клад и сообщить точно место, время и условия этой находки. Вскоре в Москву, в адрес музея, прибыла посылка с монетами XVII века весом в 650 граммов и глиняным сосудом. Музей выдал Е. Ф. Бессоновой и П. Т. Гостеевой вознаграждение.

Е. Ф. Бессонова.

П. Т. Гостеева

— Павел, тебя ждать к обеду?

— Нет, Лена, не смогу. Срочное дело есть.

— А что такое?

— Да вот еду в Черемушки на выставку малогабаритной мебели.

Елена Дмитриевна давно интересовалась этой выставкой и стала упрашивать Павла Ивановича, чтобы он захватил ее с собой.

Кошельковы прожили вместе долгую жизнь. Павел Иванович с уважением относился к жене, ценил ее заботы о доме, о детях. Ему казалось, что круг ее интересов этим и ограничивается. И вдруг такая просьба...

— Да ведь неудобно, Лена, машина-то для служебных надобностей.

— Ну что особенного, ведь все равно будешь ехать мимо нашего дома!

— Только ты, пожалуйста, не заводи в машине домашних разговоров,— предупредил он.— А то неловко будет перед посторонним человеком.

Когда они уже подъезжали к дому, Павел Иванович сказал шоферу:

— Остановитесь на минутку у «Гастронома», прихватим тут одного товарища.

И когда шофер затормозил, Кошельков вышел из автомобиля, открыл вторую дверцу, пригласил Елену Дмитриевну.

Елена Дмитриевна с удивлением посмотрела на мужа. Раньше он никогда не делал этого.

— Скажите, Елена Дмитриевна, прочитали вы во вчерашней «Литературной газете» статью об этом фильме «Все начинается с дороги»? — промолвил Павел Иванович, когда автомобиль тронулся с места.— По-моему, рецензент очень точно подметил промахи режиссера. Не правда ли?

Жена не верила своим ушам: он ли это говорит? Раньше, когда им случалось ехать вместе в бежевой «Победе», разговоры были другими. Павел Иванович имел обыкновение ворчать на жену то по поводу пережаренных котлет, от которых у него изжога, то по поводу невнимательности домашней работницы, опять всучившей ему рубашку с оторванными пуговицами... Но чтобы порассуждать с ней о фильме! Этого не случалось уже много, много лет. Да и как Павел заметил, что вчера она, готовя завтрак, читала в газете именно эту рецензию?

— Нет, Павел Иванович,— ответила Елена Дмитриевна,— я не совсем с вами согласна. Рецензент слишком сгустил краски. Если бы режиссер следовал его советам, то картина была бы невыразимо скучной и плоской...

Теперь пришло время поражаться Павлу Ивановичу. «Откуда у нее такие смелые суждения?» — подумал он. И заинтересовался:

— Ну, а вот «Озорные повороты», как вы находите этот фильм? Ведь в нем конфликт и не ночевал.

— Это и хорошо. Нам нужны и такие фильмы, где интрига проста и несложна, но зато много юмора, веселья.

Между тем автомобиль подъехал к выставке. Павел Иванович проворно открыл дверцу и помог Елене Дмитриевне выйти. «Какой он внимательный! — благодарно подумала жена.— А я-то на него последнее время обижалась». «Молодец Ленка,— решил Павел Иванович,— кажется, совсем погрязла в домашних делах, а поди ты, не утратила интереса к искусству и рассуждает очень здраво!»

Обратно Кошельковы опять возвращались в служебной машине. И опять Павел Иванович делал вид, что они не муж и жена, а просто добрые сослуживцы. Разговор велся вокруг впечатлений о выставке. И Елена Дмитриевна высказала столько метких суждений об увиденном, что муж просто поразился.

Когда жена сошла у дома и Павел Иванович остался в автомобиле один, он дал волю своим чувствам. «А все-таки порядочная ты, братец, свинья,— ругал себя Павел Иванович.— Привык относиться к жене, как к домашней работнице. На службе любишь порассуждать на всякие темы, а дома все только о котлетах, рубашках, носках, галстуках. «Подай то, сделай это». Как ей, наверное, осточертела такая жизнь!»

А Елена Дмитриевна взволнованно ходила по комнате и заново переживала впечатления поездки. Как она была неправа, обвиняя мужа в том, что он окончательно очерствел, что его чувства притупились и от прежнего Павла — внимательного, чуткого друга, интересного собеседника — ничего не сохранилось! Как можно было так жестоко заблуждаться!

Так иногда рождается вторая любовь...

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ КИНО?

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ В № 33

1. «Броненосец Потемкин» С. Эйзенштейна в 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе на конкурсе «Лучший фильм всех времен и народов» занял первое место; второе — «Золотая лихорадка» Чарли Чаплина; третье — «Похитители велосипедов» Витторио Де Сика. 2. «Путевка в жизнь». В. И. Качалов, Н. П. Баталов и М. И. Жаров. Первый звуковой фильм. 3. «Чапаев». Режиссеры — братья Васильевы. Чапаева играл Б. Бабочкин, Фурманова — Б. Блинов, Петьку — Л. Кмит. 4. «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона». Сценарий и режиссура Г. Козинцева и Л. Трауберга. Максима играл Б. Чирков. 5. «Веселые ребята». 1934 год. Дебют в кинокомедии Л. Орловой и Л. Утесова. 6. «Депутат Балтики». Н. Черкасов. Прототипом профессора Полежаева был К. А. Тимирязев. 7. «Мы из Кронштадта». Сценарий Вс. Вишневского, режиссер — Е. Дзиган, оператор — Н. Наумов-Страж. Екатерина Тийман — Р. Есипова. 8. «Петр I» по роману А. Толстого. Режиссер — В. Петров, Петр I — Н. Симонов, Екатерина — А. Тарасова, Шереметьев — М. Тарханов. 9. «Летчики». Первая роль в кино Б. В. Щукина; вскоре он сыграл студента Михайлова в «Поколении победителей», а затем В. И. Ленина в «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». 10. «Иван Грозный» С. Эйзенштейна. Им поставлены «Стачка», «Октябрь», «Старое и новое» и «Александр Невский». 11. «Жила-была девочка». Настенька — Нина Иванова. Впоследствии она сыграла роли Татьяны в фильме «Весна на Заречной улице», Гали — «Киевлянка»... Катя — Наташа Защипина, ныне студентка ВГИКа, она снималась недавно в фильме «Ваня». 12. «Сорок первый», по рассказу Б. Лавренева. Марютку играла в 1956 году И. Извицкая, в 1927 — Ада Войцик, Говоруху-Отрока — О. Стриженов и И. Коваль-Самборский. 13. В 1957 году проводился Всесоюзный конкурс на лучший сценарий. Первую премию получил И. Ольшанский за сценарий «Дом, в котором я живу». Режиссеры фильма — Я. Сегель и Л. Кулиджанов. 14. Режиссер фильма «Тарас Шевченко» — И. Савченко. Им созданы по своим сценариям: «Дума про казака Голоту», «Случайная встреча», «Годы молодые» и другие фильмы. 15. «Тихий Дон», в 3 сериях; постановщик — С. Герасимов. Аксинья — актриса Малого театра Э. Быстрицкая, Григорий — актер Московского драматического театра имени К. С. Станиславского — П. Глебов. 16. Рассказ М. Шолохова «Судьба человека» был впервые опубликован в газете «Правда». Главную роль играет С. Бондарчук. Его первая роль — Валько в фильме «Молодая гвардия». 17. Фильм «Сережа» получил «Хрустальный глобус» — Большую премию XII Международного кинофестиваля в Карловых Варах. Участник этого фильма С. Бондарчук снимался в итальянской картине «Над Римом была ночь». 18. «Летят журавли». Режиссер — М. Калатозов, оператор — С. Урусевский. Веронику играла Т. Самойлова. За исполнение этой роли она получила на XI Международном фестивале в Канне премию «Апельсинового дерева».

Пуще неволи

Кому доводилось бывать в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого в Москве, тот видел большую шкуру бурого медведя, лежащую на полу под роялем. Но не все знают, что этот медведь чуть было не лишил жизни великого писателя.

Литография крестьянина Архипа Осташкова.

Как известно, в молодости Толстой был страстным охотником и отлично знал охоту.

В декабре 1858 года, находясь в Москве, Лев Николаевич Толстой получил от поэта Фета сообщение, что их общий знакомый, писатель С. С. Громека, приглашает поохотиться на медведей. Лев Николаевич и его брат Николай Николаевич с радостью приняли это приглашение. Их компанию разделил и брат Фета П. Шеншин.

Охота началась 21 декабря. В ней участвовал местный крестьянин медвежатник Архип Осташков. Первый же день охоты Льву Николаевичу принес удачу: он застрелил медведя. Но второй день охоты, 22 декабря, чуть было не стоил ему жизни.

Поднятая медведица пошла на брата Толстого. Он выстрелил, но промахнулся. Медведица бросилась к Толстому. Лев Николаевич выстрелил, но тоже промахнулся. Затем выстрелил вторично. Пуля попала медведице в рот. Зверь с яростью набросился на человека и повалил его в глубокий снег. У Толстого единственным оружием защиты оставалась большая лохматая шапка, которую он подставлял к

пасти разъяренной медведицы.

Николай Николаевич Толстой и Громека тут же поспешили на выручку, но замешкались в глубоком снегу. Их опередил Архип Осташков, прибежавший к месту схватки с одной хворостиной в руках. Он громко закричал. Этот крик, как видно, испугал зверя. Зверь оставил свою жертву и скрылся.

Толстой с трудом поднялся на ноги. На лбу и под глазами у него кожа висела клочьями. Весь снег на месте схватки был красен от крови. Но молодость и здоровье победили. К 4 января 1859 года Толстой уже настолько поправился, что с братом Николаем снова мог принять участие в охоте на медведей. Эта охота прошла без особых приключений. А 20 января охотникам удалось убить четырех медведей. Каково же было их удивление, когда в челюсти одного из убитых зверей они обнаружили пулю, посланную недавно Толстым. Как память об этой охоте остались на лице Льва Николаевича два шрама — один на лбу, другой под глазом.

Шкура медведицы была выделана и служила ковром. Она лучшая иллюстрация к рассказу писателя «Охота пуще неволи». В музее хранится и литография крестьянина Архипа Осташкова, спасшего от гибели Льва Николаевича Толстого.

С. МИНАЕВ

БЕЗ ЗАВТРАКА

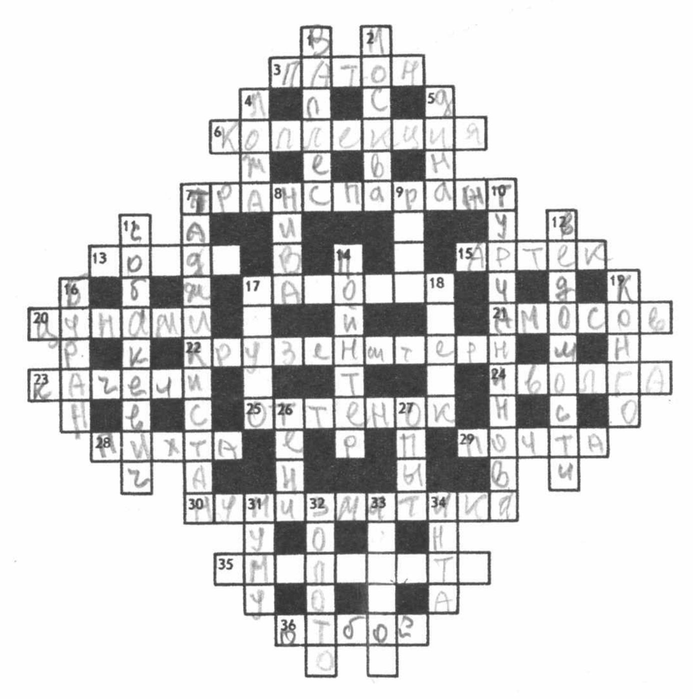
Ранним июньским утром я сидел на отлогом берегу Оки. Недалеко от меня над быстриной реки, описывая небольшие круги, вился ястреб. В выси плавал другой хищник, покрупнее. Вдруг паривший внизу ястреб сложил крылья и стрелой полетел вниз. В острых когтях сверкнула крупная рыба. С пойманной рыбой ястреб быстро полетел к лесу. Неожиданно сверху налетел на рыболова другой ястреб. С разлету он ударил грудью рыболова — тот выронил свою ношу на землю. Налетчик спустился на траву, схватил чужую добычу и полетел к лесу. А обиженный рыболов вернулся к реке.

Вскоре крылатый рыболов опять поймал рыбу и отправился было с нею в поле. И опять налетел крупный ястреб, выбил у бедного рыболова добычу, схватил ее и улетел.

Ограбленный же ястреб вернулся к реке и стал кружиться над отмелью...

Н. НИКОЛЬСКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Советский ученый, специалист по сварке. 6. Собрание однородных предметов. 7. Прозрачная ткань с изображением, освещенная сзади. 13. Форма музыкального произведения. 15. Пионерский лагерь в Крыму. 17. Стиль в искусстве. 20. Гигантские волны, возникающие при землетрясении. 21. Русский металлург XIX века. 22. Руководитель первой русской кругосветной экспедиции. 23. Аттракцион. 24. Певчая птица. 25. Разновидность цвета. 28. Хвойное дерево. 29. Отрасль связи. 30. Наука о монетах и медалях. 35. Сплав металла с ртутью. 36. Горная выработка.

По вертикали:

1. Французский астроном и физик. 2. Новый плавательный бассейн. 4. Место в зрительном зале. 5. Единица измерения силы. 7. Союзная республика. 8. Засеянное поле, пашня. 9. Старинное народное зрелище. 10. Актриса Малого театра. 11. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 12. Газета, издававшаяся при Петре I. 14. Порода охотничьих собак. 16. Метель в степи. 17. Итальянский мыслитель XVI века. 18. Литературный жанр. 19. Новое государство в Африке. 26. Пьеса М. Е. Салтыкова-Щедрина. 27. Эксперимент. 31. Рассказ И. С. Тургенева. 32. Благородный металл. 33. Город в Узбекистане. 34. Река в Коми АССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали:

4. Луговской. 5. Недотрога. 10. Настойчивость. 15. Ереван. 16. «Сигнал». 17. Рассказ. 19. Энтузиаст. 20. Ярославна. 22. Картина. 26. Эпитет. 27. Белуха. 28. Физкультурник. 29. Петрошани. 31. Вычитание.

По вертикали:

1. Кулон. 2. Кайра. 3. Светочувствительность. 6. Джонка. 7. Отвага. 8. Чабан. 9. Отлив. 11. Хемингуэй. 12. «Щелкунчик». 13. Инфразвук. 14. Ильинская. 17. Рысак. 18. Зурна. 21. Рерих. 23. Август. 24. Натура. 25. «Зенит». 29. «Певцы». 30. Ипель.

На первой странице обложки: Лидия Михайловна Шевченко с молодыми учительницами Л. Илюхиной и Л. Бородиной.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.
Оформление И. Уразова.
Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А07151 Подписано к печати 17/VIII 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 700 000. Изд. № 1387. Заказ 2205.

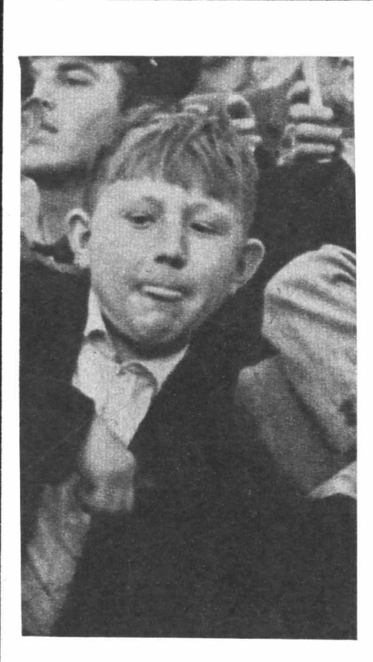
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Андрей СТАРОСТИН, заслуженный мастер спорта.

Фото А. Бочинина и О. Кнорринга.

Артисты цирка в отпуске.
Рисунок И. Массины.

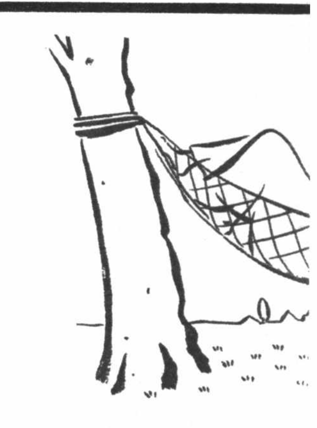

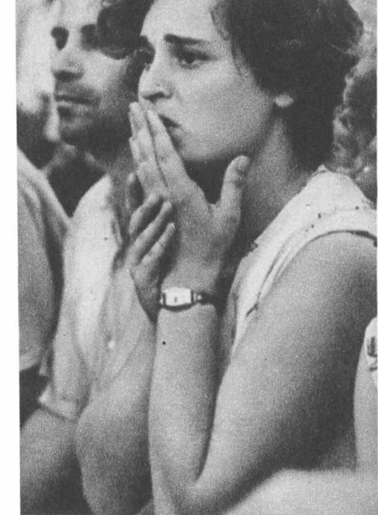
Рисунок В. Воеводина.

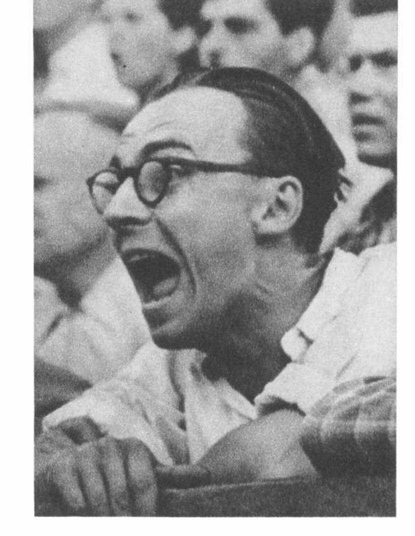

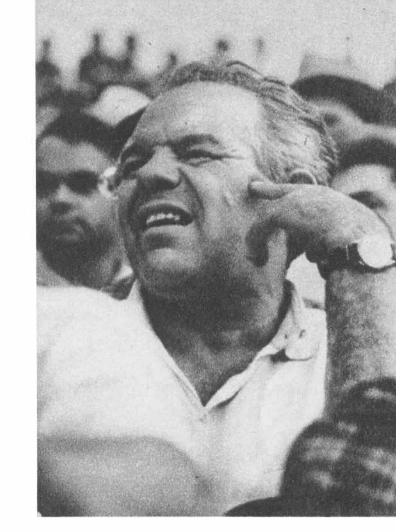
— Отойди, Ваня, 11-метровый беру на себя.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

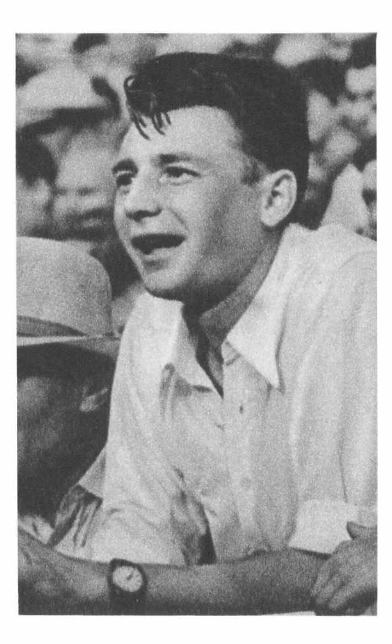

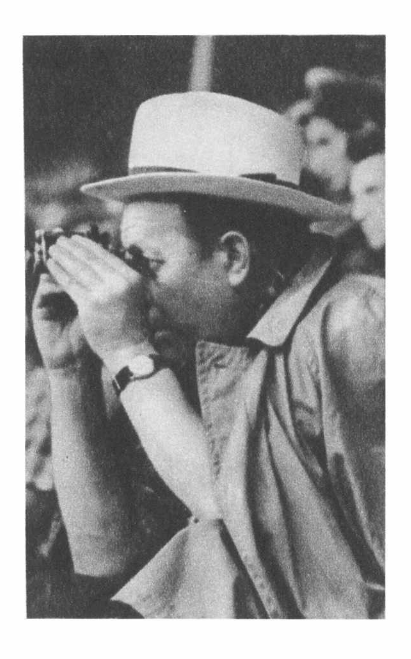

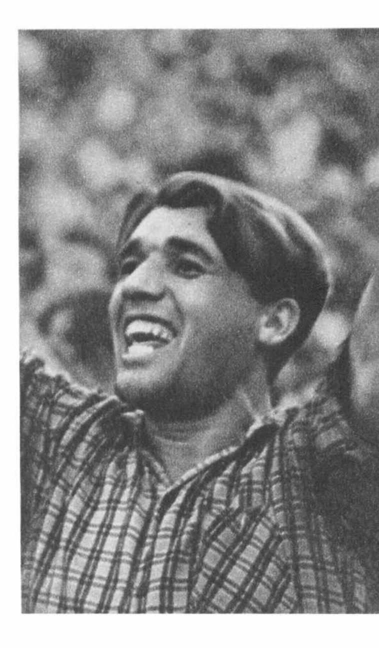

БОЛЕЛЬЩИКИ

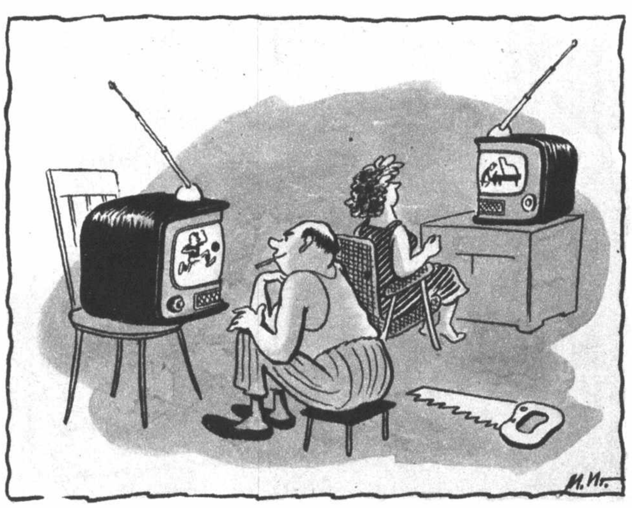

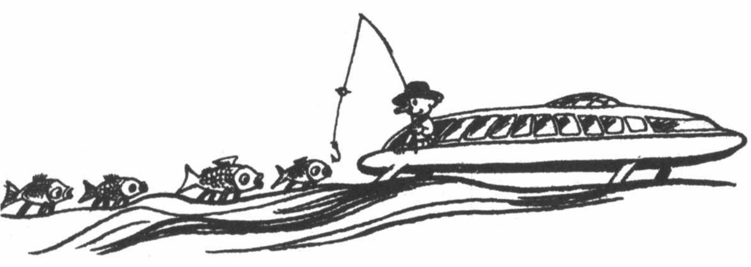

— Ах, как здесь хорошо! Мы каждое воскресенье будем выезжать сюда, милый.

Споров больше не будет. **Рисунок И. Массины.**

Приспособились. **Рисунок Е. Горохова.**

Болельщики!

Кто больше их любит спорт? Кто способен часами простаивать в очередях у касс стадионов, стойко переносить и мороз, и жару, и дождь, и град, и снег? И все для того, чтобы присутствовать — именно присутствовать — и видеть своими глазами мельчайшие перипетии состязания, испытать ту великую остроту чувств, которая отличает истинного болельщика от простых смертных.

Сколько подлинно драматических моментов переживает болельщик всего за два часа футбольного матча!

Настоящий болельщик — друг спорта и спортсмена. Он очень чуток и корректен. Он ни за что не принесет с собой на стадион сорокаградусную «половинку», ибо он знает: водка — враг спорта. Болельщик будет переживать, но никогда не допустит ни одного грубого выпада в адрес судьи или «противника».

Таких болельщиков спортсмены любят и даже «играют» для них. Чувствуя понимающего болельщика, они начинают играть изобретательней, искусней, красивей. И в этом особая радость, наслаждение спортом.

Но есть и другой сорт «болельщиков». Их немного, но они есть. Собственно, болельщиками этих людей даже нельзя назвать. Состязания часто рассматриваются ими лишь как предлог «раздавить», «хряпнуть» и после всего этого с налившимися кровью физиономиями орать во все горло, не боясь вмешательства дружинников или милиции. Такая «болезнь» часто начинается с нецензурщины, потасовки, а заканчивается в вытрезвителе.

Этих людей не любят ни спортсмены, ни настоящие болельщики, с ними борется общественность. И все же они проникают на наши стадионы, отравляя своим сивушным дыханием здоровую и чистую атмосферу советского спорта. Хорошо, что их мало.

Посмотрите на фотографии. Эти люди — болельщики подлинные. Спорт — их настоящая страсть!

ИЗДЕЛИЯ ФЕДОСКИНСКИХ МАСТЕРОВ.

Фото Б. Кузьмина.

В. Д. Антонов. ЛАРЕЦ «КОНЕК-ГОРБУНОК».

В. А. Налимов. БРОШКА «ЛЕТНЯЯ ТРОЙКА».

М. Г. Пашинин. ТУАЛЕТНАЯ КОРОБОЧКА «ЛЫЖНИКИ».

С. В. Монашов. ШКАТУЛКА «ТАНЕЦ «ТРОЙКА».